

[Polaris]

ЧЕРПОВА

ДЮЖИНА

Русский оккультный роман

Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCI

Salamandra P.V.V.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Роман тринадцати авторов

Русский оккультный роман

Том VII

Salamandra P.V.V.

Черты дюжина: Роман тринадцати авторов (Русский оккультный роман. Том VII). Комментарии С. Шаргородского. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 65 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCI. Факсимильное изд.).

Коллективный оккультно-фантастический роман «Черты дюжина», печатавшийся в 1918 г. на страницах газеты «Петроградский голос», обещал стать одним из самых ярких событий в истории русского романа-буриме — тем более, что первые главы были написаны А. Амфитеатровым и Ф. Сологубом.

Своими главами успели поделиться с читателями также В. Немирович-Данченко, П. Гнедич, И. Потапенко и А. Зарин. Однако в начале августа 1918 г. газета в числе других неугодных властям изданий была навсегда закрыта, а «чертову дюжину» авторов разметала судьба...

Сохранившийся текст публикуется в факсимильном виде по сканам, выполненным Российской национальной библиотекой.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Роман тринадцати авторов

РОМАН ТРИНАДЦАТИ!

— Роман тринадцати?

— Да, тринадцать авторов, известных, порядком условившись, конечно, так, чтобы это ничуть не стесняло свободного проявления каждого, разработают общий замысел увлекательного и содержательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседании циксовдепа и т. д. Читатель в массе устал от всего этого и свою волю к просто живой, интересной и литературной книге он явственно выражает тем, что раскупаает эту спокойную книгу дотла в магазинах, расхватывает Пушкина, где только можно, и письмами в редакцию заявляет, что хотел бы перевести дыхание от набившей оскомину политики и «впечатлений крови и убийства».

— Значит, это даже не будет роман сегодняшнего дня?

— Если вы собираетесь найти в нем Распутина, Сухомлинова, полковника Полковникова и взятие Зимнего дворца — несомненно, этого вы не найдете. Лубочных сказаний обо всем этом слишком достаточно, для художественной трактовки этого час еще не приспел. Это очень соблазнительный эпилог какой угодно эпопеи, но, может быть, даже последняя глава нашего романа обойдется без этого...

— Роман, конечно, юмористический?

— Отнюдь нет. Мы, напротив, надеемся, что даже писатели юмористического уклона дадут реальные страницы. Талант — нечто гибкое и разнообразное. А, впрочем, разве забавное не врезается в драматизм жизни и наоборот? Вообще, мы хотели бы всего менее стеснять кого-либо.

— Вы не боитесь, «что скажут» уставщики кавык и строчных препинаний?

— О, мы, конечно, вперед знаем, что они скажут. Но мы думаем, что это значит окаменить, омертвить жизнь, если изъять из нее вольную шутку, веселую шалость, остроумный анекдот. Тринадцать авторов не создадут вторую «Анну Каренину», но, вероятно, напишут живой и увлекательный роман. Заграница в этом смысле несравненно свободнее, и критики там не такие *prudes*.

— Там бывали подобные опыты?

— Лет восемь назад в Берлине имел огромный успех «Роман 12-ти». Увлекательную шалость исполнили 12 известных немецких писателей, в числе которых были Герман Бар, Бирбаум, Эрнст, Голлиндер, Вольцоген, хорошо известный у нас Эверс и т. д. Никто из них не считал этого ниже своего достоинства. Писали они, не подписывая своих глав. Издательством был объявлен конкурс на премии читателям, угадавшим авторов. Число верных ответов определяло популярность каждого и знакомство публики с его манерой. Так как все они очень мало думали о том, что о них скажут, то они сошлись на общей шалости: каждый из них маскировал себя чужой манерой, как если бы, к примеру, у нас А. В. Амфитеатров постарался поймать стиль Ф. К. Сологуба, а Сологуб — стиль Амфитеатрова. В итоге получился ряд занимательных глав, где многие из писателей обнаружили не подозревавшийся у них ранее талант пародии. В наш замысел это не входит и у нас читатель найдет подписи авторов под каждой главой, так как мы ставим центр тяжести в читательском интересе, а не в испытании писательской ловкости.

— Россия не имеет таких прецедентов?

— Увы! Под солнцем нет ничего нового. В 1848 г. «Современнику» по-наобился роман. Некрасов предложил, чтобы каждый из трех близких редакции людей — он, жена Панаева и Гаевский — написал по главе. Чья вышла бы лучше для завязки, та и легла бы в основу коллективного романа. Глава Панаева о подкинутом младенце подошла более всех. Так начали писание, и оригинал сдавали в типографию, не зная, что будет дальше. Но писалось легко, за продолжение не боялись. Некрасов дал роману название «Три страны света», предрешив, что герой будет странствовать. Раскрытая рукопись лежала на конторке в редакции, — кто хотел, тот вписывал новую страницу. Легенда говорит, что в «Трех странах» есть тургеневские места. Две главы написаны, по просьбе Некрасова, Ипполитом Панаевым. За роман очень боялись и, однако, он имел самый бесспорный успех, отлично читался и выдержал отдельно несколько изданий.

— С тех пор опыт не повторялся?

— Он был повторен в начале войны при участии многих из тех авторов, что пройдут и в «Романе 13-ти». Коллективный роман был напечатан в «Синем журнале» и объединил А. И. Куприна, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. И. Ясинского, А. П. Каменского, Тэффи и др. Он вызвал общий интерес, но не удержался на высоте его, выйдя из ошибочной мысли, что такое произведение есть игра писателей, победа трудностей, какие предшественник почти намеренноставил своему преемнику, чтобы полюбоваться, как он «выкрутится». Нам придется взять некоторый урок от прежних ошибок, и, вероятно, мы более правы уже просто потому, что ставим на первое место не турнир писателей, а живой интерес читателя.

А. Измайлов

Петроградский голос. 1918. № 73, 4 мая (21 апреля).

Въ близкомъ времени въ „Петроградскомъ Голосѣ“ будетъ
ежедневно печататься

„РОМАНЪ ТРИНАДЦАТИ“,

коллективное произведение тринадцати авторовъ, въ числѣ кото-
рыхъ изъявили согласіе быть А. В. АМФИТЕАРОВЪ, А. Т.
АВЕРЧЕНКО, А. И. КУПРИНЪ, В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО,
О. П. ГНѢДИЧЪ, И. Н. ПОТАПЕНКО, Ф. К. СОЛОГУБЪ, А. Е.
ЗАРИНЪ, В. Ф. БОЦЯНОВСКІЙ и А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдача, И. Н. Потапенко, Ф. И. Сологуба, А. Е. Зарина, В. С. Бодровскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

1.

«СУЩЕСТВО».

Сколько разъ я ни спорила съ вами, мосье Лемэмъ, ваша неумолимая логика всегда торжествовала надо мною. Вотъ и теперь всѣ мои бѣдныя доводы разбиты въ пухъ и прахъ и загнаны въ тунисъ. Но, иже побѣдившая, я отскаку отъ вѣселья и прѣдѣлъ, всѣ съ тѣмъ же твердымъ уѣзжаніемъ: говорить, какъ вы, можетъ только существо, которое никого не любить и ничего не уважасть...

Тѣть, иль якому прекрасная улыбающаяся девушки обратила эту театрально высокодраматическую рѣчь, тошно улыбнулся внимательными яркими глазами, не сократив ни одного мускула на лицѣ своемъ, —удивительность лицъ-маскъ, о которомъ столько спорили въ Петроградѣ, очень ли ужъ красиво или, напротивъ, очень противно, и съ щекливой, ласковой ироніей, возразилъ:

— Существо?! Нидія Евстаѳьевна, кажется, уже не удостаиваетъ меня именемъ чювѣка?

Голосъ «существо» былъ тихъ, маленько, но густымъ тембромъ давать понять, что въ этой широкой пруди, какъ въ многотрубномъ органѣ, таится возможность неистощимо могучаго звука. Русскія слова «существо» произносило правильно и четко, но съ особымъ акцентомъ, который, однако, не опредѣлялъ въ говорившемъ ни немца, ни еврея, ни поляка, ни француза или итальянца, ни англичанина, ни финна, ни восточнаго человѣка. Слышишь, что говорить по-русски не русскій, но отчимо знающій языкъ иностранецъ, а какой именно — это разбереть?

Барышня, на возраженіе «существо»,

изумленно вскинула расширенные внезапнымъ смущеніемъ глаза и облилась румянцемъ, что сдѣлало ее очень хорошенѣко.

— Что такое? — сконфуженно промолчала она. — Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, такъ... отличилась?.. Ай-ай-ай! Мосье Лемэмъ...

Но тутъ, — подъ наблюдющимъ и никакъ не сердитымъ, а, напротивъ, весело смеющимся взоромъ собесѣдника, ее, что называется, прорвало сѣмѣхомъ. И, вмѣсто начатаго человѣка изъяненія, она защебетала, въ перебивку словъ съ звонкими хотомъ:

— А, впрочемъ, мосье Лемэмъ, что же общаго въ «существо»? Вѣдь это только Максимъ Горкій пальстить, будто «человѣкъ» — звучитъ гордо... Не прошло и недѣли, вы прочитали шамъ чудесный рефератъ о дрезинѣ птицѣахъ. Сегодня вы очень поэтически посвятили насъ въ тайны безконечныхъ міровъ, населенныхъ существами, высшими чювѣка... Дать имъ шансъ на чювѣка значило бы не «удостоить», но уничтожить, — не правда ли?.. Зачѣмъ же вы такъ мало самолюбивы — не хотите принять, что я привыкла вѣсѣнію къ такимъ возвышеннымъ существамъ?

— Иль любви къ точности, — усмѣхнулся мосье Лемэмъ, — опять только голосомъ, да глазами.

— То есть?

— Если вы вспомните мой рефератъ, существа эти занимаются въ міровомъ пространствѣ два полоса бытія: прямо противоположны одни другимъ и окрашены въ два враждебные цвета. Такъ, вѣтъ, разъ ужъ вѣсѣніе угодно, чтобы я была «существо», то позвольте хоть оправдомиться: на вѣсѣніе я полюсъ и какого цвета?

— Мосье Лемэмъ! — вскинула барышня и, въ веселомъ ужасѣ, вслѣдствіи ручками. — Теперь уже вы обижаете меня! Несужели я представляюсь вамъ такой вѣстыльной и безвкусной? Неужели вы могли хоть на секунду предположить, что я оскорблю васъ, заподозривъ въ васъ ангела? Это скучное бѣлое созданіе съ крыльями изъ гусиныхъ перьевъ, которое въ сперахъ изображаютъ толстыя пышицы, съ тройными подбородками, вытягивая панихидными альтами правоучительную канитель? Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мосье Лемэмъ! Я опытная физиономистка и прослушала ужасы много лекцій по психологіи. Я слишкомъ хорошо вѣжу, что вы — тотъ, которому внимала...

— Это очень лестно слышать, — съ пріежнею усмѣшкою, лишь чувствуюю, а не видимо, поклонился Лемэмъ. — Но въ вашей аттестаціи меня огорчаетъ прошедшее время. Зачѣмъ — «внимала»? Обрадуйте, скажите: «Внимала» или хотя бы даже «Буду внимать»...

— А?! — разсмѣялась девушки, еще вѣсѣлье заигравъ бойкими карими глазками и ямочками на розовыхъ щечкахъ. — Лукавство, мосье Лемэмъ, коварное лукавство, достойное злого духа измѣны и лжи! Нидія Лентовская не настолько наивна, чтобы принять изъ свой счетъ слова, адресованные Юстинѣ...

Офицеръ-круглоглазка уже совсѣмъ превратилъ очи свои въ удивленные голубые оники:

— Помилуйте, Нидія! — почти возопилъ онъ. — Вы же сами меня позвали?

— Я?

Нидія даже руку свою выдернула изъ-подъ локтя его: до того изумилась...

— Конечно, вы. Развѣ я подошла бы иначе? Я очень удивился, когда вы меня окликнули. Что такое? Сама же просила держаться сегодня отъ нея подальше, чтобы въ волю не погулять Лемэмку...

— Алеша, вы съ ума сопли, у васъ слуховая галлюцинація! Я и не воображала звать васъ!

— Ну, вѣтъ еще! Расскажите! Не я одина, — все съшипали. Марья Евстаѳьевна даже сдѣлала недовольное лицо.. И, въ сию же дѣлѣ, Нидія: что за канера — перекрикиваться изъ комнаты въ комнату? Благо-

воспитанная девица, генеральская дочь, а ведеть себя, какъ гимназистъ, бушующійъ большую перемѣну...

— Нѣтъ, это уже изъ рукъ воинъ! — вскинула Нидія, вся красная отъ гнѣва. — Мало, что онъ позволяетъ себѣ мѣръ выговоры читать, — да еще за этакую небылицу!.. Богъ знаетъ, что выдумаете!.. Въ голову мѣръ не приходило звать вѣсѣніе...

— Нидія Евстаѳьевна! Нидія Евстаѳьевна!

Но она уже уѣхала, оставивъ его въ растерянности...

— Что у васъ тутъ съ сестрой? — спросилъ Юстинѣ вопросомъ, проплывая мимо важной плюшевой лебедью, только зеленаго цвѣта, красивая, полная дама, хозяйка дома, Марья Евстаѳьевна Верхоплавцева. На диво выкорчленная, выхоленная, темноволосая, блорукая госпожа, глядя на которую, рѣшительно каждый новый знакомый художникъ, — а ихъ у Верхоплавцевыхъ было не мало, — озарялся, въ первую голову, съблазнительной идеей:

— Вѣтъ бы съ кого написать жену Пентефрия!

Беренниковъ рассказалъ: Госпожа Верхоплавцева чуть повела пышными плечами своими.

— Нидія, по обыкновенію, кипризничаетъ... Странно отрицать, когда мы всѣ слышали...

И попытала дальше:

— Да, я тоже слышала, — подтвердила, подходя къ Беренникову, высокая, стройная девушки, блондинка, и похожая на Нидію, такъ что всякий, по первому взгляду, скажетъ бы: сестра! — и удаленная отъ нея чуждостью выраженія, точно созданіе совсѣмъ другой человѣческой породы. Самая стѣлловолосая изъ трехъ сестеръ она, пожалуй, была и красивѣйшою, по изяществу воздушной фигуры, по тонкой правильности чертъ, на рѣдкость одухотвореннаго, почти экстатического лица. Но блѣдна она была до какого-то, даже какъ бы палеваго оттѣнка. А глубоко впавшіе, широко обведенныя синевою сѣрые глаза скрывали въ себѣ, — влюбленный скажетъ бы: загадку, — пистолѣ: общепрѣдѣленіе съ неизѣнными; — психиатръ: прозу сумасшествія... Голубоватый, изъ блѣсткахъ, китъ и золотой обручи пр-

ческой прически очень пили изъ этой девицѣ, придавая ей видъ піицѣ, только что сопшедшій съ треножника, въ совершилъ истощеніе отъ пророчества.

— Ну, вѣтъ видите! Даже вы, Юстинѣ! — обрадовался Беренниковъ. — Я не понимаю Нидіи... вдругъ заспорила, какъ дѣлать... страшный кипризъ!

— Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ не звала вѣсѣніе? — возразила Юстинѣ, чуть подумавъ. Голосъ ея былъ слабый, волнующе-звенящій, — тотъ самыи, который горестно оплакивалъ короля Лиръ въ умершій Кордели.

Беренниковъ уставился на нее синими: — То есть... какъ же это, если вы говорите, — сами слышали?

Девушка устало опустилась на диванъ и равнодушно объяслила:

— Какая-нибудь шутка мосье Лемэмъ... Вероятно, сестра Нидія наложила ему своей болтовнѣй, и, чтобы отъ нея отѣлиться, она позвала вѣсѣніе ея голосомъ...

— Да что онъ, вѣтъ Лемэмъ, чревовѣщатель, что ли?

— Зачѣмъ чревовѣщатель? — возразила Юстинѣ тономъ спокойнаго превосходства, — это ярмарочное шарлатанство... Лемэмъ вѣдь немъ не нуждается... Онъ, просто, приказалъ позвать — и вѣсѣніе позвали...

— Кому приказалъ? Кто позвалъ?

Юстинѣ отвѣтила неопределенныйми движеніемъ головы, сверкнувшей золотыми обрученными.

— Что я зѣло? Справивайтъ его...

— Да и спрошу! — обозлился и вспыхнулъ офицеръ, — и если, въ самомъ дѣлѣ, онъ позволилъ себѣ тутъ фокусъ какой-нибудь, то... Этакій избалованный нахаль! Но на таковскаго напаль. Я до матовъ и волнистовъ не охотникъ и предметомъ для попыткъ шутокъ дѣлать себѣ не позволю...

— Что же вы его — ба дуэль, что ли, вызовете? — устало бросила Юстинѣ вѣтъ вопросъ, прозвучавшій недовѣріемъ, почти презрительнымъ.

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Бодровскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

ЮСТИНА.

Беренниковъ пересталъ шептаться, но—
разразилъ, наудиный, рѣзкій:

— Для того, чтобы вызывать человѣка въ дуэль, надо прежде всего знать, дуэлесто-
бенъ ли онъ... Это вы, Юстина, съ Марьей
Евстафьевной и со всѣми этими,—показалъ
теперь несредственнымъ движениемъ руки на
руку гостя, съ преобладаніемъ дамы, сре-
дь которой красовался стройный, изящный,
зажоризненный Лемэмъ, что-то новѣствую-
щій мѣрными плавными жестами, прятно
облекавшій съ недръ жанровъ мертвенно-
тѣлъ лица въживленными ироническими
изразами... Это вы, петропавловскія барышни и
сырьи, не можете существовать, не психо-
зистки, и возвели Лемэмку въ полубога ка-
кого-то. А для меня вашъ Лемэмъ—просто
—профессоръ бѣлой и черной магіи... Тѣ-
перь, когда Петроградъ немѣгалъ на ок-
культизмъ, теософіи, мадумизмъ, проро-
чества, ясновиданіи, юродивыхъ, просте-
дѣахъ,—мало ли подобныхъ виришъ разве-
лись по салонамъ...

— Подобныхъ Лемэму? пересипоскала
Юстина уже совсѣмъ насыпана... Вы на-
ходите, что много?

— Извольте, опѣрами справедливость: онъ
зювче другихъ, человѣкъ, видимо, свѣтскій,
живаль, тѣ-то когда-то въ хорошемъ об-
ществѣ и привыченъ къ земѣ. Но это не
зѣваетъ ему оставаться тамъ, покраснѣть, захочатъ:

— Офицеръ вдругъ развеселился, какъ
мальчикъ, покраснѣть, захочатъ:

— Если онъ настоящій Лемэмъ, тѣмъ
хуже...

— Почему?!— недоумѣло воззрилась на
него Юстина, высоко поднимая тонкія тем-
но-золотистыя брови по мраморному лбу.

— Потому, — продолжалъ хохотать Бе-
ренниковъ,—что... вы помните, какъ Ту-
ркестанъ, въ дѣтствѣ, изѣяснилъ себѣ цер-
ковный возгласъ — «вонемъ»?

— Нѣтъ, забыла...

— Фамилія французская, — пѣбрежно
замѣтила Юстина.

— Да какая же это фамилія? Лемэмъ—
е тѣмѣ — тотъ самый. Это не фамилія,
а кличка. Очевидный псевдонимъ. Да онъ и
не скрываетъ. Помните, — на прошлой пе-
дѣлѣ, послѣ реферата своего, самъ тру-
нилъ, что мосье Лемэмъ онъ только для

Франціи и Россіи, а въ Италии отъ сыновъ
Ло Стессо или Иль Медезимо, въ Испаніи
Эль Мезмо, въ Германіи херръ Дерзельба,
въ Англіи — мистеръ The Same...

— Ну, это шутка, — протянула Юстина
недовольно. Николай Никаноровичъ видѣлъ
его бумаги... Онъ настоящій Лемэмъ.

— Много понимаетъ этотъ Пентефрій...

— Алеша! Что это?...

— Извиняюсь, Юстиночка, извиняюсь...

— Теперь — «извиняюсь»... Фи, Алеша!..
Казарма!..

— Ну, извините... Согласитесь, однако,
что посттѣнійшій шуришъ вѣсъ, болѣринъ

Николай свѣтъ Никаноровичъ Верхоплав-

цевъ, хотя и достигъ царскою милостію и
долготерпѣніемъ народнымъ чиновъ высо-
кихъ, но...

— Алеша!!!

— Алеша предпочелъ бы, чтобы бумаги
мосье Лемэмъ просмотрѣла болѣринъ Вер-
хоплавцевъ, ваша сестрица, а моя уважаема-
я кузина, Марья Евстафьевна... А, впрос-
чень...

— Спасибо... тронуть... Но... почему же
вы думаете, что со мною должно приключ-
иться несчастіе?

— Потому что вы возстаѣте противъ
Лемэмъ...

— Опять мефистофельщина! Ахъ, ты, Господи!.. Позвольте! Но, вѣдь, Нидія со
мною одного именія обѣ этомъ господитъ...
Значитъ, мы съ нею раздѣляемъ и опас-
ность, которую вы предвидите?.. Вы бы
ужъ тѣсно предупредили, чтобы она не драз-
нила вашего кудесника, ежели онъ такой
средитъ... А то, вѣдь, она гораздо дерзне-

— Мальчикъ вообразилъ, будто это свя-
шеннікъ гонитъ вонъ изъ церкви дьявола...
Ха-ха-ха! Понимаете?.. Будто Мемъ — имъ
чортъ... Вонемъ—«попѣлъ вонъ Мемъ!»..
Ха-ха-ха!.. Будь я на мѣстѣ Мары
Евстафьевны, я давно бы обратилъ это
взглядъ къ нашему собственному Мему..

Юстина встала съ дивана рѣзкимъ дви-
женіемъ, угрюмая, разстроенная...

— А на вашемъ собственномъ мѣстѣ,—
сурево прервала она, — я очень совсѣ-
мъ бы вамъ, Алеша, не затѣваться съ мосье
Лемэмъ ненужныхъ объясненій и исторій...

— Понятно, что въ вашемъ домѣ я...

— Нѣтъ, не въ нашемъ домѣ, а вообще:

— Опять вамъ не подѣ силу...

— Ну, ужъ это позвольте мнѣ знать!
— просанялся офицеръ.

Но Юстина строго остановила его.

— Я не такая страстная любительница
оперы, — сказала она, — какъ моя сестра

Нидія, которая способна говорить сперѣнными
цитатами по цѣлымъ днамъ. Но, милый
Алеша, позвольте вамъ напомнить сцену

изъ «Fausta», когда на гиѣвый окрикъ
Валентина, Мефистофель отвѣчаетъ хладно-
кровно: «Потиши, милый другъ! Вѣдь я
знаю хорошо и могъ бы вамъ сказать, кто
будетъ вашъ убѣйца!»...

— Батюшки, какъ страшно! Юстина!
Да никакъ вы своего Лемэмъ и въ самомъ

дѣлѣ кѣль-то вродѣ тургеневскаго Мема
считаете?!

— Кѣль бы я его ни считала, мнѣ хотѣ-
лось бы, чтобы вы относились къ нему
серьезнѣе...

— Да вѣдь-то что?!

— Алеша предпочелъ бы, чтобы бумаги
мосье Лемэмъ просмотрѣла болѣринъ Вер-
хоплавцевъ, ваша сестрица, а моя уважаема-
я кузина, Марья Евстафьевна... А, впрос-
чень...

— Спасибо... тронуть... Но... почему же
вы думаете, что со мною должно приключ-
иться несчастіе?

— Потому что вы возстаѣте противъ
Лемэмъ...

— Опять мефистофельщина! Ахъ, ты, Господи!.. Позвольте! Но, вѣдь, Нидія со
мною одного именія обѣ этомъ господитъ...
Значитъ, мы съ нею раздѣляемъ и опас-
ность, которую вы предвидите?.. Вы бы
ужъ тѣсно предупредили, чтобы она не драз-
нила вашего кудесника, ежели онъ такой
средитъ... А то, вѣдь, она гораздо дерзне-

— Бѣзпѣ даже меня и дергаетъ его, какъ
карточного паяца, на ниточкѣ...

Юстина отвѣла глаза и прикусила ниж-
нюю губу, тонкую, блѣдную.

— Нидія Лемэмъ не опасенъ... сухо
взразила она.

Въ тонѣ дѣвушки Беренникову послыша-
лась двусмыслия недомолвка. Онъ насто-
рожился.

— Что вы хотите сказать?

— Мужчины легко извиняютъ барыш-
намъ, а въ особенности, полуѣтамъ, какъ
Нидія, вольности и дерзости, которыхъ не
прощаютъ мужчинъ...

— Да... вѣдь это... успокоился Берен-
никовъ.—А мнѣ было стукнуло въ голову
совсѣмъ другое...

— А этимъ, — продолжала Юстина,
умышленно скользнувъ безъ вниманія мимо
его словъ,—этимъ, что вамъ, Алеша ми-
лый, грозить какая-то огромная непрѣят-
ность...

— Непрѣятность отъ Лемэмъ?

— Не знаю. Но этимъ я терзалась уже
несколько днѣй... Вы знаете мою несчаст-
ную способность къ предчувствіямъ...

— Вы у насъ Азідорская волшебница
изѣстнѣя!—умѣхнулся офицеръ.

— Вотъ вы... — задумчиво и убѣжденно го-
ворила Юстина,—вѣдь вамъ показалось не-
вѣроятнымъ, когда кто-то воздушный и не-
видимый позвалъ васъ голосомъ Нидія... А
для меня эти звуки... звуки... голоса...
обыкновенны... Я слышу ихъ едва-ли не
каждый день... Такъ привыкла, что даже
не вздрогиваю, когда они впевально врыва-
ются въ слухъ мой изъ своего невѣдомаго
далека... Я живу, окруженнай ими... Даже,
вѣдь и сейчасъ...

— Даже и сейчасъ?— недовѣрчиво огня-
нулся Беренниковъ, но теперь я ничего не
слышу...

— А, между тѣмъ, то, что я слышу, из-
сасается вѣсъ...

Дѣвушка, подавившись плечами и головою
впередъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣла видъ при-
слушивающейся, — изволившись, — настороженнай...

— Что же именно говорятъ вамъ об-
инѣ ваши голоса?

— Мнеѣ стыдно сказать вамъ...
— Однако?..
— Вы заслѣваете наше имена... Глупо...

— Обѣщаю, что нѣть...

— Два слова... Два наѣльшия вульгар-
ныя слова...

— Именно?

— «Чортова дюжина»...

Беренниковъ возврѣлся на Юстину съ ве-
личайшимъ изумленіемъ.

— Чортова дюжина?! Что это?!

— Не знаю.

— Чортовой дюжиной слышать въ наро-
дѣ число тринадцать... Но ко мнѣ-то какое
же отношеніе?

— Не знаю.

— Но вы же говорите, что отъ этой
чортовой дюжинѣ я долженъ опасаться ка-
какихъ-то гадостей?

— Не знаю, не знаю и не знаю. Но ка-
ждый разъ, что я слышу «чортова дюжи-
на», — мгновенно въ голову мою врывается
ваше имя и сердце скимается безсознатель-
нымъ, невѣдомымъ страхомъ за вѣсть...

— Гмъ... И давно это началось?

— Уже съ недѣлѣ... Да! Именно недѣлѣ.
Впервые зазвучало ночью... шесть прошлага-
го нашего четверга, когда Лемэмъ читалъ
рефератъ о гностикахъ...

Беренниковъ засмѣялся, съ торжествомъ.

— Поздравляю вѣсть! — воскликнулъ онъ,
даже раскланявшись.—Теперь я преъвос-
ходнѣйше изложу вамъ, что такое ваша
чортова дюжина и откуда къ вамъ навяза-
лась.

Юстина вопросительно открыла глаза. А
онъ побѣдоносно докончилъ:

— Это—тринадцать приборовъ и гостей
оккультического ужина, который, послѣ ок-
культического реферата съѣли мы за госте-
принимымъ столомъ Пентефрі... тѣфу!..
«языкъ мой—врагъ мой!.. наизуважаемый
шаго Николая Никаноровича... Ха, ха, ха!

Еще бы! Мало-ли мы остирили тогда за сто-
ломъ на счетъ этой чортовой дюжинѣ... Не
удивительно, если она вамъ запала въ па-
мять... Но, Юстина Евстафьевна! Отличнѣй-
шая вы моя! Что же это у васъ нерви-то какъ
на оѣна налетаетъ?.. Вюга и вѣтеръ съ мо-
имъ... Хорошій хозяинъ собаки на улицу не
выгонитъ, а не то, что добруму человѣку изъ
гости итти...

— Да и погода, кажется, разыгралась
не на шутку, — подхватилъ Беренниковъ.—
Уже съ вечера, когда я шелъ къ вамъ,
изрядно мело. А сейчасъ—слышите, какъ
на оѣна налетаетъ?.. Вюга и вѣтеръ съ мо-
имъ... Хорошій хозяинъ собаки на улицу не
выгонитъ, а не то, что добруму человѣку изъ
гости итти...

— Потому что... спать... —тихо возвра-
тила она, опустивъ голову, глядя въ землю.
— Чортова дюжина?

— Да... И страхъ... за вѣсть...

Она быстро сдвинула хмурѣя брови, по-
томъ, трахнувъ золотою головкою въ золо-
томъ обручѣ, также быстро распустивъ ихъ,
точно отринула упрюмые думы, и вымыши-
ла, съ твердостью:

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ сказала...
предупредила... Ваше дѣло, какъ отнести...

— Какъ отнести? — съ громкимъ сме-
хомъ воскликнулъ Беренниковъ.—А вѣсть,
Марья Евстафьевна подходитъ при-
глашать настъ къ ужину... Марья Евстаф-
ьевна! Наѣюсь, оккультический стиль и се-
годня будуть выдержаны и мы спать сядемъ
за столъ не зиате, какъ чортовой дюжи-
ной?

— Нѣтъ, сегодня обыкновенна, —
улыбнулась величавая хозяйка.—Я и самъ
хотѣла повторить... Прошлый четвергъ таѣ
весело удалился... Но мы не въ комплекѣ:
Баленіцкій обманулъ, не пришелъ, и настъ^ѣ
будетъ только двѣнадцать...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! — спохватилъ
Беренниковъ.— Я и то весь вѣчеръ со-
бирался спросить васъ: что значить сей
соль? Мосье Лемэмъ читаетъ потрясающей
глубиной рефератъ, а главнаго поклонника,
адепта и апостола, Марка Леонидовича Бя-
леницкаго, мы не видимъ?

— Я тоже удивлена, — отозвалась Вер-
хоплавцева.— Хотѣть быть пепрѣмѣ, а
обманулъ и даже не предупредилъ, что
не будетъ... Николай Никаноровичъ телефо-
нировалъ къ нему на квартиру, но прислу-
га отвѣчала, что Марья Леонидовичъ ушелъ
изъ дома еще въ девятомъ часу вечера...
Теперь уже едва-ли можно ждать его: скро-
ро полночь...

— Да и погода, кажется, разыгралась
не на шутку, — подхватилъ Беренниковъ.—
Уже съ вечера, когда я шелъ къ вамъ,
изрядно мело. А сейчасъ—слышите, какъ
на оѣна налетаетъ?.. Вюга и вѣтеръ съ мо-
имъ... Хорошій хозяинъ собаки на улицу не
выгонитъ, а не то, что добруму человѣку изъ
гости итти...

— Александъ Амфитеатровъ.
(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Бояновскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

III.

Подъ вьюгой.

Когда Беренниковъ выпѣль отъ Верхоманцевъ, часъ былъ очень поздній. Трамваи уже не ходили. Погода, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтила юношу съѣжнѣмъ адомъ. Но тутъ домой Беренникову предстояла недѣлка—стъ Мойки все вверхъ по Невскому.

Онъ не взялъ заломившаго несуразную щечу извозчика и бодро зашагалъ пышкомъ, пахобучивъ на голову капюшонъ когорѣнъкой каучуковой пакидки-непромокайки, съ же минуту побѣльвшей отъ буйнаго инѣжнаго налета. Молодой офицеръ былъ мнѣнъ вѣтъ духъ, такъ какъ успѣлъ помирить съ Нидей, и, на этой радости, настолько расчувствовался и разг҃ѣжался, что даже пешавицтвомъ Лемемомъ быть миль и побезенъ...

Ночная вьюга согнала съ Невскаго прохозихъ и проѣзжихъ и пысала на просторѣ тысячами облаковъ и вихрей сухого кочючаго снѣга. Яростно подскакивала, чтобы вѣрѣтиться зубами въ круглую звѣзду электрическаго фонаря, шлемала бѣлыми ладонями по окнамъ домовъ и ставнямъ магазиновъ, бросалась пинкимъ привидѣніемъ по перекъ улицы подъ колеса автомобилей, съ воемъ и стономъ качалась на телеграфныхъ проволокахъ.

Давая дикое воодушевленіе всему неодушевленному, что только могла пошевелить, вьюга вложила движеніе и голосъ въ выѣскѣ, флюгера, флаги, наполнила ихъ густотъ, свистомъ, скрипомъ, стукомъ, хлопающимъ пятнами, тѣмъ не менѣе, хранило такое спокойное, недвижно-мирное выраженіе, что ясно было, съ первого взгляда: прохожий, въ самомъ дѣлѣ, не чувствовалъ бури, бушующей въ этой лютой ночи...

— Что это? Словно неживой?—такъ и проинизалась городовой острымъ токомъ испуга. Но, въ то же мгновеніе, устыдился своего сувѣѣнаго страха и окликнулъ:

— Господинъ... Позвольте... Прошшу вѣстъ прислушаться... Господинъ...

Только случай, либо ужъ очень настойчивая и неотложная необходимость могутъ вызвать человѣка изъ теплой квартиры въ этакую почтную ванну всенрѣщающаго съѣжнѣаго вихря. Поэтому городовой, мерзнувшій на посту противъ Казанскаго собора, винимательѣ обыкновеннаго провожаѣтъ взглядаами, изъ-подъ каучуковой пахлобучки, рѣдкихъ прохожихъ, пересѣкающихъ проспектъ.

А одинъ прохожий, выпытавшій предъ городовыми изъ кочующейся бѣлой масы, по-

добно гигантскому черному карандашу, ибо былъ длиненъ, тонокъ и заостренъ кверху высокой, конической барашковой шашкой, бросилъ блестителя порядка даже въ нѣкоторую оторопь. Столъ странно показалась городовому походка этого господина, направлявшаго медлительные шаги свои отъ мѣстка чрезъ Екатерининскій камаль напискъ къ колоннадѣ собора.

Вьюга мела пахтѣрчу прохожему, и городовому смущало, что онъ ни шапки руко не придержитъ, ни отклонится отъ налетающаго морозными иглами вѣтра, а движется, будто не чувствуетъ погоды: прямой, какъ шесть, и по такой строго-прямой линии, точно путь ему отмѣнѣнъ брошеннѣмъ подъ ноги половицѣ. Ступаль прохожий какъ-то не людевѣски механично, бросая ноги, будто онъ были у него на шарнирахъ и дѣйствовали по заводу. Руки же прохожій держаль ощущенными въ карманы пальто, тоже барашковаго и очень приличнаго. Вообще, прохожій производилъ впечатлѣніе человѣка, принадлежащаго къ народочному обществу и далѣко не бѣднаго.

Занятійсбанный городовой сдѣлалъ маленькое обходное движеніе и, подъ электрическимъ фонаремъ, заглянулъ прохожему въ лицо. Новою оторопью и даже до дрожи пронесло его. Глаза прохожаго были сомкнуты, а длиннобородое лицо, молодое и красивое, не очень измѣненное, избитое вьюгой и все въ блесткахъ изморози и въ мокрыхъ талыхъ пятнахъ, тѣмъ не менѣе, хранило такое спокойное, недвижно-мирное выраженіе, что ясно было, съ первого взгляда: прохожий, въ самомъ дѣлѣ, не чувствовалъ бури, бушующей въ этой лютой ночи...

— Что это? Словно неживой?—такъ и проинизалась городовой острымъ токомъ испуга. Но, въ то же мгновеніе, устыдился своего сувѣѣнаго страха и окликнулъ:

— Господинъ... Позвольте... Прошшу вѣстъ прислушаться... Господинъ...

Прохожій вздрогнулъ плечами, въ движениі человѣка, потревоженнаго врасплохъ. Но не остановился, не отозвался и, продолжая быстро бросать впередъ свои шарнирные ноги, скрылся въ новомъ облакѣ вьюги, точно она подхватила его и унесла на бѣлыхъ крыльяхъ, какъ летучаго дѣвола...

Оробѣвшій городовой почти готовъ былъ вѣрить, что именно такового онъ и удостоился видѣть.

Но, какъ быть онъ человѣкъ просвѣщенный, то, оправившись отъ первого смущенія, сообразилъ, что мелькнулъ мимо него, въ остроконечной барашковой шашкѣ, отнюдь не Вельзевулъ или Мефистофель, но, по всейѣроятности, лунатикъ или даже, можетъ быть, просто слѣпецъ, почему то опоздавшій на улицѣ ночью, въ непогоду, безъ провожатаго...

На мгновеніе у городового явилась было даже мысль, вспущенная наполовину администривнымъ рвениемъ, наполовину человѣкобояемъ—догнать прохожаго... Вѣдь въ этакой сумятицѣ снѣга и ночи, бѣднага ежеминутно рискуетъ очутиться подъ налетѣвшимъ откуда-нибудь изъ-за угла шальными автомобильемъ. Но вьюга ужъ слишкомъ крутила и бѣсилась. Не поспѣла городовой оберегать прохожаго...

А слѣпцомъ онъ почиталъ прохожаго столько же напрасно, какъ почтѣ было чортомъ. Человѣкъ этотъ,—по имени, отчеству и фамилии—Маркъ Леонидовичъ Баленицкій, а по профессии, въ спискахъ «Всего Петрограда», художникъ-строитель, то есть—по просту говоря, архитекторъ,—человѣкъ этотъ быть не только не слѣпъ, но видѣть вокругъ себя много такого, чего, кромѣ него, никто не видѣть и что онъ самъ менѣе всѣхъ желаетъ видѣть. Налетавшіе на него вихри вьюги тыкались ему въ лицо ходными зѣмы мордами бѣлыхъ медвѣдей, выскальзывали изъ-подъ локтей смиющими ся шиняющими зѣмами, шатались надъ головою скрипучими березами, съ которыхъ на него сыпали снѣгомъ какіе-то огромные, бѣлоносые прачи, толстолапые, съ выпущенными огненными глазами, какъ колеса, и хохочащими, и ютски изѣѣвающимися, карканьемъ...

Все это было ужасно непрѣятно, но самъ сжѣвернѣмъ оставалось, все-таки, то обстоятельство, что, рядомъ съ Маркомъ Леонидовичемъ, давно уже шагалъ, нога въ ногу, лѣкій господинъ, весьма благообразный съ лица, но въ костюмѣ, совершенно не подходившемъ къ улицѣ зимняго Петрограда. А именно: онъ былъ одѣтъ, какъ графъ де-Невѣр въ оперѣ «Гугеноты», когда его вынѣчали съ Валентиной,—бѣлый колетъ, бѣлые трусы, бѣлое трико, бѣлые башмаки, бѣлый атласный плащикъ, бѣлая круглая шляпа со страусовыми бѣлыми перомъ...

Благообразный бѣлый господинъ смущилъ Марка Леонидовича своимъ появлениемъ не менѣе, чѣмъ самъ Маркъ Леонидовичъ только что смущилъ городового на Невскомъ. Но городовой смущился потому, что не зналъ

Марка Леонидовича, а Маркъ Леонидовичъ смущился, напротивъ, потому, что загадочнаго спутника своего слишкомъ хорошо зналъ. И тѣмъ больше удивлялся ему теперь. За господиномъ этими онъ помнилъ много рѣзыхъ чудачествъ, но все же не до того, чтобы гулять по городу разжиненнымъ шутомъ гороховымъ...

И еще смущало Марка Леонидовича то обстоятельство, что бѣлый господинъ,—человѣкъ, обычно, чрезвычайно изговорчивый, даже болтливый,—теперь, приставъ къ нему невѣсть откуда, даже не сказавъ «здравствуйте»... Упорно могли и только искаса поглядывалъ на Марка Леонидовича круглыми голубыми глазами, полными веселой насыщенности... И это смиюющееся мѣчтаніе сдѣлалось для Марка Леонидовича настолько несноснымъ, что онъ рѣшился прервать его самъ.

— Вѣроятно, съ костюмированного вечера, графъ!—спросилъ онъ, какъ только могъ, беззаботно.

— Да,—отвѣтилъ бѣлый господинъ,—я съ вечера, но почему же костюмированного? и съ какой стати вы величаете меня графомъ? Отомнитесь, Маркъ Леонидовичъ! Что съ вами? Вы спите на ходу!

Слова свои бѣлый господинъ произнесъ очень громко и съ горѣкою укоризно. Марку Леонидовичу сдѣлалось ужасно совѣстно. И,—какъ бы схваченный внезапно за плечи незримыми богатырскими руками,—онъ почувствовалъ сотрясеніе во всемъ тѣлѣ,—сердце взболтнулось вверхъ и упало, точно шарикъ билльбоке,—Маркъ Леонидовичъ открылъ глаза...

— Маркъ Леонидовичъ! Что съ вами? Опомнитесь! Вы спите на ходу!—повторилъ ему тѣ же голосъ, только совсѣмъ не громкий и не укоризненный, а, напротивъ, полный осторожности, участія и безпокойства.

Маркъ Леонидовичъ оглѣдѣлся дикими, синими глазами. Съ несказаннымъ изумленіемъ увидѣлъ онъ себя среди колоннъ Казанскаго собора, а передъ собою жестоко занесенную снѣгомъ, небольшую фигурку, въ коротенькомъ каучуковомъ плащикѣ, совершившую побѣльвшемъ подъ вьюгой... Въ фігурѣ онъ не безъ труда призналъ хорошаго своего знакомаго, поручика Алексѣя Даниловича Беренникова... Беренниковъ, въ свою очередь, разматривалъ Баленицкаго внимательно округленными глазами, какъ лѣкій господинъ, весьма благообразный съ лица, но въ костюмѣ, совершенно не подходившемъ къ улицѣ зимняго Петрограда. А именно: онъ былъ одѣтъ, какъ графъ де-Невѣр въ оперѣ «Гугеноты», когда его вынѣчали съ Валентиной,—бѣлый колетъ, бѣлые трусы, бѣлое трико, бѣлые башмаки, бѣлый атласный плащикъ, бѣлая круглая шляпа со страусовыми бѣлыми перомъ...

Баленицкій совсѣмъ потерялся. Теперь онъ понялъ, почему у него болѣзненно носятъ ноги и почти подгибаются колѣни. Онъ очень твердо помнилъ, что вышелъ отъ Лучининъ въ половинѣ десятаго. Знать, вотъ уже, по крайней мѣрѣ, пять часовъ, что онъ на ногахъ... При этомъ соображеніи, онъ сразу почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ такую страшную усталость, такъ обезсилѣть и увязъ, что даже пошат-

— Здравствуйте, Беренниковъ...—пробормоталъ онъ, сконфуженный.—Извините... я немножко задумался...

— Задумались?!—перебилъ офицеръ.—Я вѣсъ, по крайней мѣрѣ, пять разъ окликнулъ, прежде, чѣмъ вы изволили открыть свои ясныя очи... Это вы называете «задумался»?.. Ну-ну!.. Ударили же вы штуку!..

— Еще бы!—Не, что странно,—продолжалъ Баленицкій,—передъ тѣмъ, какъ вы меня разбудили, я только что вѣсъ во снѣ видѣть... Да, именно вѣсъ... бѣлымъ рыцаремъ эта-кимъ... графомъ французскимъ... врѣдъ опернаго жениха...

— Графскій титулъ я и удостоился получить изъ вашихъ сонныхъ усть—засмѣялся Беренниковъ.—А вы благодарите Создателя своего, что не во снѣ, а на яву, меня увидѣли... Не вѣрѣть я вѣсъ, пожалуй, вамъ было бы плохо... Вѣдь этакъ замерзаютъ, сударь вы мой!.. Ну-ну!.. Сегодня Юстина Лентовская пророчила миѣ кашкія-то удивительныя приключенія и происшествія... Начинается оно, что ли? Ужъ чѣмъ удивительнѣ этакая наша почтная встрѣчая?! Однако, идемъ, Маркъ Леонидовичъ, провожу васъ до извозчика...

— Благодарю вѣсъ... Не отказываюсь, потому что, долженъ сознаться, чувствую себя не очень хорошо...

Беренниковъ присмотрѣлся къ нему и покачалъ головою:

— Маркъ Леонидовичъ,—сказалъ онъ сердечно и мягко,—я боюсь вѣсъ отпустить... Вы кажетсяеесь мнѣ очень ослабѣвшимъ... Передочнаго извозчика обѣ эту пору не найти, а съ почникомъ вы пролетѣтесь къ себѣ на Кирочную минутъ сорокъ... Какъ пинарокомъ нападѣть на вѣсъ опять эта сонливость?! Переночуйте-ка вы лучше у меня? А? Я живу отсюда, буквально, въ двухъ шагахъ, по Екатерининскому каналу... Комната и постель свободная у меня умѣются: братъ и сожитель мой вчера уѣхали въ Москву... А домашнѣхъ вашихъ, чтобы не беспокоились, извѣстимъ по телефону...

Баленицкій подумалъ съ полминуты и согласился.

— Для меня это тоже совершенно необычайное событие,—слабо улыбнулся онъ,—не почевать дома... Но... бrr! Только теперь я чувствую, какъ перезѣбъ...

— А, вѣтъ, будемъ дома, я вѣсъ отогрѣю сварю на спиртовкѣ глинтвейнъ...

— Извинился и невольно схватился за плечо офицера...

— Знаете, Беренниковъ...—съ трудомъ, неохотно выговорилъ онъ,—я, кажется, въ

самомъ дѣлѣ, нездоровъ... и... я, можетъ быть, вы правы... я спать...

— Еще бы!

— Не, что странно,—продолжалъ Баленицкій,—передъ тѣмъ, какъ вы меня раз-

будили, я только что вѣсъ во снѣ видѣть...

— Да, именно вѣсъ... бѣлымъ рыцаремъ эта-кимъ... графомъ французскимъ... врѣдъ

опернаго жениха...

— Графскій титулъ я и удостоился получить изъ вашихъ сонныхъ усть—засмѣялся Беренниковъ.—А вы благодарите Создателя своего, что не во снѣ, а на яву, меня увидѣли... Не вѣрѣть я вѣсъ, пожалуй, вамъ было бы плохо... Вѣдь этакъ замерзаютъ, сударь вы мой!.. Ну-ну!.. Сегодня Юстина Лентовская пророчила миѣ кашкія-то удивительныя приключенія и происшествія... Начинается оно, что ли? Ужъ чѣмъ удивительнѣ этакая наша почтная встрѣчая?! Однако, идемъ, Маркъ Леонидовичъ, провожу васъ до извозчика...

— Благодарю вѣсъ... Не отказываюсь, потому что, долженъ сознаться, чувствую себя не очень хорошо...

Беренниковъ присмотрѣлся къ нему и покачалъ головою:

— Маркъ Леонидовичъ,—сказалъ онъ сердечно и мягко,—я боюсь вѣсъ отпустить... Вы кажетсяеесь мнѣ очень ослабѣвшимъ... Передочнаго извозчика обѣ эту пору не найти, а съ почникомъ вы пролетѣтесь къ себѣ на Кирочную минутъ сорокъ... Какъ пинарокомъ нападѣть на вѣсъ опять эта сонливость?! Переночуйте-ка вы лучше у меня? А? Я живу отсюда, буквально, въ двухъ шагахъ, по Екатерининскому каналу... Комната и постель свободная у меня умѣются: братъ и сожитель мой вчера уѣхали въ Москву... А домашнѣхъ вашихъ, чтобы не беспокоились, извѣстимъ по телефону...

Баленицкій подумалъ съ полминуты и согласился.

— Для меня это тоже совершенно необычайное событие,—слабо улыбнулся онъ,—не почевать дома... Но... бrr! Только теперь я чувствую, какъ перезѣбъ...

— А, вѣтъ, будемъ дома, я вѣсъ отогрѣю сварю на спиртовкѣ глинтвейнъ...

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринаццати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, З. И. Кемировича-Даниченко, П. П. Гибдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Бончоновскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

Содержание главъ А. В. Амфитеатрова. На горизонте Петрограда появляется загадочный человѣкъ съ фамилией Лемэмъ, обладающій даромъ вищенія и сильно интересующій столичные круги оккультистовъ и мистиковъ. Въ вечеръ встрѣчи съ нимъ поручикъ Беренниковъ, въ зимнюю бурю, случайно сталкивается на Невскомъ со своимъ знакомымъ архитекторомъ Бяленицкимъ. Находящійся въ странной подавленности чувствъ, точно послѣ потери сознанія, молодой человѣкъ заходитъ переночевать къ Беренникову, а на утро тотъ находитъ его на постели похоло-дѣвшимъ.

V.

Клавдія Лучинина.

На утро Юстина проснулась поздно и въ очень тяжеломъ, тоскливомъ настроеніи. Не то, чтобы она чувствовала себя усталою, слабою, совсѣмъ здоровою, — о, если бы только это! — нѣтъ, такое томительное безволіе овладѣло ею, что втѣшала бы цѣлый день и на свѣтѣ не глядѣла бы. Безволіе и тоска!

Занавѣсы на окнѣ уже были кѣмъ-то от-кинуты, и въ окно глядѣлъ ясный, морозный зимний день. Солнечные лучи чертили кѣой четырехугольникъ больше на стѣнѣ, Госпожа Лучинина уже несолько разъ звонили по телефону.

— Барышня, извините, что беспокою. Госпожа Лучинина уже несолько разъ звонили по телефону.

— Какая Лучинина? — лѣниво спросила Юстина.

Хорошо знала, какая, — конечно, Клавдія Сергеевна, молодая дѣвушка, съ которой, такъ же, какъ и съ ея братомъ, познакомилась года три тому позадѣ въ Біаррицѣ. О ней еще вчера былъ разговоръ за ужиномъ.

Когда Марья Евстафьевна ужъ очень стала досадовать, что изъ-за отсутствія Бяленицкаго разстроилась такая занятная забава, — сидѣть за ужиномъ въ жуткомъ числѣ три-

падцать, — Алеша Беренниковъ, промы-вавшись, сказалъ:

— Марьѣ Евстафьевнѣ досадно, а ему теперь весело.

Лемэмъ посмотрѣлъ на Алешу очень внимательно и спросилъ:

— Вы такъ въ этомъ увѣрены?

— Я догадываюсь, — смылся говорилъ Алеша, — что Бяленицкій зашелъ къ Лучининѣ и заговорилъ съ Клавдіею.

Марья Евстафьевна смотрѣла на него съ удивленіемъ. Кругленький офицеръ слегка какъ будто чего-то не договаривалъ.

— Я думалъ, что это уже вѣмъ известно, что Бяленицкій женится на Клавдіи Сергеевнѣ. По крайней мѣрѣ, онъ часто тамъ бываетъ.

— Достаточная причина для заключе-нія, — сказалъ Лемэмъ безразличнымъ то-номъ.

Стѣпной офицеръ, который видѣлъ лучше глазами души, чѣмъ глазами тѣла, сказалъ:

— Они любятъ другъ друга.

И сказалъ это съ такимъ выраженіемъ, какъ будто чѣр-то не договаривалъ.

Потомъ разговоръ вспомнила сейчасъ Юстина, вспомнила и то, что лицо слѣпого офицера очень омрачилось, когда онъ го-ворилъ эти четыре слова. И то самое пред-чувствіе близкаго несчастья теперь опять скользило въ ея душѣ. Тогда Лемэмъ посмо-трѣлъ на слѣпого офицера, и на одно мгно-вение Юстина показалось, что слѣпецъ ви-дѣтъ Лемемъ, и что ихъ взоры скрестились, какъ шпаги на поединкѣ.

Даша легонько усмѣхнулась. Сказала:

— Барышня Клавдія Сергеевна очень просить подойти къ телефону.

— Развѣ чѣмъ? — начала и не кончила Юстина.

Даша лѣниво говорила:

— Барышня и барышня вышли до завтра-

ка, а барышня Лучинина очень просить.

Юстина приподнялась, опираясь на ло-котъ. Даша поспѣшило придвинула туфли, приготовила домашній бѣлый капотикъ, — ничего не оставалось Юстины, какъ только встать, капрѣтъ надѣть. Уже и устала, безсилно сѣла на розовое креслице сѣраго клена у постели, но Даша стояла «надъ душою». Юстина вздохнула и вышла въ столовую, гдѣ на стѣнѣ висѣла маленький металлический ящичекъ съ рычажками, кнопками, звонками, — досадный, но неизѣбѣнныи телефонъ.

— Я слушаю.

Послышался быстрый и громкій говоръ Клавдіи Лучининой:

— Юстина, это вы? Я къ вамъ уже не-сколько разъ звонила. Ужасно...

Тутъ голосъ стала неразборчивымъ. Вмѣ-шились чѣ-то чужіе голоса. Чѣ-то загудѣло и затрещало. Чѣ-то чужой женскій голосъ отчаянно взвывалъ:

— Станція! Это — станція? Станція! Барышня! Миленькая! Станція?

Потомъ рѣзкій трескъ, и всѣ звуки въ трубкѣ погасли.

— Телефонъ испорченъ, — равнодушно сказала Юстина.

— Даша, подите, пожалуйста къ швейцару, позвоните къ Лучининѣ, спросите, не можетъ ли Клавдія Сергеевна вами передать.

Даша взяла съ гвоздика волѣ телефона запасной французскій ключъ отъ парадной двери и исчезла, безшумная и легкая, какъ увеличенная въ миллионъ разъ фея Титанія. Юстина посидѣла еще минутку и пошла къ себѣ. Не коридоромъ на этотъ разъ, а че-резъ гостиную, гдѣ свѣтло-зеленые тона мебели были пріятѣльны для глазъ, чѣмъ сѣ-рый полумракъ въ коридорѣ.

Ей показалось, что кто-то идетъ за нею. Мужскіе, увѣренные шаги. Стало неловко.

«я не одѣта», — коротко подумала Юстина, и разомъ забыла объ этомъ. Точно кто-то сказалъ ей:

— Все равно. А я на минуту.

Это былъ голосъ Бяленицкаго. Юстина тихо спросила:

— Отчего вы вчера не пришли? Мы васъ очень ждали.

И жестомъ любезной хозяйки, показывала на кресло у круглого преддѣланного стола, сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

Сама сѣла на другое кресло. Свѣтло-зеленый узоръ ковра передъ ея потупленными глазами дрожалъ и переливался, и, чего Юстина раньше на этомъ коврѣ не замѣчала, весь онъ былъ усыпѣнъ мелкими, шарла-ховыми розами, похожими на брызги алой, свѣтлой крови.

Гость говорилъ, и голосъ его звучалъ все глупше, точно издалека:

— Семь почай я видѣлъ сны, предвѣща-шие миѣ неизѣбѣнную смерть. Семь ночей подрядъ. Кромѣ моей послѣдней ночи.

Юстина стало холодно. Она задрожала. Не поднимала глазъ. Едва слышенный голосъ продолжалъ:

— Но успокойте Клавдію.

Хлопнула входная дверь. Юстина вздрогнула. Всмѣтрѣлась. Никого не было съ нею. Слышины были приближающіеся Дашины шаги.

Юстина думала съ тоскою:

«Опять голоса, голоса! Куда миѣ скрыть-ся отъ нихъ?»

Даша вошла, обычно веселая и услужливая.

— Барышня, здѣсь еще не топили. Про-студитесь. Едва дозвонилась. Барышня Лучинина сами пріѣдуть. А, между прочимъ, барышня сюда позвонили. Сказали, не ждать ихъ къ завтрашку. Къ обѣду вернутся. За-ѣхали, а къ кому, я не могла разобрать. Шу-

мить въ трубкѣ, трещить, видно, и на лѣстницѣ телефонъ не въ исправности.

Юстина встала. Пошла по коридору. Да-ша шла за нею. Когда уже Юстина хотѣла взяться за ручку двери въ спальню, Даша подхватила ее подъ локоть и сказала весело, точно радуясь предстоящему удовольствію:

— Барышня, пожалуйте въ ванну.

Полежать бы спокойно! Но Юстина знала, что Даша настойчива въ исполненіи того, что она считаетъ въ чистѣ своихъ обязан-ностей. И около ванной печки и мраморного бассейна она всегда становилась особенно весела и услужлива, точно ей было радостно плясать водою, то холодно, то горячо на нѣжное, блѣдное, худенькое тѣло Юстины.

Какъ всегда, вода помогла. Милая возста-новительница сильна — вода. И, одѣвась, Юстина уже чувствовала себя бодрою, здо-ровою, совсѣмъ обыкновенною барышнею. И съ умѣшечкою подумала о своихъ голо-сахъ:

«Нерви!».

И вспоминала, какъ вчера заспорили Алеша Беренниковъ и слѣпой офицеръ. Алеша говорилъ:

— Нервочки пошлиаютъ, этикъ и объ-ясняются многія таинственныя явленія. А въ здоровоѣ тѣлѣ живеть и здоровая душа.

— То, что вы называете здоровою ду-шою, — отвѣчалъ слѣпой офицеръ, — по-большей части бываетъ просто только пе-чуткая душа, слишкомъ погруженная въ заботы материальнаго свойства.

И теперь ей хотѣлось быть простою и обыкновенною дѣвушкою. Забыть о голо-сахъ. Забыть и о Лемемѣ.

Въ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, З. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Бояновскаго, А. А. Измайлова и др.

V.

Съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣла Юстина на ту бѣлую тунику, въ которую вчера вечеромъ одѣта. А впрочемъ, же ей, такой тонкой и воздушной, и сѣвать? Не сарафанъ же!

Мгновенно мелькнувшая въ ея головѣ силь о сарафанѣ разсмѣшила и развлекла Юстина. Она выпила въ столовую почти веселѣ, и позавтракала не безъ удовольствія. Же и хорошо, что одна, не надо говорить, сѣвать, спрашививать,—спокойно.

Еще сидѣла за столомъ,—звонокъ. Въ редчайшемъ звукомъ головы,— Клавдія. Юстина выпила къ ней.

— Въ ужасномъ беспокойствѣ,—съ первымъ же словомъ запоровила Клавдія,—не знаю, что и дѣлать. Братъ тоже обезпокоенъ, бѣдить по всему городу, ничего не можетъ узнать.

— Но въ чѣмъ дѣло?—спросила Юстина.—Пойдемте въ столовую, выпейте чашку кофе и разскажите мнѣ, въ чѣмъ дѣло.

— Нѣтъ, я на минуту, я думала, вы знаете.

Въ гостиной Клавдія сѣла на первый появившійся стулъ, сжала обѣими руками сумку и повторила:

— Я ничего не могу сообразить.

Она была познамъ, высокая, здоровая дѣвушка, съ самыми обыкновенными, милодушными лицомъ, одна изъ тѣхъ, кѣтойи путь которыхъ кажется предначертаніемъ.

ныть неизмѣнно, и выраженіе тревоги совсѣмъ не шло къ ея румянему лицу.

— Видите, въ чѣмъ дѣло,—заговорила она, собравшись съ мыслями,—у Марка Леонидовича несчастье, и его самого не могутъ нигдѣ найти, нынче полночь у него разгромили квартиру, а онъ ушелъ изъ дома сразу послѣ обѣда, зашелъ къ дамѣ, потомъ сказали, что идти къ вами, но домой не возвращался. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ у него на квартире.

— У насъ онъ вчера не былъ,—сказала Юстина.

— Мы случайно узнали о томъ, что у него случилось. У него съ братомъ было какое-то общее дѣло. Надо было внести залогъ. Вчера братъ передалъ ему 28,000. Они вдвоемъ пересчитали деньги, завернули ихъ въ газету. А сегодня рано утромъ братъ нашелъ у себя на письменномъ столѣ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они вчера увязывали деньги, три сторублевки. Какъ онъ отбился отъ общей суммы, не понимаю, но что вѣмъ признакамъ, это было изъ тѣхъ денегъ. Братъ поскорѣе побѣхалъ къ Марку Леонидовичу, чтобы при сдать денегъ не вышло какого-нибудь недоразумѣнія. Прѣбѣхъ, и засталъ ужасную картины,—двери открыты, дворники, полиція, все перевернуто: въ квартире, оказалось, ночью были грабители. Матвѣя и Мирона сказали, придушили подушками, такъ что ихъ нашли еле живыми, отправили въ

больницу. Швейцарь говорить, что Маркъ Леонидовичъ домой не возвращался. При немъ были большия деньги, и мы съ братомъ очень боимся, не случилось ли съ нимъ несчастья.

Она вдругъ заплакала.

Юстина вспомнила, какъ за часъ до этого здесь услышала она слова:

— Успокойте Клавдію.

Подумала:

— А чѣмъ же я могу ее успоконить?

Не знала, что сказать, и все-таки придумывала утѣшительныя слова. Сама не вѣрила тому, что говорила:

— Не волнуйтесь, Клавдія. Большое счастье, что его не было дома. Пропали только деньги. А онъ самъ живъ и здоровъ, я уверена въ этомъ. Конечно, очень

вѣрила тому, что говорила.

— Не волнуйтесь, Клавдія. Большое счастье, что его не было дома. Пропали только деньги. А онъ самъ живъ и здоровъ, я уверена въ этомъ. Конечно, очень

вѣрила тому, что говорила.

Утромъ Беренниковъ нѣсколько разъ пытался звонить къ Лучинину. Отвѣчали снайка:

— Трубка снята.

Потомъ:

— Занято.

Потомъ къ телефону подошла Клавдія. Беренниковъ узналъ ее по голосу. Не рѣшился ничего ей сказать, даже себя не называть. Смущенно говорилъ:

— Сергея Сергеевича можно попросить къ телефону?

— Онъ сейчасъ только-что вышелъ. А кто его спрашиваетъ?

Простилась и ушла, почти успокоенная. А Юстина осталась въ смутной тревогѣ.

VI.

ТЕМНЫЕ НАМЕКИ.

Короткий зимний день уже клонился къ вечеру, а тѣло Биленецкаго все еще лежало на той же кровати, въ томъ же положеніи. въ какомъ нашли его утромъ. Съ кажд-

дымъ часомъ возникали новыя осложненія и затрудненія. Скоропостижная смерть на чужой квартирѣ уже и сама по себѣ доставила бы квартирнохозяину, Беренникову, большія хлопоты и заботы. Но уже то, что подъ подушкою у покойника лежала крупная сумма, да и деньги-то чужія, назначенные для срочного платежа, было первымъ крупнымъ осложненіемъ. А тамъ пошли и другія.

И вотъ съ утра въ тѣсной квартирѣ Беренникова толпился народъ,—дворники, швейцарь, городовые, приставъ, потомъ судебный слѣдователь и товарищъ прокурора. Кромѣ того, какіе-то господа неопредѣленнаго вида шушукались съ кѣмъ-то въ прихожей и на лѣстницѣ.

Утромъ Беренниковъ нѣсколько разъ пытался звонить къ Лучинину. Отвѣчали снайка:

— Трубка снята.

Потомъ:

— Занято.

Потомъ къ телефону подошла Клавдія. Беренниковъ узналъ ее по голосу. Не рѣшился ничего ей сказать, даже себя не называть. Смущенно говорилъ:

— Сергея Сергеевича можно попросить къ телефону?

— Онъ сейчасъ только-что вышелъ. А кто его спрашиваетъ?

Простилась и ушла, почти успокоенная. А Юстина осталась въ смутной тревогѣ.

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Я,—товарищъ прокурара Темномъровъ. Извиняюсь очень, что принужденъ вѣсль обезпокоить, но служебный долгъ выше всего. Я долженъ присутствовать при тѣхъ объясненіяхъ, которыя вы будете любезны дать судебному слѣдователю. Позвольте познакомить васъ,—судебный слѣдователь Губановъ.

Почти такой же корректный и гладкій моло-

дой человѣкъ, только съ рыхловатыми волосами, и не столь язвительно деликатный,

какъ Беренниковъ.

— А когда Сергѣй Сергеевичъ будетъ до-

ма?

— Не знаю извѣрное. Позвоните часа въ два. Или скажите вашъ телефонъ, я передамъ. Вообще, можетъ быть, вы мнѣ скажете, что передать.

— Я самъ позвоню.

И поторопился повѣстить трубку.

А потому пришло все время говорить, рассказывать, объяснять.

Когда, уже во второмъ часу, полицейскій врачъ окончилъ протоколь осмотръ тѣла, впредь появился судебній слѣдователь и товарищъ прокурора. Беренниковъ въ это время наскоро доѣдалъ привезенный ему изъ ресторана швейцаровъ мальчикомъ бифштексъ. Слѣдователь и товарищъ прокурора прошли прямо въ ту комнату, где лежалъ Биленецкій, и Беренниковъ вошелъ туда уже послѣ нихъ.

— Вы изволите быть хозяиномъ этой квартиры?—спросилъ его съ чрезмѣрною, почти язвительною вѣжливостью чернѣвый и худощавый молодой человѣкъ, весь тщательно выложеній и вытуженій.

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Я,—товарищъ прокурара Темномъровъ. Извиняюсь очень, что принужденъ вѣсль обезпокоить, но служебный долгъ выше всего. Я долженъ присутствовать при тѣхъ объясненіяхъ, которыя вы будете любезны дать судебному слѣдователю. Позвольте познакомить васъ,—судебный слѣдователь Губановъ.

Редакція, съ крайнимъ оторочніемъ, должна извѣстить читателей, что изъ числа участниковъ колективнаго романа вышли А. И. Куприя.

а во всѣхъ отношеніяхъ попроще, судебній слѣдователь Губановъ пожалъ руку Беренникову.

— Будьте любезны дать памъ нѣкоторыхъ поясненій,—сказалъ онъ, присаживаясь къ рабочему столу.—Видите ли, мы бы вѣсль не поторопились обезпокоить сегодня же, воѣкъ сожалѣнію, скоропостижная кончина вѣшаго хорошаго знакомаго осложнилась однѣмъ весьма прискорбнымъ происшествіемъ это же почю. Вамъ извѣстно, что случилось въ домѣ господина Биленецкаго?

— Ничего не знаю,—съ удивленіемъ отвѣчалъ Беренниковъ.

— Ну, объ этомъ потомъ. Будьте любезны присѣть и познакомить насъ съ обстоятельствами, сопровождавшими смерть вашаго друга.

Беренниковъ подробно рассказалъ все, уже извѣстное читателю. Слѣдователь обстоятельно записывалъ. Бумагу онъ досталъ изъ своего портфеля, и даже черниль отъ Беренникова не спросилъ,—принесъ съ собою вѣчное перо. Приставъ измѣнилъ сидѣль въ углу комнаты.

— Гдѣ деньги?—спросилъ его слѣдователь.

Федоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ триадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Комирсевича-Данченко, П. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Бояновскаго, А. А. Измайлова и др.

VII. ЗА СТѢНОЮ.

Приставъ молча раскрылъ свой портфель и выпулъ оттуда двѣ опечатанныя пачки.

— Эти самыя? — спросилъ следователь Беренниковъ.

— Да, ихъ при мнѣ опечатывали.

— Теперь вотъ что, — задумчиво говорилъ Губановъ, — какъ же вы все-таки объясняете это обстоятельство, вотъ съ глинтвейномъ. Вы говорите, пойдойный отказался выпить приготовленный вами напитокъ. Сами вы его не пили. Господинъ Бяленицкій, какъ вы говорите, отвернулся отъ предложенного вами напитка съ видимымъ отвращеніемъ. Утромъ же стаканъ оказался пустъ. Справивается, кто его выпилъ?

— Не могу понять, въ чёмъ дѣло, — стѣнчалъ Беренниковъ, пожимая плечами. — Думаю, что Бяленицкій не сталъ бы пить. Можетъ быть, я самъ машинально выпилъ и забыть объ этомъ.

— Такъ-съ, машинально, — задумчиво проговорилъ Губановъ.

Хотѣлъ еще что-то спросить. Но затѣмъ звонокъ телефона.

— Позвольте? — спросилъ Беренниковъ.

— Да, пожалуйста, — съ величайшою готовностью отвѣчалъ Губановъ.

И, пока Беренниковъ говорилъ по телефону, повернулся къ приставу, спросилъ:

— Помилуйте, не въ первый разъ.

— Какъ настѣть этого?

Приставъ подошелъ къ следователю и сѣкъ сказалъ:

— Докторъ Невѣровъ взялъ для анализа. — Все въ порядкѣ?

Межъ тѣмъ, Беренниковъ говорилъ, — а Темномѣровъ прислушивался, дѣлая видъ, что затумался, и никако наклонивъ опробованную и гладко причесанную голову.

— Да, это я, — говорилъ Беренниковъ. — Да, я дома. Черезъ полчаса? Сейчасъ, одну минуту. Пожалуйста, подождите у телефона.

Огустинъ трубку на столъ и тихо сказалъ:

— Это говорить Лучининъ. Тотъ самый, чьи деньги. Справившись, можетъ ли онъ прѣѣхать ко мнѣ черезъ полчаса. Что ему сказать?

— Ну что жъ, это кстати. Пока мы еще кое-что выяснимъ. Попросите его прѣѣхать. Но лучше не говорите рѣбѣ этомъ.

Губановъ движениемъ головы показалъ на трупъ.

Беренниковъ спѣть взялся за трубку. И тѣмъ особыннмъ голосомъ, которымъ говорить въ телефонъ, сказалъ:

— Да, я буду вѣсѣ ждать. До скораго свиданія.

Темномѣровъ поднялъ голову, быстро глянувъ на Губанова, словно приставацъ его къ вниманію, и спросилъ:

— Будьте любезны сказать, капитанъ: когда вы считали деньги, принимали ли въ этомъ како-нибудь участіе самъ Бяленицкій?

— Но онъ былъ въ такомъ состояніи, — отвѣчалъ Беренниковъ.

Въ вопросъ товарища прокурора было что-то неуловимо-непріятное. Беренниковъ

чувствовалъ себя такъ, какъ будто къ его пальцамъ прислали паутину отъ этихъ вчера сосчитанныхъ имъ денегъ.

— Да, конечно, посѣтъ такой прогулки, — согласился Темномѣровъ. — Но видите ли, въ этомъ случаѣ было бы правильнѣе, если бы вы пригласили кого-нибудь присутствовать при счетѣ.

— Помилуйте, поздно ночью! — воскликнулъ Беренниковъ. — Кого же бы я могъ пригласить?

— Совершенно вѣрно, — согласился Темномѣровъ. — Вы же не могли предвидѣть того, что случилось. Хотя то состояніе, въ которомъ находился, по вашему сообщенію, Бяленицкій, и могло впушнть большии опасенія, но всего предвидѣть невозможно, я съ этимъ согласенъ.

«Чего онъ такъ добивается?» — съ досадой подумалъ Беренниковъ.

Вынувъ изъ кармана маленький стальной ключъ, подошелъ къ боковой стѣнѣ, снявъ вѣнчану нѣвысоко гравюру, изображавшую Александра Македонскаго на могилѣ Ахиллеса, и оказалось, что эта гравюра машируетъ и безъ тѣла замѣтную замочную скважину. Гости насторожились. Всѣ трое подошли къ стѣнѣ, и съ чуткимъ любопытствомъ глядѣли въ открывшійся, вѣдьланый въ стѣну небольшой шкафъ. Внизу шкафа и на двухъ полкахъ лежали папки съ чертежами.

— Угодно просмотрѣть? — спросилъ Беренниковъ, вынимая одну изъ нихъ.

Темномѣровъ остановилъ его изысканно-любезныи жестомъ.

— О, не извольте беспокоиться. Пожалуйста, закройте ванъ шкафъ. Въ его осмотрѣ нѣть никакой надобности. Надѣюсь, и не встрѣтится.

Въ первей послышался звонокъ. Беренниковъ двинулъ было открыть входную дверь, но Губановъ опередилъ его. Беренниковъ остановился. Подумалъ:

— Занятая картинка, — тихо, по мнозначительно сказалъ онъ, показывая на гравюру, пристрѣвашую потайной лицѣ.

Темномѣровъ и Губановъ подошли къ гравюре. Приставъ стоялъ рядомъ. Слѣдя постукаль пальцами въ стѣну.

— Ага, занятно! — пробормоталъ Губановъ.

Всматривался въ рисунокъ, но глаза его были невнимательны. А сгибами пальцевъ

Беренниковъ досадливо пожалъ плечами. Сказалъ:

— Я имѣлъ дѣло съ порядочными человѣкомъ и съ мнѣю хорошими знакомыми. Ихъ и въ голову не приходило принимать такихъ предосторожности. Самъ Бяленицкій — такой дѣловой и осторожный человѣкъ, — если бы эти формальности были необходимы, онъ о нихъ не забыть бы.

— Я съ вами совершенно согласенъ, — отвѣчалъ Темномѣровъ, — но не слѣдуетъ забывать, что Бяленицкій могъ очень плохо соображать въ этотъ вечеръ. Подъ подушкой, конечно, — но, вѣдь у васъ есть же постайной шкафъ?

«Чего онъ такъ добивается?» — съ досадой подумалъ Беренниковъ.

— Позвольте прочесть? — спросилъ Беренниковъ.

— Судя по штемпелю и по по-

черку, это отъ брата изъ Москвы.

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, читайте, — отозвался Темномѣровъ, неизѣмно любезныи.

Беренниковъ распечатывалъ письмо, и думалъ:

«Однако, долго ли они будуть здѣсь торчать?»

Письмо было длинное, на восьми убористыхъ страницахъ, и интересное. Беренниковъ погрузился въ чтеніе.

Уже горѣла электрическая лампа, уже опущены были занавѣски на обояхъ окнахъ, — молчавшій приставъ, хотя и казался неподвижнымъ, но успѣвалъ дѣлать многое.

— Занятая картинка, — тихо, по мнозначительно сказалъ онъ, показывая на гравюру, пристрѣвашую потайной лицѣ.

Темномѣровъ и Губановъ подошли къ гравюре. Приставъ стоялъ рядомъ. Слѣдя постукаль пальцами въ стѣну.

— Возможнно, что это — господинъ Лучи-

нинъ.. Будьте любезны пригласить его въ ту комнату.

Беренниковъ вышелъ въ переднюю. Темномѣровъ спросилъ пристава:

— Вы озабочились перевезенiemъ тѣла?

— Да, я звонилъ.

— Когда?

— Да ужъ пора бы. Жду...

— Если при насъ пріѣдуть и мы будемъ въ той комнатѣ, то скажите.

— Слышаю-съ.

Беренниковъ и Губановъ вернулись. У Беренникова въ рукахъ было письмо.

— Ложная тревога, — сказалъ Губановъ. — Не господинъ Лучининъ, а всего толькъ почтальонъ.

— Позвольте прочесть? — спросилъ Беренниковъ.

— За стѣною? — переспросилъ онъ.

— Да, право, не знаю. Никогда не задумывался надъ этимъ. Надо полагать, — чужая квартира.

А уже приставъ незамѣтно стушевался.

Темномѣровъ продолжалъ спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, вы не замѣчали никакихъ пропажъ въ вашей квартирѣ?

— Не случалось, — отвѣчалъ Беренниковъ.

— Ни деньги, ни вещи?

— Ничего не пропадало.

— Ну, да, это — охота по крупному звѣрю, — сказалъ Губановъ.

— Видите ли, господинъ Беренниковъ, — говорилъ Темномѣровъ, — квартира господина Бяленицкаго ночью разграблена.

Беренниковъ почувствовалъ, что его голова кружится. Онъ сѣлъ, и смотрѣлъ на Темномѣрова неподвижными, испуганными глазами.

онъ постукивалъ по стѣнѣ съ другой стороны гравюры.

— Да, Евгений Владимировичъ, — сказалъ онъ, — тонкая работа.

А уже пальцы Темномѣрова шарили и постукивали подъ гравюрою. Его тонкія губы передернулись извѣтльно умѣшко.

— Да, — говорилъ онъ, — сдѣлано не плохо.

Онъ повернулся къ Беренникову, и спросилъ:

— Позвольте попробовать, что за стѣною.

Беренниковъ смотрѣлъ съ удивленіемъ.

— За стѣною? — переспросилъ онъ.

— Да, право, не знаю. Никогда не задумывался надъ этимъ. Надо полагать, — чужая квартира.

А уже приставъ незамѣтно стушевался.

Темномѣровъ продолжалъ спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, вы не замѣчали никакихъ пропажъ въ вашей квартирѣ?

— Не случалось, — отвѣчалъ Беренниковъ.

— Ни деньги, ни вещи?

— Ничего не пропадало.

— Ну, да, это — охота по крупному звѣрю, — сказалъ Губановъ.

— Видите ли, господинъ Беренниковъ, — говорилъ Темномѣровъ, — квартира господина Бяленицкаго ночью разграблена.

Беренниковъ почувствовалъ, что его голова кружится. Онъ сѣлъ, и смотрѣлъ на Темномѣрова неподвижными, испуганными глазами.

Федоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Бояновскаго, А. А. Измайлова и др.

VII.

ЗА СТѢНОЮ.

Беренниковъ почувствовалъ, что его голова кружится. Онъ сѣлъ и смотрѣлъ на Гиѣдича неподвижными, испуганными глазами.

— Когда вы говорили по телефону съ этой квартирой, тамъ въ это время хозяинчили непрошенные гости,—продолжалъ Темномѣровъ.

— Но какъ же?..

— Вамъ отвѣчалъ одинъ изъ грабителей. Такъ приходится заключить по соображенію времени. Очевидно, орудовала щайка, уже освѣдомленная о томъ, что въ эту ночь на квартирѣ Бяленицкаго лежать большія деньги, приготовленныя имъ для внесенія въ казначейство въ качествѣ залога по подряду. Ну-съ, если эти господа были освѣдомлены обѣ одноть, то не исключена возможность, что имъ было извѣстно и то, что при самомъ Бяленицкому находится крупная сумма. Стало быть, возможно покушеніе на ихъ кражу. Прислушайтесь.

Темномѣровъ постучалъ по стѣнѣ. Звукъ былъ глухой, какъ надъ пустотою.

— Понимаете, изъ сосѣдней квартиры могли къ вамъ проникнуть.

— Да вѣдь деньги все цѣлы!—воскликнулъ Беренниковъ.

— Что-нибудь могло помѣшать грабителямъ,—отвѣчалъ Темномѣровъ.—Но это необходимо изслѣдоватъ. Понимаете, въ вашемъ же интересѣ. Надѣюсь, приставъ додумался позвать швейцара.

Съ этими словами Темномѣровъ обратилъся къ Губанову.

— Да,—отвѣчалъ Губановъ,—онъ очень толковый человѣкъ.

Въ передней послышались неловко топущущіеся шаги. Вшли приставъ и швейцарь, пожилой, болѣзnenного вида человѣкъ, изъ солдатъ, но уже забывшій солдатскую выправку.

Темномѣровъ обратился къ нему.

— Скажите, швейцарь, та квартира, что вътъ за этой стѣной, по вашей парадной?

— Никакъ нѣтъ, это съ другого подъѣзда.

— Значить, чтобы попасть въ ту квартиру, надо выйти на улицу и зайти съ того подъѣзда?

— Да, теперь оно точно такъ, съ того подъѣзда.

— Что значить, вы говорите, теперь? А прежде?

— Позвольте доложить, прежде была здѣсь одна квартира. Потомъ, когда старые жильцы сѣхали, хозяинъ отѣлилъ эти двѣ комнаты, такъ, чтобы вышла, значить, отдельная квартира. Кухонку выгородили, дверь на парадную пробили.

— Давно?

— Да какъ вамъ сказать,—какъ будто третій годъ. Вотъ какъ разъ имъ перѣѣхать. До господъ Беренниковъ никто не жилъ.

— А на той квартирѣ кто живетъ?

— Это, значитъ, за стѣною?

— Ну, да, за стѣною.

— А тамъ жили сначала генералъ Погорѣльскій, а съ нынѣшней осени живутъ нѣмцы, баронъ Сельбінъ.

— Нѣмецъ съ русской фамиліей?

— Такъ точно,—господинъ Сельбінъ.

— Такъ. Не знаете, швейцарь, баронъ этотъ теперь дома?

— Никакъ нѣтъ, тамъ никого нѣтъ. Ихъ, позвольте доложить, всего двое господъ было: баронъ и баронесса. Только баронесса съ мѣсяцемъ времени уѣхали и вмѣстѣ съ горничною къ себѣ на родину, сказываютъ, за границу. Баронъ остался одинъ. При нихъ лакеи, тоже изъ нѣмцевъ. Вчера съ ночнымъ поѣздомъ они оба уѣхали по Варшавской.

— Нынче ночью?

— Такъ точно.

Темномѣровъ повернулся къ Губанову, который слушалъ молча и внимательно.

— Это начинаетъ становиться интересно. Надо посмотреть. Какъ вы находитѣ?

— Не мѣшааетъ,—отвѣчалъ Губановъ.

— Господинъ приставъ,—распоряжался Темномѣровъ,—пригласите понятыхъ. Составьте протоколъ осмотра. А вы, швейцарь, устройте-ка такъ, чтобы эту дверь

аккуратнѣнко открыть. Вѣдь она здѣсь должна находиться?

Онъ постучалъ по стѣнѣ около гравюры.

— Такъ надо быть, что здѣсь,—перѣшательно отвѣчалъ швейцарь.—Только, позовольте доложить...

Темномѣровъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Докладывать намъ нечего, а вы исполняйте то, что отъ васъ требуетъ следственный судья по закону. Конечно, досадно, что приходится входить въ чужую квартиру безъ хозяина. Такъ на то и понятые существуютъ. Поняли?

— Такъ точно.

— Ну, такъ поворачивайтесь, да ложивѣ. Если у старшаго дворника нѣтъ ключа отъ забитой двери, то гдѣ-нибудь по близости найдется слесарь.

— Ключъ долженъ быть. Старшій поищетъ.

— Ну, и отлично. Да поскорѣе.

Приставъ и швейцарь ушли. Губановъ сказалъ:

— Подозрительный баронъ, который уѣзжаетъ какъ разъ въ ту самую ночь. Впрочемъ, капитанъ, вы, можетъ быть, его знаете?

— Первый разъ слышу,—отвѣчалъ Беренниковъ.

Его веселые всегда, круглые глаза погасли и сузились. Вдобакъ ко всѣмъ волненіямъ этого дня вѣсть о разгромѣ квартиры Бяленицкаго совершенно потрясла его и онъ чувствовалъ себя совершенно ошеломленнымъ всѣмъ этимъ. Къ тому же полчаса давно прошли, а Лучинина не было. Ужъ не случилось ли еще новой бѣды? Все болѣе угнетало присутствіе неподвижнаго на братиной постели гостя.

Голова Беренникова закружилась, лицо поблѣдѣло. Онъ глянулъ на Бяленицкаго, и ему показалось, что подъ свѣтлыми усами гостя зазѣмилась улыбка, быть можетъ, потому, что на этомъ мертвенно блѣдномъ лицѣ скользнула тѣнь отъ шагавшаго изъ угла въ уголъ Губанова.

— Извините,—сказалъ Беренниковъ,—я чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Я выйду въ ту комнату.

— Ради Бога, не стѣсняйтесь,—засуетился Темномѣровъ.—Я не понимаю, почему такъ долго не прѣѣзжаютъ за тѣломъ. Вы знаете, у васъ вездѣ такая халатность. Пожалуйста, можетъ быть, вы захотите пройтись на свѣжій воздухъ, такъ очень

васъ прошу. Хотя хотѣлось бы при васъ произвести осмотръ, но если вамъ дурно, то ради Бога.

Такъ, осыпая Беренникова любезными словами и увиваясь вокругъ него, Темномѣровъ проводилъ его въ другую комнату, усадилъ въ кресло, налилъ воды, потомъ отыскалъ вино.

— Простите, ради Бога, что я такъ безцеремонно хозяйничала у васъ. Но, можетъ быть, глотокъ краснаго вина вамъ поможетъ.

— Благодарю васъ очень. Нѣть, вина я не хочу. Я посижу. У меня просто голова закружилась. Это пройдетъ.

— Да, да, посидите, отдохните. Я понимаю, это не могло не подѣйствовать.

И Темномѣровъ съ преувеличеною деликатностью, на циничкахъ, выбрался изъ комнаты и притворилъ за собою дверь. Оставшись паединѣ съ Губановымя, онъ выразительнымъ жестомъ широко повелъ швѣду отъ подозрительной стѣны къ Бяленицкому, и вопросительно поглядѣлъ на Губанова. Тотъ утвердительно кивнулъ головою. Тогда, показавъ головою на дверь, за которую былъ Беренниковъ, Темномѣровъ тихо, почти беззвучно, спросилъ.

— А этотъ?

Губановъ покъжалъ плечами, и пробормоталъ:

— Исторія мидянъ темна и непонятна. Беренниковъ сидѣлъ пѣсколько минутъ, закрылъ глаза. Въ голову ударило коротенькое слово:

«Глинтвейнъ!»

Беренниковъ вскочилъ.

«Неужели они подозрѣваютъ, что я отравилъ его? Но вѣдь деньги-то цѣлы?»

За дверями слышенъ былъ шумъ и стукъ.

«Надо итти туда»,—думалъ Беренниковъ.—«Чортъ ихъ знаетъ что имъ вздуется!»

Когда онъ вошелъ въ свой рабочій кабинетъ, дверь въ сосѣднюю квартиру была уже вскрыта. Было много людей,—дворники, мужики какіе-то, субъектъ въ котелкѣ. Приставъ сидѣлъ у стола и сосредоточенно царапалъ перомъ по бумагѣ.

Федоръ Сологубъ.

(Продолженіе во вторникъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Боячановскаго, А. А. Измайлова и др.

VII.

Быстро прошли по соседней квартире,— и за другими, чувствуя неловкость и досаду, шелъ Беренниковъ. Швейцарь съ другого подъѣзда, молодцеватый молодой унтеръ-офицеръ съ двумя медалями, былъ уже тутъ.

— Кто смотрить за квартирой?— спросилъ Губановъ.

Видимо, его уже начало волновать то, что инициатива совсѣмъ перешла въ руки товарища прокурора, и онъ рѣшилъ действовать самостоятельнѣе.

— Я, ваше высокородіе,—бойко отвѣчалъ швейцарь.

— После отѣзда барона вы входили въ квартиру?

— Такъ точно, сегодня утромъ.

— Ничего подозрительнаго не замѣтили?

— Никакъ нѣтъ.

— Парадная дверь какъ заперта?

— На ключъ и на французскій замокъ.

Одинъ ключъ отъ французскаго замка баронъ съ собою взяли, другой у меня.

— Сколько же у васъ ключей?

— Два, ваше благородіе: простой и французскій.

— А черный ходъ?

— Ключъ у старшаго.

— Правильно. Потрудитесь открыть парадную.

Всѣ вышли заѣмъ-то на площадку. Обыкновенная петербургская площадка, парадной шестого этажа, съ двумя дверями, и на каждой двери по мѣдной дощечкѣ. Беренниковъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на дощечку бароновой квартиры. На ярко-очищенной мѣди сверкала крупная, широкую русскую прописью, надпись:

Баронъ

Самуилъ Карловичъ

фонъ - деръ - Зельбенъ.

Какая-то неопределенный воспоминанія закружились въ головѣ Беренникова. Гдѣ

онъ слышалъ эту фамилію? И какая странная,—точно псевдонимъ. Но такъ вдругъ опять разболѣлась голова, и мысли разбѣгались, и вдругъ даже забылъ эту фамилію. Захотѣлъ вспомнить, и мучительно не могъ. Всѣ вернулись въ квартиру.

Губановъ официальнымъ тономъ обратился къ Темнокрову:

— Не нахожу оснований произвести подробный осмотръ квартиры, но впередъ до выясненія обстоятельствъ полагаю, что необходимо изъ квартиры отпечатать и наблюденіе за цѣлостностью печатей возложить на администрацію дома.

Согласенъ,—такъ же официально отвѣчалъ Темнокровъ.

— Господинъ приставъ,—сказалъ Губановъ,—погодите вмѣстѣ съ понятными принять мѣры къ охранѣ квартиры.

VIII. СТОРУБЛЕВКИ.

Усталый приставъ съ понятными торопливо и нѣбрежно составлялъ протоколъ и накладывалъ печати. Беренниковъ, слѣдователь и товарищъ прокурора прошли во вторую комнату. За тѣломъ все еще не прѣѣзжали.

— Чортъ знаетъ, что за халатность!— досадливо сказалъ Губановъ.— Надо позвонить по телефону.

Хотѣлъ было пройти къ телефону, но остановился, заслышавъ звонокъ въ передней. На этотъ разъ это былъ Лучининъ.

Опять открылъ ему Губановъ.

— Алексѣй Даниловичъ дома?— громко и взволнованно спрашивалъ онъ.

Беренниковъ вышелъ въ переднюю.

— Я васъ жду уже давно.

— Простите, меня такъ задержали. Дѣло въ томъ, что: Вы слышали, можетъ быть, какое несчастіе?..

— Сергѣй Сергѣевичъ,—сказалъ Беренниковъ,— я знаю, кажется, больше, чѣмъ вы. Но не знаю, могу ли вамъ все сказать.

— Пожалуйста, отчего же?—вмѣщалъ

Губановъ.—Если господинъ Лучининъ не знаетъ...

— Маркъ Леонидовичъ у меня,—тихо сказалъ Беренниковъ.— Но входите, пожалуйста.

Похожій на сестру, хорошо упитанный сангвиникъ, Лучининъ былъ видимо въ сильной тревогѣ. Разсказъ Беренникова онъ выслушалъ въ величайшемъ волненіи, бѣгая изъ угла въ уголъ, и восклицая:

— Боже мой, какое несчастіе!

Губановъ сказалъ:

— Такъ какъ вы уже пожаловали сюда, то позовите просить вѣстъ дать намъ нѣкоторыя поясненія. Вчера вы передали господину Баленицкому нѣкоторую сумму денегъ.

— Да, двадцать восемь тысячъ. То есть, собственно, мы съ нимъ какъ-то поторопились, должно быть, и онъ унесъ отъ меня нѣсколько меньше.

— Да? Это любопытно. Будьте любезны разсказать.

— Вчера около семи часовъ вечера Маркъ Леонидовичъ пришелъ ко мнѣ, какъ мы съ нимъ условились, за деньгами. Деньги были приготовлены, мы ихъ еще разъ пересчитали. Маркъ Леонидовичъ въ денежныхъ дѣлахъ человѣкъ въ высшей степени осторожный и аккуратный. Онъ не только выдалъ мнѣ расписку въ полученіи денегъ для внесенія ихъ въ залогъ, но и переписалъ номера всѣхъ бумажекъ. Я ему говорю: «Маркъ Леонидовичъ, вѣдь это же совсѣмъ ни ни что не надобно». «Ну,—онъ говоритъ,—мало ли что за ночь со мною можетъ случиться. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Если меня отѣхнѣтъ, то эта записка окажется не безполезною». Составили мы эту запись въ двухъ экземплярахъ, одинъ у меня остался, другой онъ съ собою взялъ.

— А, это любопытно,—повторилъ Губановъ.

— Были сторублевки и пятисотрублевки. Довольно объемистая пачка, такъ что мы раздѣлили на двѣ равныя части, каждую завернули въ газету, перевязали, одну онъ себѣ взялъ, другую мнѣ оставилъ.

— Такъ, такъ, весьма любопытное ука-
заніе,—говорилъ Губановъ, быстро запи-
сывая разсказъ Лучинина. Прощу вѣстъ продолжать.

— Отъ меня онъ вышелъ въ девятомъ часу. Сказалъ, что ждетъ въ Беренниковъ.

вѣстъ. Но оказывается, что тамъ онъ щѣсть.

— А вы уже справлялись?

— Я съ утра былъ обезпокоенъ, вотъ по какому странному обстоятельству. Утромъ я вошелъ въ кабинетъ, чтобы написать одно спѣшное письмо. На томъ самомъ мѣстѣ, тѣмъ мы вчера считали деньги, вижу, лежать три сторублевки. Я удивился,—откуда? Вотъ тутъ-то и пригодилась аккуратность Марка Леонидовича. Я стала сличать номера сторублевокъ съ написою записью, оказалось, что это изъ тѣхъ самыхъ бумажекъ, которыхъ мы вчера, казалось, тѣмъ тщательно увязывали.. До сихъ поръ не понимаю, какъ это могло случиться. Теперь, конечно, мнѣ понятно, что уже и тогда Маркъ Леонидовичъ, должно быть, плохо се-
бя чувствовалъ, такъ что могъ выронить эти бумажки. А я былъ настолько увѣренъ въ его аккуратности, что не сѣдишь. Но утромъ, вы понимаете, я былъ въ полномъ недоумѣніи.

Очевидно, въ такомъ же недоумѣніи былъ сейчасъ круглоглазый капитанъ. Смотрѣть на Лучинина во всѣ глаза.

— Но позовите, какъ же...—началь бы-
ло онъ.

— Виноватъ,—остановилъ его Темнокровъ,—предоставимъ слово господину Лучинину. Не будемъ разрывать, если можно таѣзъ выразиться, чити это новѣствованія. Пожалуйста, продолжайте, господинъ Лучининъ, все это весьма интересно.

— Исторія мицянъ...—пробормоталъ Губановъ, на минуту отрываясь отъ своего писанія и вскидывая на Беренникова глаза, въ которыхъ вдругъ вспыхнула острый огонекъ.

Вспыхнуль, но и погасъ тогдасъ же.

Лучининъ говорилъ:

— Да, собственно, ничего особенно интереснаго я не могу разсказать. Я, конечно, немедленно помчался къ Марку Леонидовичу, чтобы застать его раны, чѣмъ онъ отправился въ казначейство. Но вы знаете, что я тамъ могъ увидѣть. Я весь день искала Марка Леонидовича. Звонилъ и къ вамъ, Алексѣй Даниловичъ, но не могъ дозвониться. А заѣхать до сихъ поръ не догадался.

Федоръ Сологубъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бояновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

VIII.

Дверь тихонько проткырьлась. Выглянула сухая съ распушившимися за день бакенбардами голова пристава.

— Очень извиняюсь,—сказалъ приставъ,—не позволите ли вы мнѣ побывать пока здѣсь? Всѣ ушли, и тамъ съ пимъ немножко жутко. Усталъ за день, знаете ли, въ голову всякий вздоръ лѣзетъ. Даже показалось, что опять этажъ пальцами перебираеть. Ей-Богу, памаешься за день, такъ нервы не лучше дамскихъ становятся.

— Ну, конечно, посидите здѣсь,—сказалъ Темнотѣровъ.—А за нимъ еще все не прѣѣзжали? Давно бы пора. Мы совсѣмъ измучили капитана.

— Я опять звонилъ. Говорить, что уже выѣхали.

— Долго тѣдуть,—внезапно дурашильнымъ тономъ сказали Губановъ.

Точно ему надоѣло быть серьезнымъ и захотѣлось во что бы то ни стало размѣтиться душевно. Ободренный его неначальническимъ тономъ, приставъ заговорилъ тоже покойѣ.

— Они объясняютъ, что тамъ у нихъ первый разъ какая-то ерунда съ лошадьми вышла, какая-то поломка по дорогѣ. Пока вернулись, пока другой экипажъ закладывали, время и пропаинуло.

— Какая ерунда съ лошадьми?—недовольнымъ тономъ спросилъ Темнотѣровъ.

Мгновенно подтягиваясь и съеживаясь, приставъ отвѣчалъ:

— Виловать, очень плохо было слышно по телефону. Телефонъ здѣсь надъ самыи ухомъ у похойника, такъ что какъ-то невольно кричать слишкомъ премъко и много пересиришивать.

— Ну, это, знаете ли...—началь и не кончилъ Темнотѣровъ, есть выраженіемъ лица, тономъ голоса и позою показывая, что на слуху силь не признаетъ и не допускаетъ нервовъ и сантиментовъ.

— Такъ, такъ,—бормоталъ Губановъ, съ видимымъ удовольствіемъ обдумывая что-то.—Итакъ, капитанъ, вы обсчитались не въ свою пользу. Если бы не свидѣтельство господина Лучинина, то наслѣдники Баленницкаго могли бы требовать съ васъ возвращенія недостающихъ кредитокъ.

Беренниковъ съ неудомѣніемъ развелъ руками.

— Я насчиталъ ровно двадцать восемь тысячъ.

— Такъ точно,—подтвердилъ приставъ,—при подсчетѣ оказалось ровно двадцать восемь. Позвольте съ, у меня въ записной книжкѣ отмеченъ подсчетъ. Вотъ, извольте видѣть: 47 бумажекъ по 500, составить 23 тысячи съ половиной, и 45 сторублевыхъ—четыре тысячи пятьсотъ. Итого ровно 28,000.

Губановъ и Темнотѣровъ переглянулись.

— Считали при понятыхъ?—спросилъ Темнотѣровъ.

— Помилуйте, какъ-же иначе!

— Протоколь составленъ?

— Все въ порядкѣ.

Губановъ сказали официальнымъ тономъ:

— Считаю цѣлесообразнымъ, не выноси денегъ изъ того помѣщенія, тѣснѣ обнаружены, произвести при тѣхъ-же по возможности свидѣтеляхъ сличеніе номеровъ кредитокъ съ записью... Виловать, господинъ Лучининъ, запись удостовѣрена подпись Баленницкаго?

Лучининъ молча порылся въ кошелькѣ, и досталъ сложенную въ восемь разъ бумажку. Губановъ осмотрѣлъ ее, передалъ Темнотѣрову и сказалъ:

— Подпись есть. Придется пріобщить бумажку къ дѣлу. Вы ужъ извините, господинъ Лучининъ, но намъ придется впослѣдствіи удостовѣрить самъ почеркъ похойнаго. Пожалѣ мы исполнимъ то, что можемъ. Позволите?—обратился онъ къ Темнотѣрову.

— Я не имѣю возраженій,—отвѣчалъ товарищъ прокурора.

Приставъ вышелъ говорить со швейцаромъ, чтобы опять позвали понятыхъ. Губановъ сказалъ задумчиво:

— Пойдешь, шумаешь, на часъ, провалдаешь весь день.

— Долгъ службы,—мечтательно отвѣчалъ Темнотѣровъ, любуясь вьющимися передъ его лицомъ дымомъ папиросы.

— Мое присутствіе?—спросилъ Лучининъ.

Губановъ отвѣчалъ:

— На всякий случай не безполезно. Вы согласны?

— Пожалуйста, какъ вы находите шузы,—немножко корректно отвѣчалъ Темнотѣровъ.

Приставъ вернулся. Губановъ обратился къ нему:

— Запись номеровъ, которая, по словамъ господина Лучинина, была при Баленницкому, обнаружена при осмотрѣ его здѣшней?

— Никакъ неѣть.

— Ага! Тщательно осматривали?

— Помилуйте! Свое дѣло знаю. Губановъ кивнулъ головою.

— Знаю, но спросить обязанъ. Вещи Баленницкаго въ порядкѣ?

— Всѣ собраны вмѣстѣ.

— Пальто, шляпу, калоши не забыли?

— Какъ можно! Все вмѣстѣ, тамъ, при нихъ-же.

— Хорошо-съ, хорошо-съ,—бормоталъ Губановъ, вышибая пальцами по столу какой-то несложный мотивъ.

Беренниковъ пытаясь припомнить, сколько какихъ бумажекъ было вчера въ его рукахъ. То казалось ему, что больше было сторублевокъ, то наоборотъ. Потомъ онъ сообразилъ, что этими въ сущности неизвестными размышиленіями онъ отвлекаѣтъ себя отъ другой, большей и страшной мысли. И ему стало неуютно и тоскливо. Онъ думалъ:

«О, всѣ эти ясновидящіе и прорицатели, и здѣшніе въ буро съ закрытыми глазами, подальше бы отъ всѣхъ вѣсъ! Намъ, простыи людямъ, обывателямъ, совсѣмъ не по дорогѣ съ вами».

Но вотъ собрались понятые. За спинами бородачей замѣлькали тѣ же суеты,

вый котелокъ. Приставъ извлекъ изъ портфеля, съ которымъ не разставался ни на минуту, двѣ пачки. Съ множествомъ мелкихъ формальностей, очевидно, необходимыхъ, осмотрѣли, распечатали, спачала только одну пачку, стали счищать номера. Первая же взятая изъ пачки кредитка показала номеръ, котораго въ спискѣ не было. Тщательно проглядѣли всѣ 92 номера списка,—нѣть. Та же история со второю, съ третью, съ четвертою.

— Что же это значитъ?—въ недоумѣніи спрашивалъ Беренниковъ, округлѣ свои и безъ того круглые глаза.

Губановъ усмѣхнулся.

— Одно изъ двухъ: или списокъ не точенъ, или бумажки подмѣнены.

Лучининъ изволнованію заговорилъ:

— Но позвольте, какая же мнѣ надобность представлять неточный списокъ?

— Очень извиняюсь,—отвѣчалъ Губановъ,—я же ничего не предѣщаю. Это напишь съ вами частный обмѣнъ мыслей. Притомъ же списокъ составляли не вы. Во всякомъ случаѣ, очень извиняюсь.

А самъ уыбался не безъ насыпливости. Встушился и Беренниковъ.

— Ну, а какой же смыслъ подмѣнить кредитки? Да еще подложить три лишнія?

Губановъ пожалъ плечами. Сказъть безразличнѣмъ тономъ:

— Дасть Богъ, узнаемъ.

Котелокъ протискался къ круглому столу, на которомъ лежали деньги и приставъ писалъ новый,—который по счету?—протоколъ.

— Господинъ слѣдователь, позволите помочь отыскать, вотъ хоть этотъ кредитный билетъ.

Губановъ вскинулъ на него холодные вдругъ глаза.

— Ваша фамилія?

— Виловать, Пригожий.

Губановъ усмѣхнулся.

— За фамилію вамъ извиняться не приходится.

Потомъ приставу:

— Запишите номеръ билета, и предъявите господину Пригожему для осмотра.

Ведоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочиновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

VIII.

Когда бумага очутилась въ рукахъ Пригожаго, котелокъ съхалъ совсѣмъ на затылокъ и красное лицо заслонилось еще больше. Всѣ смотрѣть на него и ждутъ, — лестное, чортъ возьми, положеніе!

И ужъ осматривалъ же онъ бумагу! И одной стороною щоворачивалъ, и другой, и на сѣть, и подъ сѣтьмъ плоско, и маль, и гладилъ, и щупалъ. Лицо его распыльвалось въ блаженную ульбку, и скоро всѣ отъ зашлись отъ восторга.

— Ну, что вы тамъ увидѣли? — рѣзко спросилъ Губановъ.

Пригожий воскликнулъ восхищеннымъ голосомъ:

— А, а! Вотъ это работа! Вотъ это, я вамъ скажу, артисты! А, а! Ну, и какая же это работа!

— Вы находите, что бумага фальшивая?

— Что значитъ «фальшивая»? Нѣтъ, эти люди знаютъ свое дѣло. Они имѣютъ право сказать: наши не хуже вашихъ. Ай, ай, ай, какая работа! Отдай все, да и мало. Прямотаки обезпечено всѣмъ достояніемъ государства. Если, конечно, не соваться къ людямъ тертымъ.

— А почему вы думаете, что это — подѣльный билетъ?

— Господинъ судебный слѣдователь, — всѣ расплющеній восторгомъ, завизжалъ котелокъ, — всякий самый маленький винтикъ государственной машины, обязанъ знать свое мѣсто и свое предназначение. Въ данный моментъ, что такое я? Я — человѣкъ, живущий по близости, приглашенный, чтобы присутствовать при извѣстныхъ дѣйствіяхъ власти, и только. Развѣ же я экспертъ?

— Зачѣмъ же вы суетесь въ экспертизу?

— Удостовѣряю, что вижу. По долгу соѣдѣніи говорю: доведись до меня, такой бумаги не возьму. Но, можетъ быть, я по глупости ошибаюсь? Что я могу знать? Развѣ же я граверъ или живописецъ?

— Можете не распространяться, — сухо остановилъ его Губановъ. — Господинъ приставъ, запишите. Дальшій осмотръ находитъ излишнимъ.

Къ Темномѣрову:

— Если вы ничего не имѣете противъ, я пишу постановлѣніе о препровожденіи обнаруженныхъ билетовъ на экспертизу въ экспедицію.

— Какъ вамъ угодно, — согласился Темномѣровъ.

Посмотрѣть на Беренниковъ, и въ его глазахъ удивленный и встревоженный румяный офицеръ прочелъ несказанную мысль:

«Настоящія деньги взяты, подѣльны подложены. Кто это сдѣлалъ, узнаемъ. Отъ насъ преступники не уйдутъ».

IX. ПЕЧАТЬ НЕ УДЕРЖИТЬ.

Опять въ передней звонокъ. Открылъ швейцарь. Вернулся и почтительно доложилъ Темномѣрову:

— За покойникомъ.

— Давно пора. Господинъ приставъ, будьте любезны присмотрѣть.

Приставъ вышелъ.

Губановъ, сутулясь надъ столомъ, писалъ постановлѣніе. Темномѣровъ сказалъ понятіемъ:

— Кто еще не расписался на протоколѣ?

— Да все, пожалѣ.

— Итакъ, благодарю васъ, господа.

— Можно итти?

— Пожалуйста.

Понятые шотянулись къ выходу, неловко потягивая другъ друга. Еще они не все вышли, какъ вдругъ извѣстру имъ отремѣтально влетѣть приставъ съ перекошенными лицомъ, взъерошенными бакенбардами и вытаращенными глазами.

— Искать! — закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Губановъ оторвался отъ своего писанія и насыпливо глядѣлъ на пристава. Еще не осмыслилъ, что значитъ выкрикнутое приставомъ слово, и только любовался его смятіемъ. Вообще, онъ любилъ видѣть юлийской чинъ въ трудномъ или смѣшномъ положеніи.

Темномѣровъ смотрѣть на пристава укоризненно.

— Въ чѣмъ дѣло? Что привело васъ въ такое возбужденіе?

— Покойникъ... покойника... — несвязно повторялъ приставъ, — нѣтъ, пустъ, нѣтъ на кровати.

— Что такое?

У Губанова задрожали отъ неожиданности руки. Темномѣровъ потемнѣлъ. Понятые, не дожидались приглашенія, остановились.

— Однако, пойдемте, — сказалъ Темномѣровъ, пожимая плечами.

Губановъ сунулъ недописанное постановлѣніе вмѣстѣ съ другими бумагами въ портфель, нервно схватилъ портфель подъ мышки, и быстро поспѣлъ къ двери. За нимъ Темномѣровъ, приставъ, Беренниковъ, Лучининъ, понятые.

Остановившись въ дверяхъ комнаты, где лежалъ Баленицкій, Губановъ сказалъ взволнованно:

— Прошу пока никого сюда не входить, кроме товарища прокурора. Господинъ приставъ, наблюдите, чтобы дверь была открыта, но чтобы въ комнату никто не входилъ.

Слѣдователь и товарищъ прокурора вѣдомъ, шагая осторожнѣ, чтобы не сдвинуть возможныхъ слѣдовъ чужого вторженія, подошли къ кровати. Она была пуста. Одѣяло откинуто. На подушкѣ — впадина. Край перины примѣтъ. Коврикъ передъ кроватью сдвинутъ. Ящикъ ночной столичка слегка выдвинутъ. Стеклянная пробка изъ графина вынута. Въ стаканѣ — немнога воды. Одежды, которая вѣдь лежала на низкомъ креслѣ, придвигнутое къ кровати, не видно ни на этомъ креслѣ, нигдѣ въ комнатѣ. Не видно башмаковъ, ни шапки. Лампа на штепсель, стоявшая на рабочемъ столѣ, перенесена на ночной столичкѣ, и погашена, такъ что комната совсѣмъ только вернулась свѣтотомъ. При близайшемъ осмотрѣ перенесенной лампочки видно, что проволочки сломаны, какъ отъ сотрясенія. Стулья передъ рабочимъ столомъ, который былъ отставленъ довольно далеко отъ стола, теперь стояли задвинуты подъ столъ. Похоже на то, что стулья, стоявшіе на прямой линіи между кроватью и дверью въ съединеніи комнату, мѣшали кому-то идти или что-то нести, и потому были отставлены.

По этому направленію и шли. Дверь пріоткрыта. Печать сломана, и обломки ея лежатъ на полу передъ дверью, немнога въ сторонѣ, вѣтко отъ двери, ближе къ окну. Обломки имѣютъ такой видъ.

какъ будто кто-то наступилъ на нихъ. Три куска почти равной величины, разбросанные одинъ отъ другого въ рѣзкій мѣрѣ, сдѣланы изъ прямой линіи, посмѣло изогнувшись къ окну. Створка двери обращена также къ окну. Кто вошелъ въ комнату изъ той квартиры, покрутилъ штифрокъ печати, тотъ легко могъ наступить ногою на обломки и отбросить ихъ.

— Картина, кажется, ясная? — спросилъ Губановъ.

— Да, — тихо отвѣчалъ Темномѣровъ, — тѣль, по видимому, унесено черезъ эту дверь.

— Но какъ же мы ничего не слышали?

— Господинъ Пригожий своимъ шумнымъ восторгомъ развлекъ настѣнь.

— Опять придется протоцирить.

— Продиктуйте приставу.

— Нѣтъ, я читаю.

Запротоколили, перешли въ съединеніе квартиру.

Сразу же стало видно, что кто-то прошелъ черезъ квартиру. И очевидно было, что торопились. Иначе, какъ торопливостью, какъ бы можно было объяснить то, что въ двухъ комнатахъ остались не погашенными электрическими лампочками?

Кромѣ этихъ лампочекъ, въ самой квартире ничего не указывало на недавнѣйшее вторженіе похитителей трупа. Только въ одному мѣстѣ край ковра былъ слегка отогнутъ, но не было никакого основанія думать, что это сдѣлано сейчасъ, а не вчера вечеромъ, при спѣшилъ сборахъ на вокзалъ барона фонъ-деръ-Зельбена.

Признаки чѣго-то недавнѣйшаго посѣщенія обнаружились явственно въ прихожей. Входная дверь въ этой квартире была двойная, съ хозяйственными полочками между правыхъ створокъ. Оно было и кстати, потому что баронеса была нѣмка хозяйственная, и собственоручно изготавлила марионетки.

Теперь свободная створка внутренней двери была распахнута. На полу виднѣлось темное пятно. Можно было бы подумать, — вѣдь дѣло шло уголовщицю, — что это — пятно кровавое. Но объясненіе было болѣе простое и мирное: на одной изъ полокъ лежала на боку разбитая башмакъ маринада, и изъ нея еще сочилась вишнево-алая жидкость.

Федоръ Сологубъ.

(Продолженіе въ субботу).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. О. Бочняковскаго, А. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

IX.

Наружная дверь была захлопнута на французский замокъ.

Темнотъръзвъ сказълъ:

— Возможна, что баронъ не такъ далеко уѣхалъ. Не думаю, что дверь отворена тѣмъ ключомъ, который оставилъ у швейцара: съ произволомъ впечатлѣніе надежного и толковаго человека.

— Да, — сказълъ Губановъ, — наводить на размыслы о то, что ключъ отъ простого замка оказался потеряннымъ какъ разъ вчера. Мы сѣмъли промахъ: надо было не ограничиваться наложеніемъ печатей, а ввернуть въ дверь кольца и повысить замокъ.

— Ну, — зоразилъ Темнотъръзвъ, — изъ всѣхъ возможныхъ предположений труднѣе всего было предвидѣть, что кому-то понадобится погнать трупъ.

— Да, а вотъ именно самое неизроятное и совершилось.

— Теперь вотъ въ чёмъ вопросъ, — вслухъ разсуждалъ Темнотъръзвъ, — вынести трупъ на лѣстницу, оказывается, было не трудно. А дальше какъ? Внизу швейцаръ. Да и вообще переноска тяжелаго тѣла по лѣстницѣ — дѣло не легкое. Думаю, что трупъ не вынесутъ изъ дома. Его спрятали где-то. У преступника должны быть здесь же, въ домѣ, сообщники.

— Да, — говорилъ Губановъ, — если трупъ спрятанъ здѣсь, то его могутъ ночью разрѣзать на куски, и по частямъ вынести. Необходимо будетъ установить наблюденіе.

— О, наши Питкертоны! — прозрѣтельнѣо сказълъ Темнотъръзвъ. — Ужъ если изъ

тѣлъ, то еще легче дѣло у нихъ пойдетъ дальше.

Такъ разговаривалъ, слѣдователь и товарищъ прокурора прошли въ кабинетъ барона, и тамъ записали результаты осмотра квартиры. Было тихо, приставъ продолжалъ охранять дверь въ рабочій кабинетъ Беренникова, и они двое были одни въ этой квартирѣ. Однаго, Губановъ покинулъ голось, и стала совсѣмъ близко къ Темнотъръзву, когда говорилъ:

— Унесли его, однако? Не спрятали ли онъ въ квартирѣ этого офицера?

Темнотъръзвъ покъжалъ плечами, и усмѣхнулся. Сказълъ:

— Слишкомъ тѣсно тамъ, чтобы это было возможно.

— Во всякомъ случаѣ, — настаивалъ Губановъ, — мѣтъ этотъ человѣкъ весьма подозрителенъ. По моему, здесь орудуетъ шайка опытныхъ преступниковъ, и возможно, что гостепримный хозяинъ имѣеть въ ней какое-то касательство.

Темнотъръзвъ молча улыбался. Губановъ собралъ свои бумаги, и опять забормоталъ:

— Исторія мидянъ темна и неизпѣтна.

Когда уже они подходили къ двери въ рабочій кабинетъ Беренникова, Темнотъръзвъ остановился, и тихо сказалъ Губанову:

— А знаете, я не безъ жуткаго чувства возвращалось въ эту квартиру. Все мѣтъ кажется, что настъ ждеть новый сюрпризъ.

— Да, ужъ и денекъ, — отвѣчалъ Губановъ. — Исторія!..

И въ самомъ дѣлѣ, предчувствіе не обмануло Темнотъръзву. Когда они вошли въ квартиру Беренникова, сразу стало ясно, чѣмъ случилось что-то совсѣмъ неожиданное. Кто-то насторожилъ, молчаніе стоявшіе

въ передней, растерянное, блѣдное лицо пристава, и еще что-то неуловимое во всей атмосфѣре, — все это сразу ударяло по нервамъ.

Федоръ Сологубъ.

X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЧЕТВЕРГОВА.

— Слушайте, вы всѣхъ знаете. Что это еще за профессоръ Четверговъ?

— Видите, Марья Евстафьевна... У меня былъ его почеркъ. Изслѣдуя его интуитивно, а не такъ, какъ прочіе шарлатаны, въ лупу... Я свыше получила вѣнчаніе... Мнѣ было безъ словъ сказано: это вождь-человѣкъ... Нѣтъ, не человѣкъ, а сверхъ-человѣкъ, отмѣченный судьбой... Желѣзная воля, рѣшительность... Ему открыто то, что...

Юстина замѣтила на лицѣ у Лемема, стоящаго рядомъ, мимолетную насыщливую улыбку.

Взяла его подъ руку. Отвѣла въ сторону.

— Меня очень занимаетъ Четверговъ. Что это за новая звѣзда на петроградскомъ горизонте?

— Вы слышали сейчасъ Фейнербліка?

— Ну тоже... Онъ все и всѣхъ знаетъ. Общий другъ, а встрѣтится съ такимъ и тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ. Спросиши: вѣдь это вашъ пріятель? «Первый разъ вижу». Помните, какъ онъ почеркъ нашей кухарки принялъ за рукопись Петра Великаго?

— Видите ли: Четверговъ очень талантливъ и уменъ. Это его главный козырь. Второе — онъ долго жилъ въ Америкѣ и хорошо изучилъ тамошнихъ спиритовъ, иллюминаторъ, оккультистовъ. Но это не только не вождь, а въ полномъ смыслѣ продуктъ нашей раздвоенности, дряблости и разрухи. Безвольный неврастеникъ и, какъ такой, можетъ быть порою опасенъ. Именно у неврастениковъ бываютъ проблески геніальности, но... Есть пѣвцы: начнѣшь — думаешь въ небо унесеть, — а на первомъ же верхнемъ «до» сорвешься и такого пѣтуха пустить, что весь актъ на смѣку. Мы съ нимъ встрѣчались...

далеко... въ Индіи... и... въ другихъ мѣстахъ.

— Вы на его лекціи будете?

— Непремѣнно...

И точно отъ быстро бѣгущаго облака мелькнула тѣнь на безстрастной маскѣ тонко очерченаго, въ одномъ равнодушіи застывшаго лица.

— Онъ васъ интересуетъ?

— Своихъ враговъ надо знать.

— Онъ вашъ врагъ?

— Мой? Нѣтъ... Нашъ общій, да. И ваншъ въ томъ числѣ. Это убѣжденный про

пovѣдникъ «трезвой» мысли приземлившагося человѣчества. Никакихъ порывовъ въ высоту. Для него весь мѣръ — въ рубежахъ пяти чувствъ и хирургического ножа. Иллюзія зреяня и слуха — вотъ его дѣйствительность. Она для него не раскальвается въ вѣчность и безконечность.

— Я пойду тоже... Завтра вѣдь. Мы вчера едва билеты достали.

Четверговъ, какъ лекторъ, попалъ въ хорошія руки.

Не было столба, угла, стѣны, откуда во всю свою кровавую пасть не орали бы во всеуслышаніе громадныя красныя буквы его афишъ. Стекла трамваевъ были залиплены ими же. Въ газетахъ появились замѣтки. Дружественные перья писали: «Пр. Четверговъ въ Америкѣ сорвалъ таинственное покрывало Изиды со святаго святыхъ тамошнихъ спиритовъ, показавъ тамъ сплошной узелъ невѣжественного обмана, преступнаго фокусничества и очень ловкой игры на расшатанныхъ нервахъ и вѣрѣ въ чудесное. У насъ талантливый лекторъ не ограничится этой программой. Онъ раздвинетъ ея рамки и коснется многихъ язвъ здополучной отечественной яви. Мы искренне привѣтствуемъ возвратъ профессора къ намъ. Добро пожаловать, г. Четверговъ».

За нѣсколько дней до лекціи всѣ билеты на нее были распроданы. Газеты подграввали успѣхъ. Рассказывали, что въ дѣлѣ вмѣшились оставшиеся безъ работы барышники и за входъ начали драсть вчестверо и виатеро, какъ за «Шалляпина» (это клише

стало общеобязательнымъ). Къ профессору Четвергову посыпались телеграммы и предложенія изъ провинціи повторить и тамъ его чтеніе. Наконецъ явился антрепренеръ, пожелавшій взять его на откупъ. За пятьдесятъ вечеровъ по всей Россіи — сто тысячъ. Задатокъ впередъ, желѣзная дороги и отели — оплачены. Печать подхватила это и лекторъ сдѣлался героямъ дна. Одинъ изъ листковъ отпечаталъ на первой полосѣ оттискъ грязной подошвы съ надписью: «Алекsey Евгеньевичъ Четверговъ».

Передъ самой лекціей — случилось странное. У Четвергова ночью побывали не званные гости. Онъ еще читалъ, лежа въ постели, и только что хотѣлъ потушить свѣчу, какъ съ чернаго хода позвонили. Дома онъ не столовался. Держалъ старика лакея, спавшаго въ крохотной комнатѣ рядомъ съ парадной дверью. Профессоръ зналъ, что того никакими набатами не разбудишь. Да и кухня была далеко. Четверговъ накинулъ на себя халатъ, сунулъ ноги въ туфли и вышелъ.

Звонокъ повторился.

— Кто тамъ?

— Срочная телеграмма. Профессору Четвергову.

Отодвинулъ засовъ, поднялъ крюкъ, отперъ замокъ.

Что-то смутное, большое (въ кухнѣ было темно, — богомольный лакей на ночь зажигалъ тусклую лампаду передъ иконой), бокомъ вдвинулось и, не успѣль Четверговъ протянуть руку за дешевей, какъ костлявые, сильные-ему показалось, желѣзные — пальцы схватали его за горло.

— Не очень-то свистокъ дави! Подожнеть еще.

Профессоръ забился... Его ударомъ кулака сбили на полъ.

— Только разинь хайло... мы тебя какъ блоху!

— Послушайте... Это же насилие...

— Хоть и ученый, а дуракъ. Стуйай впередъ.

— У меня и денегъ нѣть...

— Тамъ разсмотримъ... Зажигай свѣтъ. У тебя гдѣ кнопка то?

Изъ-за спины «телеграфиста» выдвинулась незамѣченная сначала тонкая фигура. Даже ватное пальто не очень увеличивало ея объемъ. Мѣховой воротникъ былъ поднятъ. Шапка надвинута на лобъ, черные очки скрывали глаза.

— Не пугайтесь, профессоръ. Пріемы моихъ помощниковъ нѣсколько грубы. Народъ дикий. Но вѣдь кулаку — мозга не надо. Онъ повинуется чужому уму. Въ «Утопіи» Бельгарда будущему человѣчеству служить обезьяны. Свободные люди и лотами не будуть. Да и вы, кажется, я помню вашу превосходную статью въ «Вѣстникѣ опытнаго знанія», говорите то же самое. Мнѣ приятнѣ, хотя и при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ познакомиться съ уважаемымъ авторомъ. Я очень жалью, что буду лишнѣ высокаго удовольствія слушать васъ послѣ-завтра. Но все равно, тамъ будуть «наши». А они даютъ превосходные отчеты.

— Кто это ваши? — сѣда припель въ себѣ отъ удивленія Четверговъ.

— Люди безъ предразсудковъ. Рыцари ордена — «Все можно». Не нынѣшніе анархисты, которые стыдятся точныхъ самоопредѣлений, а истинно послѣдователи стараго Прудона. La proritѣ est le vѣ. Пожалуйста, садитесь. Иначе и мнѣ придется стоять. Такъ вотъ очень жаль, что я лично не могу присутствовать на вашей высокопрестижной, лекціи тѣмъ болѣе, что она касается и насъ.

— Почему.

— У васъ въ программѣ есть памятъ на интеллигентныхъ воровъ, эксплуатирующихъ моднаго сувѣрія. Мнѣ кажется, вы мало знакомы съ этимъ подотдѣломъ ордена «Все можно». И потому мы и рѣшились нанести вамъ ночной визитъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Содержание главы А. В. Амфитеатрова и Ф. И. Сологуба. Архитекторъ Балецкий случайно заходитъ переночевать къ знакомому поручику Беренникову и на утро найденъ на постели мертвымъ. Награнившее слѣдствіе устанавливаетъ сокращенность бывшихъ при немъ до воли крупныхъ денегъ. Загадочная смерть осложняется страннымъ истезаніемъ трупа. Какъ-то слабо видима вити ведуга отъ этого случая изъ появившемуся на горизонѣ Петрограда человѣку, съ фамилией Лемэмъ, обладающему даромъ внушенія и съ большимъ любопытствомъ приватному въ кругахъ мистиковъ. Нѣкоторый свѣтъ на этого человѣка, повидимому, стоящаго во главѣ «общества 13-ти», готовъ пролить проф. Четверговъ, но въ каинули обѣщанной лекціи квартира его и самъ онъ подвергаются налету и обыску.

XI.

РУКОПИСЬ О ЧЕРТОВОЙ ДЮЖИНЕ.

Четверговъ мало-по-малу пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, отчего же? У меня собраны кое-какія данины. Хотя очень немного. Но и освѣдомленъ о такихъ же подпольяхъ въ Америкѣ.

— Да.. Вы, зачать, еще не успѣли ознакоми съ рукописью, присланной вами вечеромъ? — И онъ зорко впился въ профессора. — Ахъ, вотъ она сама. Раскрыта на второмъ листѣ. Ну, авторъ такъ многословенъ—едва ли вы дошли до сuti... Вы позволите...

— Нѣтъ, пожалуйста, оставьте. Этого я допустить не могу.

— Эй, К сой, придержи... Извините, профессоръ, у каждъ правильной организаціи выработаны свои способы воздействиія. Не такъ сильно. Радь кости ломать. Это не желѣзная касса, а многоуважаемъ. И, нашъ извѣстный и т. д... Такъ вы разрѣшите? Красавецъ—возьми эту тетрадь... Да, смотри, береги пуще глаза. Ну, а теперь, ребята, остальное по вашей части...

Онъ выпустилъ сигару.

— Разрѣшите?

По привычкѣ, въ оторопи Четверговъ пошумелъ къ спичкамъ.

— О, не извольте беспокоиться. У меня все съ собой.

Выпустилъ золотую бензиновую зажигалку...

Откинулся въ кресло и полузакрылъ глаза.

— Вы не побѣрите, профессоръ, какъ тяжела наша специальность. Впрочемъ, всяко новое дѣло... Пока еще его наладишь. Приходится самому заниматься всякою черною работой. На этихъ положиться нельзя. Вы, можетъ быть, во избѣжаніе напрасной порчи вещей не откажетесь указать имъ, где у васъ деньги и цѣнныя вещи?

— Деньги? Кто же ихъ держитъ дома? У меня рублей сто найдется. Остальное въ банкѣ. Да и то въ именныхъ бумагахъ...

— Я вамъ совсѣмъ Ленскія покупать. Помонѣть свѣдѣніемъ, они шибко пойдутъ въ гору... И шары тоже... Недурны Ліанозовскія.

— Счастливъ его Богъ.

— А что.

— Не читалъ. А то бы тебѣ пришлось взяться за «грязное дѣло».

— Его и пришить пустое... Сквозной весь. Отъ вѣтра за нимъ не спрячешься. Продуваетъ. Хохленъ воробушко.

— Да, но большихъ талантовъ человѣкъ.

— Это намъ ни къ чему. Мы не грамотные. Наплевать.

Въ вечернихъ газетахъ Петроградъ былъ оповѣщенъ о ночномъ нападеніи на профессора Четвергова. Сообщалось, что онъ заболѣлъ отъ перваго потрясенія. Лекція откладывалась на недѣлю.

На другой день въ обоихъ черносотенныхъ листкахъ появилось злобное примѣтіе къ перепечатанному извѣстію:

Черные очки поднялись.

— Вотъ еще леворвѣртъ.

— Оружіе вообще запрещено. Не испанскій, а настоящій бельгійскій браунингъ. Простите: я у васъ никакъ не могу оставить. Да и вамъ держать у себя не безопасно. Вы вѣдь знаете, что такое наше подлое правительство. Найдутъ — пойдите потомъ доказывайте, что вы не верблюдъ.

— Могу я вамъ предложить вопросъ?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, разумѣется не нарушая моихъ обязанностей.

— Въ этой рукописи наверху въ скобкахъ: «Изъ архивъ чортовой дюжинѣ». А потомъ дальше: «наша чортова дюжина»... Что это за терминъ?

Черные очки пристально уставились на него.

— Дальше вы же прочли объясненіе.

— Нѣтъ, еще не дошелъ.

— Не дошли... Вѣро такъ, покушеніе съ негодными средствами на остроуміе.

Уже за дверями на черной лѣстницѣ, когда Четверговъ лежалъ связанный на своей постели (— Вы меня простите, господинъ профессоръ...). При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, мы все-таки должны принять свои мѣры предосторожности), черные очки обратились къ Косому.

— Счастливъ его Богъ.

— А что.

— Не читалъ. А то бы тебѣ пришлось взяться за «грязное дѣло».

— Его и пришить пустое... Сквозной весь. Отъ вѣтра за нимъ не спрячешься. Продуваетъ. Хохленъ воробушко.

— Да, но большихъ талантовъ человѣкъ.

— Это намъ ни къ чему. Мы не грамотные. Наплевать.

Въ вечернихъ газетахъ Петроградъ былъ оповѣщенъ о ночномъ нападеніи на профессора Четвергова. Сообщалось, что онъ заболѣлъ отъ перваго потрясенія. Лекція откладывалась на недѣлю.

На другой день въ обоихъ черносотенныхъ листкахъ появилось злобное примѣтіе къ перепечатанному извѣстію:

«Мы надѣемся, что это только поможетъ успѣху лекціи почтенаго ученаго, котораго мы отъ души поддерживаемъ съ благополучнымъ окончаніемъ если и непріятной истории, то все-таки еще разъ напоминающей широкой публикѣ о существованіи г. Четвергова».

Въ другой было еще откровеніе:

«И слава Богу, что все обошлось такъ легко. По крайней мѣрѣ, и полиціи меньше хлопотъ. А то выбивался изъ силъ, ищи похитителей незѣдомыхъ рукописей. Подумашь, какіе завелись у настъ Рокамболи. Теперь можно впередъ сказать—подогр та публика по самую крышу наполнить аудиторію. Въ ХХ вѣкѣ живемъ, ребята. Реклама, такъ реклама. Трещите, обывательскіе затылки. «Интересно: догадается ли «не признающій ни Бога, ни чорта» г. Четверговъ отслужить благодарственный молебенъ? Рazuумѣется, съ предварительнымъ объявленіемъ въ газетахъ, дабы всѣ его поклонники могли совершившимъ въ его присутствіи.

На днѣхъ онъ вызывалъ тѣнь Александра III, и тотъ предсказалъ неизбѣжную гибель Россіи, а передъ тѣмъ въ темную залу сеанса ворвался въ бурномъ вихрѣ давно позабытый Брутъ и опрокинулъ мраморную статую Петра I-го. Лемэмъ, слыша объ этомъ, презрительно щурилъ загадочные глаза и молчалъ. Когда ему надоѣдали, онъ ронялъ небрежно: «Они меня, вѣро, за Гузика принимаютъ».

Юстина первничала.

«Безпартийные врачи, съ которыми мы бѣдовали, успокоили насъ: первое потрясніе г. Четвергова, не грозить его драгоценной жизни. Нѣсколько капель валеріана, и онъ будетъ прыгать, какъ гуттаперчевый мячикъ...

Передъ самыми выходомъ профессора она приподнялась и рѣзко спросила Лемэмъ:

— Это вы сказали?

— Что?

— Да все то же.

Видимо, стѣснялась опредѣлить точиѣ.

— Простите, Юстина Евстафьевна, я не всѣ загадки умѣю разрѣшать.

— Да, все та же... дюжина...

Лемэмъ опустилъ вѣки.

— Вы же видѣли, что я говорилъ съ вашей сестрой...

— Странно, послѣднѣе время—точно молотками стучать въ мою голову. Или въней самой эти голоса...

Въ залѣ раздались рукоплесканія. Лемэмъ обернулся и сѣлъ. Къ кафедрѣ неловко, точно разинченный, сѣлъ Четверговъ. Нервное лицо профессора дергалось и застѣнчиво улыбало изъ-подъ блѣдныхъ щекъ отъ

полнился слушателями. Стояли позади и въ проходахъ. Многимъ отказывали, утѣша ихъ: лекція будетъ повторена.

Юстина сидѣла во второмъ ряду съ Марыей Евстафьевной.

Изъ первого всталъ и обернулся къ нимъ Лемэмъ. Слушатели пристально и встревоженно всматривались въ него. Почти всѣ знали, что онъ—одинъ изъ главныхъ рыча-говъ оккультныхъ течений у насъ и, по не-вѣжеству отожествляя его со спиритизмомъ, вѣрили всевозможнымъ чудесамъ, будто бы совершившимъ въ его присутствіи.

На днѣхъ онъ вызывалъ тѣнь Александра III, и тотъ предсказалъ неизбѣжную гибель Россіи, а передъ тѣмъ въ темную залу сеанса ворвался въ бурномъ вихрѣ давно позабытый Брутъ и опрокинулъ мраморную статую Петра I-го. Лемэмъ, слыша объ этомъ, презрительно щурилъ загадочные глаза и молчалъ. Когда ему надоѣдали, онъ ронялъ небрежно: «Они меня, вѣро, за Гузика принимаютъ».

«Безпартийные врачи, съ которыми мы бѣдовали, успокоили насъ: первое потрясніе г. Четвергова, не грозить его драгоценной жизни. Нѣсколько капель валеріана, и онъ будетъ прыгать, какъ гуттаперчевый мячикъ...

Передъ самыми выходомъ профессора она приподнялась и рѣзко спросила Лемэмъ:

— Это вы сказали?

— Что?

— Да все то же.

Видимо, стѣснялась опредѣлить точиѣ.

— Простите, Юстина Евстафьевна, я не всѣ загадки умѣю разрѣшать.

— Да, все та же... дюжина...

Лемэмъ опустилъ вѣки.

— Вы же видѣли, что я говорилъ съ вашей сестрой...

— Странно, послѣднѣе время—точно молотками стучать въ мою голову. Или въней самой эти голоса...

Въ залѣ раздались рукоплесканія. Лемэмъ обернулся и сѣлъ. Къ кафедрѣ неловко, точно разинченный, сѣлъ Четверговъ. Нервное лицо профессора дергалось и застѣнчиво улыбало изъ-подъ блѣдныхъ щекъ отъ

чала на единодушный привѣтъ слушателей. Встрѣтилъ пристальный взглядъ Лемэмъ—онъ вздрогнулъ и вопросительно остановился на немъ, но тогъ уже закрылъ глаза и точно весь ушелъ въ себя. Четверговъ быстро, точно его подняла посторонняя сила, вскочилъ черезъ двѣ ступенекъ на трибуну, торопливо налилъ стаканъ воды и, чуть коснувшись губами, расплескалъ ее.

— Волнуется, — послышалось въ залѣ.

Аудиторія любить, чтобы на первыхъ по-разу ся боялись.

Она еще больше настраивалась въ пользу лектора: злай нашихъ и чѣ-де не лыкомъ шиты. И чѣмъ она невѣжественѣе — тѣмъ это сильнѣе: безграмотству и глупости любезны оторопь ума и образованія. Толпа хоть на минуту должна себѣ чувствовать выше, чтобы ей легко было расплачиваться своими восторгами потомъ.

— Опять! — проговорила Юстина.

— Что съ тобой? — недовольно спросила Марыя Евстафьевна.

— Вся зала полна флюидами... я слышу мы вѣдь, мы вѣдь. И это прохладное «чортова...» — и не окончила.

Лемэмъ круто обернулся.

И алобно (на него это было такъ непо-хоже) заострившимъ глазами взглянулъ въ глаза Юстинѣ, точно прыгаясь: молчи.

Она трепетно подалась и только нѣсколько мгновеній спустя шепнула есѣрѣ: «Я скоро буду его врагомъ».

Тотъ угадалъ и новѣль виселъ.

— Вас. Немировичъ-Дамченко.

— Продолженіе слѣдуще.

—

Поправка. Вчера, по недосмотру, въ главе X главы видалась досадная опечатка: напечатано «заключеніе проф. Четвергова», вѣсто: «заключеніе проф. Четвергова».

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романь тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бончевского, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Кемировича-Даниченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XII. СКАНИЕ ЧУДА.

Четверговъ быстрѣ взять себя въ руки.

Началь сия незримо. Прислушивалась
к тому, что звучало помимо его воли въ
его душѣ въ неровныя паузы. И вдругъ
заговорилаъ твердо, властно, рѣшительно.
Точно наступила на нерваженного врага и
высоко поднялаъ вънъ нимъ побѣдный мечъ.

(Вопросительно-вызывающий взгляд на Лемема. Пауза. Опять стакан с водой).

— В самомъ дѣлѣ, всмотритесь, что такое наша дѣйствительность, даже въ предѣлахъ цензурной черты осѣдлости. Съ одной стороны на рубежахъ богатыри и герои, какихъ давно уже не знала Россія. Тридцать мѣсяцевъ безоружные, голодные и холодные сѣрые зитязи творять, поистинѣ, небыва- ны. Они въ полѣ адскаго предать рожь хлѣбку свирепаго грозящаго

— Наша Россия — удивительная страна бесспорныхъ возможностей и такихъ неожиданностей, который могутъ привлечь развѣ только парадитикъ сумасшедшаго дома.

Историки, врученные во всѣхъ событийъ отыскивать общую связь, логику причинъ и исходъ, сбоятся съ толка. Какъ имъ разобраться въ нагроможденныхъ нами перипетияхъ, въ гордѣвыхъ узахъ, связанныхъ таинственными не отъ мира сего связями? Цѣлью вороха случайностей пренебрежимо теневаго замѣненія, ворвавшихъ въ книгу дисью и несуразную

ла въ одной и той же странѣ обитателей самыхъ различныхъ звѣздныхъ мѣровъ. Передъ совѣтствиство ихъ, несомнѣнно, ваются изъ тые союзы. ядъ.

Началь силь неустанно. Прислушивалась к тому, что звучало помимо его воли въ его душѣ въ неронных паузахъ. И вдругъ заговорила тверде, властно, рѣшительно. Точно наступила на поверженнаго врага и высоко порывъ надѣя нимъ побѣдный мечъ.

Вопросительно-высказательный

възглѣдъ

попятились бы и Уэльсы, и Жюль Верны и Жулавскіе. Они не удивили бы только двухъ-трехъ современныхъ кудесниковъ, которые, можетъ быть, находятся въ этой залѣ.

Съ величайшою озабоченностью озирала мерзость и недовѣріе гополучной газеты и

(Вопросительно-вызывающий взгляд на Лемема. Пауза. Опять стакан с водой).
датели и
стинных,
демагогиче

— В самомъ дѣлѣ, всмотритесь, что такое наша дѣйствительность, даже въ предѣлахъ цензурной черты осѣдлости. Съ одной стороны на рубежахъ богатыри и герои, какихъ давно уже не знала Россія. Тридцать мѣсяцевъ безоружные, голодные и холодные сѣрые зитязи творять, поистинѣ, небыва- ны. Они въ полѣ адскѣй предать рожь хлѣбку свѣтлой грозящаго

— Наша Россия — удивительная страна бесспорныхъ возможностей и такихъ неожиданностей, которые могут пригрезиться развѣ только паразитикамъ сумасшедшаго дома.

Историки, прыгнувши во всѣхъ событий отыскивать общую связь, логику причинъ и послѣдствій, собираются съ толка. Какъ имъ разобраться въ нагроможденныхъ ими перипетіяхъ, въ гордѣвыхъ узлахъ, связанныхъ таинственными не отъ мѣра сего смысла? Цѣлые горюха случайностей превратившаго тендерта измѣренія, ворчалившихъ въ кону дикую и неуразную подорожную, вательно тѣльо. Въ ч туманахъ стицескіе ныхъ корабланныя, и ся съ изв сплавились въ античн

(Лемемь — притоди
крыль глаза на лектора)

— Во всѣхъ этихъ созвѣздій, сбытыхъ но цѣлое желѣзнымъ обручи есть одна общая черта, представилось мнѣ, какъ Большомъ театрѣ и слѣдующихъ оперѣ Римскаго-о невидимомъ градѣ Китайскому были настоящіе былинѣ.

одушевляемъ, бодростью, несравненною однинъ—бокъ-о-бокъ рыхлымъ, колебанія и волны, ужасъ и страхъ этой тыльной пѣсни, блаженство своей недосыгаемости. Презрѣвцы ярко освѣщенныхъ гороховыхъ ресторановъ и глупицы ага фанатизма слѣпой доктринальной въ политическомъ поддружинѣ, чтобы разрушить и ну. Предать за чечевитную поэзию краткаго торжества и имѣть бѣлью на чистотѣ мѣсть...

мѣдѣцини отечественныхъ всакій изъ нихъ хомутившую ель вывернеть съ любыя кованнаго желѣза. Жить бы да радоваться, грудине передъ неей не сидѣть. Пусть попробуетъ она богатырскій эпосъ. Толкають со сбѣдьмъ, чтобы защищать страду въ мірскомъ дѣлѣ и вѣсъ за каждого. А какъ и послѣ-петровскаго пимъ жила и живетъ.

— Вѣрою на чудо
ожиданіемъ чуда, моль-
все будущее. чудо—

иныхъ, — да, — среди се-
миры оторопѣвшихъ клиушъ.
ки новыхъ вѣръ, странники
мѣтъ мирамъ, по сѣ берлинской
Они подъ шумокъ, весьма осно-
вательть здесь свое измѣнническое
и спиритическихъ сеансовъ, въ
философическихъ проблемъ — ми-
нитомы, строители таинствен-
ий. У нихъ и простыя и титуло-
ванные дѣйскій Мессалины сочетают-
ся супружескими и дворниками, мистики
и ворами и шпионами. Пророки
и святые, харизмы, Бригиты, — а Бригита

писателями, поэтами, учеными, художниками, композиторами—могъ бы носить голову высоко... Но...

(Опять запнулся, выдержал паузу и еще истеричне завопилъ).

Из русской прессы

— то и вездѣ и во всемъ оѣжъ ждѣть чуда, разсчитывать на чудо и только на чудо. Мускулы—стальная пружина, грудь—на громадномъ его просторѣ воздуху не хватить, глаза зоркіе видѣть недоступный другимъ дали отъ Балтии до Великаго океана. Ухо слышитъ какъ трава растетъ. А ему никакъ безъ властной палки или милости Николая Угодника не обойтись. Не вѣтшайся Серафимъ Саровскій—погибнетъ сирота Казанская. Изстари у насъ бродяги цѣлья царства завоевывали, пока не уперлись лбами въ полярные льды. Скажутъ царствовало эти были полудикия. Такъ вѣдь и онь самъ, этотъ удивительный народъ не Богъ вѣсть какимъ культуртргеромъ оказался. Вѣдь только отойди онь прочь отъ исканія чуда, разслабляющаго его умъ и земскую неизбывную силу,—нѣть такого рожна на свѣтѣ, которое задержало бы его

побѣдный ходъ къ завѣтнымъ цѣлямъ. Повѣрь онъ въ себя, только въ себя и никакого чуда ему не попадобится. И порядокъ установится безъ всякаго рода варяговъ и нѣмцевъ и все у него окажется подъ руками. А онъ, какъ во святымъ градѣ Китежѣ, глушить невѣроятными басами и фортиссимо осатанѣвшаго оркестра: «Дайте чудо, пошлите чудо, спасите нась жалкихъ, малыхъ и глупыхъ рабовъ чудомъ». Но Римскому-Корсакову и народнымъ сказаніямъ чудо явилось. Да, вѣдь, легенда — одно, а быть другое.

Чуда нужно ждать не со стороны. Не изъ областей четвертаго измѣрения, а творить самому. Оно въ нашей природѣ, въ мысли, въ волѣ, въ ззоровыхъ муссахъ. У кого

и три,—остальное: и успѣхъ, и по-
свобода приложатся сами. Нечего
шебономъ лѣсу сидѣть на шѣ и пѣть
и гимны или съ оторопи и спы-
ть это дѣлаетъ полуозвѣрѣвшій Кут-
отыжисывать, что то мистическая не-
е. Оглянитесь: сколько вѣковъ ожи-
да мѣшало намъ жить. Голову нель-
зя приподнять надъ тихими Свѣтло-
въ которыхъ до страшнаго суда
сказочные грады Китежи, чтобы
головѣ не ползали всякие гады. А
демеся и до того, что вѣнчался въ
столодавшееся зарубежное жадное во-
тальными вѣтвями. Зѣсть насы не-
аглая и погонить чудолюбовъ въ та-
ѣники, изъ которыхъ только два пу-
живодерю или въ могилу...

амомъ дѣлѣ...
ть опять круто повернулся къ Ле-

о го мы только не слушаемъ, не тер-
ь своей податливой протоплазмъ.
ь намъ не появляются--и какъ часто
льные шаманы. Рассмотрите на ихъ
ослипую шкуру — нѣтъ ли гамъ
«made in Germany»... Чудотворцы и
они между нами развелись черто-
ожинами. Я задался цѣлью—глазно
нить ихъ поганую игру. Судьба дала
руки ихъ крашеныя карты... Лек-
инулся.

— вдругъ рѣшительно зааплодиро-
вало подхвѣтило и рукоаплесканія дол-
гомѣрили.

право, браво... — Послѣднимъ закономъ

Вас. Немировичъ-Данченко.
(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. С. Бочиновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Профессоръ Четверговъ выступаетъ на лекціи противъ темныхъ силъ, ведущихъ Россію къ гибели. Многіе изъ своихъ намековъ онъ, повидимому, непосредственно обращаетъ къ присутствующему въ залѣ Лемому. На самомъ отвѣтственномъ мѣстѣ лекціи онъ вдругъ записалъ, точно поддавалась какой-то вѣшней прелестной силѣ.

XIII.

АДАМОВА ГОЛОВА.

Лекторъ заинтриговалъ, встрѣтившись, какъ стрѣлу, сверлившій его взглядъ Лемэма.

Хотѣть отвернуться и не могъ.

— Вся эта восточная мистика на лѣсъ-семь мѣху...

И опять обервался. Какія то судороги исказили его блѣдное, исхудалое лицо...

— Да, вся эта восточная...

И точно его ударили. Обернулся, вскинуль руки...

— Что такое... Кто это крикнулъ мнѣ. Съ какой стати?

Аудиторія испоюшилась, зашумѣла.

И какъ разъ въ эту минуту отворилась дверь.

Торопливо вошелъ сторожъ.

— Извиняюсь, господинъ профессоръ. Приказало сейчасъ передать, экстренное.

Четверговъ взялъ письмо, разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ первыя строчки...

Схватился за каѳедру, точно боясь упасть. Мутными глазами окинуль публику и косыньюющимъ языкомъ:

— Простите... Прошу перерыва... на полчаса... только на полчаса...

Пошелъ въ комнату для лекторовъ, разрывая на ходу почтовый листъ въ мелкие кусочки и шатаясь... Вотъ-вотъ трохнется на полъ.

Всѣ заволновались, бросились за письмомъ, но двери туда были уже заперты изнутри.

Лемэмъ между другими постучался. Уронилъ мѣховую шапку. Къ ней точно пристало что-то бѣлое. Спряталъ...

Аудиторія опять садилась на мѣста.

Другіе сбирались въ группу. Тревожно интересовались: что съ Четверговыимъ?

— Какое письмо? Тутъ неспроста...

— У профессора вѣрно враги...

— «У Карла есть враги», — фальшиво запѣль кто-то. Сейчасъ и враги. Прѣсто устали. Вѣдь воинъ какой истомленный. Еле-еле душа въ тѣлѣ. А тутъ еще случай этотъ. Ночной налетъ.

— Вотъ тебѣ и безъ Николая Чудогворца обошелся, — насмѣшливо пробасилъ въ углу отецъ дьяконъ въ щегольской рясѣ...

— Это его Серафимъ Саровскій ушибъ, шопотомъ точно невѣсть какую тайну передала ему старая, выцѣпленная барыня.

Кому то пришло въ голову:

— А щѣ письмо?

Начали искать — ни одного клочка.

— На подоконахъ унесли, — сообразилъ отецъ дьяконъ. — Посѣйся еще наѣтъ чудомъ.

Прошло полчаса... Дверь не отворялась...

Аудиторія начала опять волноваться. Нѣкоторые хотѣли пробраться къ профессору въ другія двери изъ корридора и, вернувшись, растеряли объявленіе:

— Господа, Четвергова нѣть.

— Какъ пѣть?

Сторожа говорить: вышелъ съ какой-то дамой. Сильная брюнетка, совсѣмъ цыганка. Она поддерживала его. Онъ за нею точно шелъ нехотя, но какъ будто не могъ не итти. А швейцару сказалъ: Сейчасъ вернусь.

— Какая дама?

— Она ему и письмо привезла. Ужъ очень все было странно и необыкновенно. Вѣрно, поэтому и врѣзалось въ память. Швейцаръ, напримѣръ, увѣряетъ, будто Четверговъ обернулся къ ней: «Сударыня, — я вѣдь вѣсъ совсѣмъ не знаю. Не встрѣчалъ никогда». А потому она нѣсколько разъ повторяла фамилію Баленницкаго. Швейцара обрадило разило. Она только на-дѣмъ прочель о Баленницкому въ газетахъ. Можжеть быть, потому и запомнила. Подсадилъ ихъ въ автомо-

биль и, получивъ четвертную на чай, успокоился. Деньги ему она дала.

Юстина сидѣла, схватясь за голову. Едокіе и длинные пальцы вились въ виски.

Пойдемъ, у меня ~~всегда~~ врѣмѧ... Я этого, Кузовлева, что съ французской фронта прѣѣхала, показываю... торопила сестру Марія Евстаѳьевна. Она уже встала и ждала въ проходѣ.

— Погоди... Странно, я ничего не вижу... Слушайте, Лемэмъ. Какой вы ~~ж~~ ключикъ взяли вмѣстѣ съ шапкой.

Тотъ пожалъ плечами.

— Такъ, чепуха какая-то символическая. Теперь вѣдь въ ходу таинственные знаки. Вотъ:

А самъ сосредоточилъ на ней всю ~~всю~~ вѣрительную силу завораживающаго взгляда.

— Странно... Я ничего не вижу... Точно туманъ... Нѣть. Жукъ какой-то... Остроносый...

Лемэмъ подсадилъ Верхонлавцеву въ щегольской лимузинъ... Юстина опустила стекла. Марія Евстаѳьевна протянула ему руку, кокетливо отвернувшись перчатку.

— Вы, разумѣется, вечеромъ у меня?

— Развѣ сегодня ужинъ тринадцати? удивился онъ.

— Нѣть... У меня новинка.

— Опять демонстрируете ~~кого-нибудь~~?

— Да...

— Не успѣю. Я сегодня долженъ быть на сеансѣ у Городцова.

— Министра?

Онъ шевельнуль бровями. Безъ словъ отвѣтилъ: Развѣ для насъ съ ~~всем~~ существуютъ другіе.

Верхонлавцева такъ и поизла... Откинулась и, закрывъ глаза, вся упала въ созерцаніе своего величія.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бончоновскаго, П. П. Гайдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Професоръ Четверговъ несмогъ окончить лекціи. Онъ получилъ записку съ таинственной эмблемой, взволнованія и къ общему изумленію сошелъ съ кафедры и скрылся изъ зала. Среди присутствующихъ произошло замѣшательство. Лемэль, усиливъ подиумъ брошенную Четверговомъ записку.

XIV.

МИНИСТРЪ ГОРОДЦОВЪ И ЕГО ГОРИЗОНТЫ.

Грузный отоскій министръ тяжело двинулся по кабинету.

Расторопное «особое порученіе» умѣшнее

такъ-то сразу показаться въ разныхъ ильстахъ, шарикомъ каталось изъ угла въ уголъ...

— Ваше высокопревосходительство, такъ хорошо будетъ?

— М-м...

Остались передъ большой лампой.

— Притускнуть бы еще...

— Можно поверхъ краснаго абажура еще другую надѣть.

— Сегодня, юнона, сеѧть особый.

У юноши глаза блестяще заслезились. Уже очень признателная натура была. За всякий намекъ на ласку норовила минутъ министерскую лампу.

— Да... Во-первыхъ, не то, что съ этимъ шаржатомъ Гузиковъ.

Юноша всѣмъ своимъ существомъ изобразилъ презрѣніе.

— При полуслѣдѣ. Да-съ, при полуслѣдѣ. И цѣни не надо. Всѣ садятся полуокругомъ безъ стола. Медумъ—полыка. Глупости сверхъестественной.

«Особое порученіе» не уловилъ еще: выразить восторгъ или оскалиться. Такъ маленькия собачки въ подобныхъ же затруднительныхъ положеніяхъ и хвостъ кольцомъ синхронно, и малозначающи рычатъ.

— Да. Глупости сверхъестественной.

Уже тутъ никакихъ сомнѣй, потому что она ладонь отъ пятки не отличить... Мозгу у нея—какъ въ картонѣ вареной, прямо-находка.

Юноша въ эмблемѣ взвинтилъ и повернулся даже.

— Рать таъ, натура.

— Именемъ... Это одно... Второе (онъ поднялъ гвардію налеки) изъ Царскаго Села забыла прибыть Сутугинъ.

На «особыхъ порученіяхъ» отразилось блестященіе. Темно-синяя Еста своего живы-

емъ увидѣть не только во плоти, но и въ полномъ парадѣ во всѣхъ присвоенныхъ тому регалияхъ.

— А это понимаетъ чѣмъ пахнетъ?

Юноша вытянулся въ одинъ восхликательный знакъ—человѣкъ исчезъ до тла, пропиленіе осталось.

— Ну, вотъ. Будетъ самъ Лемэль. И этотъ несуразныи Апемподистовъ. Опытъ сочетанія гипноза со спиритизмомъ. Этакъ, пожалуй, меня со всей трупной на гастроль къ государынѣ императрицы позовутъ. Вообще—горизонты...

И точно сообразилъ, что для малаго чина ужъ слишкомъ синеющъ, надулы грудь пузыремъ, выпятилъ нижнюю губу и уже сурово закончилъ:

— Такъ вы того... Распорядитесь.

Малый чинъ такъ и понялъ. Отскочилъ гороникомъ, выразилъ свое ничтожество и почему-то платкомъ, благоухавшимъ любимиемъ его высокопревосходительствомъ тут-флеромъ, стеръ воображаемое пятно на столикѣ подъ лампой.

Городцовъ опять тяжело заходилъ изъ угла въ уголъ... Выпяченная губа втянулась обратно. Думать про себя онъ не умелъ, непремѣнно вслухъ, и потому молчаніе въ мрачномъ кабинетѣ долго не продолжалось.

— И чего я этого Лемэмки прежде боялся. Не понимаю. Такъ, двунадѣн... почтительное и благодарное. Кутается въ таинственность, а въ его насквозь выку. Тоже въ Царскомъ Селе и не знали... Сыны неизвѣстной, и если мы его пустимъ въ ходъ — посыпъ по вѣтру. За то гипнотизеръ! Такъ въ зукиномъ выѣзѣ занялъся по нашей дуд-

кѣ. Только подкармливай по временамъ... Бое-о-ольшіе горизонты! Не даромъ старецъ косится. Даже отъ охранки свѣдѣній о немъ требовалъ и отъ Добровольскаго.

— Такъ точно,, ваше высокопревосходительство. Гильдблѣтъ о немъ дѣлый реферить доставилъ. Оть этого Лемэма давно нащупалъ. Вполнѣ облагонадѣживаетъ.

— Ну, вотъ. А какой онъ национальности?

— Паспортъ у него русскій. Болтали, что изъ турецкихъ поданныхъ. Только это неизвѣстно.

— Ну, не скажите. Левантинцы на всѣхъ языкахъ говорятъ.

— А по другимъ осязомительнымъ источникамъ отъ—швейцарскій французъ.

— Вообще ублюдокъ. Паспортъ ему кто выдалъ?

— По особому распоряженію, изъ канцелярии его величества.

— Ого!

И Городцовъ остановился.

— Считается на службѣ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи.

— «Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененіи и азъ упокою вы». Пожалуй, на бѣлые штаны съ позументомъ имѣть право.

— Такъ точно. Дѣйствительный статский советникъ. Владимирий III-й на шеѣ.

— Ну-ну?

— Только ишько не носить.

— Ко двору надѣнеть.

— Позволите дождожить?

— Что?

— Не надѣнеть. Есть такие, которые

внѣшнѣстью пренебрегаютъ и въ томъ свой интересъ блодутъ.

— Ну, это до первого лакомаго куска.

И откуда вы все знаете?

Министръ остановился. Пожевалъ, пожевалъ... Воззрілся на «особыя порученія», точно въ первый разъ въ жизни его въ настуральную величину увидѣль.

— Находясь на службѣ у васъ, долженъ быть всегда въ курсѣ, чтобы обстоятельно на вопросы отвѣтить. И еще позволю себѣ донести, что этотъ Лемэль обладаетъ свойствами и силами таинственными.

«Особыя порученія», точно по вдохновенію, поняли: теперь или никогда. Надо показаться начальству во всей своей красотѣ.

— И самъ онъ—нѣкоторый икъ. Вродѣ Капюстро, только безъ утоловища прошлаго. Сиюлько ему лѣтъ, позавѣстно. Живеть въ роскошномъ номерѣ Европейской гостиницы, имѣть и другія приватныя квартиры, но дома его никто не видѣть, хотя изъ-за гардина видѣть сѣть по вечерамъ. Денегъ онъ ишько не получаетъ, а ихъ у него куры не клюютъ.

Хотѣть бы я посмотрѣть курь, которыя деньги клюютъ. То-то бы мой другъ Коковцовъ имѣ засинтересовался.

— Вообще онъ изъ тѣхъ, которыхъ выходитъ имѣть рядомъ съ собою, а не притынть себя. Нѣкако же не заинтересовать, чтобы на него обращали вниманіе, и на все человѣчество смотрѣть какъ будто сверху.

— Вы хорошо выражаетесь. Въ газетахъ не пишите?

Юноша выразилъ умѣлъ и даже подыскавъ руки вверхъ: отодѣти отъ него... «старца».

— Напрасно... Могли бы быть полезны. Просвѣщенная власть вообще цѣнить печать. Разумѣется, умѣющу уговаривать вѣды и предположенія.

— Впрочемъ, если прикажете... У меня есть кое-какія связи.

— Не прикажу, а прошу-съ. И даже вѣсма.

Задребезжалъ телефонъ.

«Особыя порученія» подбѣжалъ.

— Откуда говорить, алло? Ваше превосходительство, изъ швейцарской... Альонъ... Автомобиль, чей? Алло? Громче! Генеральши Сутугиной. Справиваются, можетъ ли министръ принять...

Министръ, откуда прыть взялась...

— Что? На часъ раньше? Это вы саны, Ольга Федоровна... Могу ли дать чаю? Помилуйте, счастливъ. Я сейчасъ, сю мизину сбѣгу внизъ. Нѣть-нѣть. Такъ радъ, тоже радъ.

И на лету «особымъ порученіемъ»:

— Крылову. Въ угловой, маленький чайный самоваръ. Печений и сандвичей. Да, она любить шароны glacés...

И таѣ сѣѣжалъ, точно у этого Віа съ отяжелѣвшими вѣками никогда и однажды не было...

— Мнѣ такъ совѣтно...

На лѣстницу подымалась полная, широкистая, очень красивая дама.

— Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ триадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочиновскаго, П. Н. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XIV.

На листнице подымалась полная, породистая, очень красивая дама. Властная. Уверенная, но соркая. Видимо, ничего кругомъ не пропускаетъ даромъ, умѣю распоряжаться всѣмъ наблюденіемъ...

— Ольга Федоровна... Я счастливъ... Маленькое «шем-ашеме»...

И самъ застонался, вообразивъ, что это очень остроумно, даже повторилъ «шем-ашеме!».

— Повѣрьте, цѣю. Такъ цѣю!

— Да, ужъ такъ. Рѣшилась скромничивать себѣ. Съ молодыи—вы, вѣдь, самъ младшій изъ министровъ?—Наидѣть!

— Ну, знаете, я на эту честь хотѣла бы обернуться столоначальницомъ. Этакъ тридцать пять лѣтъ съ костюмомъ. А то еще лучше размѣнить себѣ на пѣськоѣ столоначальниковъ.

— Не говорите гадостей...

И расхохоталась.

— Сегодня мигъ одинъ изъ августѣйшихъ почти то же говорилъ: я бы, говорить, хотѣла съ вами не старше поручика быть...

Наверху «особыя порученія», какъ будто случайно вынырнули изъ докременного хаоса и вросли въ стѣну... На лицѣ—и страхъ, и восторгъ, и такое выраженіе: «Ради всего святого—не обращайте вниманія. Я только рисунокъ на сбояхъ и ничего больше». Городцовъ строго взглянула на него. Тотъ понялъ и мгновенно исчезъ съ поля зрѣнія столъ чудесно, что даже Ольга Федоровна остановилась и удивленно оглянулась. Быть тутъ и мгновенно исчезъ. Провалился? Нѣтъ, полѣ цѣль, не разверзся и стѣна не раскололась, не поглотила его...

— Сюда... послалъ бы, сюда.

— Какъ хорошо у васъ. Удивляюсь, почему вы не женитесь или не женитесь.

— Старъ. Я, знаете, въ пользу голодающихъ деялками... Да и кто за меня пойдетъ?

— Всякая.

— Ольга Федоровна, ловлю васъ на словѣ... Разрѣшите сѣдѣть предложеніе?

— О, нѣтъ... Я несправимая и нераскаинная вдова... А, впрочемъ... Мы одни здесь? Будетъ болтать по пустякамъ... Я воочень серьезному и важному вопросу. Дайте, я сама палью чало и вѣнь и себѣ... Сидите ближе... Сегодня у васъ будетъ Лемъ.

— Да.

— Мѣтъ парученко...

Слушаю...

— Что это за экземпляръ?

— Чокъ неразрѣшила тайна. Человѣкообразный вопросительный знакъ и, во всякомъ случаѣ, Uebergemensch.

— Честолюбіе?

— Видите ли, если никто еще его разгадать не могъ, значитъ Лемъ не нашелъ еще такого куска, который могъ бы удовлетворить его аппетиты.

— Вотъ какъ. Хорошо воспитанъ?

— О, да. И притомъ чѣмъ только не знаешь, но молчаливъ. Умѣть быть и внимательнымъ, и не постукивать своимъ достоинствомъ.

— Сильный гипнотизеръ?

— Говорить, нестразный. Но ни подъ какимъ видомъ не дѣлать изъ этого зрѣлица для толпы или ремесла. Такъ сказать, иногда сливается. Есть у меня типовщикъ, изъ подающихъ большей надежды, такъ онъ этого Лема хорошо опредѣлилъ: «Изъ тѣхъ, которыхъ надо имѣть рядомъ съ собою и ни подъ какимъ видомъ противъ».

— Можно его показать тамъ,—подчеркнула она.

— Объ этомъ судите сами. Не хочу вліять на ваши впечатлѣнія. Дамы, въ такихъ случаяхъ, умѣю настѣнѣ. Во всякомъ случаѣ, на мелкую паживку не клюетъ.

— Такъ что на тицеславіе его не...

— О, нѣтъ... Оть крупнѣ...

— А можетъ онъ сойтись со старцемъ?

— Лемъ можетъ все, что захочетъ. Оть обернуть нашего мужлана вокругъ пальца... Тотъ и не замѣтить.

— Не скажите. Старецъ прозорливъ. Во всякомъ случаѣ намъ такой нуженъ.

И они заговорили, наклонивъ другъ къ другу, шепотомъ, точно выпѣтій на старинномъ гобеленѣ рыцарь могъ подслушать ихъ и разсказать это совсѣмъ слѣпявшимъ среднѣевропейскимъ дамамъ, окружавшимъ его.

XV.

СЕАНСЪ НАЧИНАЕТСЯ.

Въ городцовскомъ кабинетѣ собралось не много. Двери въ слѣдующую комнату, где должна была находиться «попка глупости чрезъчайной», открыты. Просла «особыя порученія» разставила помосту, чтобы ступить въ двери. Въ серединѣ—глубокое и мягкое. Туда было попробовать сѣсть Добропольский, но юноша съ почтительностью ужасомъ отстоялъ это табу: «Ваше преосходительство... здесь для генеральши Суту-
гина».

ной». Министръ юстиціи отскочилъ, точно обжегся и занять мѣсто рядомъ съ лохматымъ совершило сивымъ Мафусаиломъ, напоминавшимъ бѣлого посортога, если бы ноги встрѣчались бѣлые...

— Вы первый разъ на сеансѣ,—спросилъ его Добропольскій.

— Да...

— Надѣй новымъ міромъ приподнимается покровъ Изиды.

Бѣлый посортогъ насыпшиво взглянула на него.

— Подъ покровомъ Изиды была довольно искусная статуя изъ нефрита... И ничего больше. А всѣ эти покровы приподнимались съ тѣхъ поръ, какъ въ человѣчествѣ появились жрецы и курононіи. Древніе Шумеры и Аккады такъ же, какъ и знаменитый Друммондъ, одинаково не мирились съ неизѣжнымъ концомъ своего «я». Бога мы создали по образу своему и подобно, чорта тоже, расprodѣлили между ними всѣ людскія качества. А потусторонній міръ выдумали впервые изъ трусости передъ могилой, а во-вторыхъ...

— Виноватъ... Я тамъ вижу Лема.

Бѣлый посортогъ недовольно посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

Добропольскій тяжело приподнялся и направился къ Городцову, бесѣдовавшему съ современнымъ Калостро.

— Генеральши Сутутина жила у меня чай. Она сейчасъ пріѣдетъ. Не задерживать. Я васъ ей представлю.

— Буду радъ,—безстрастно отзѣтилъ Лемъ, ничѣмъ не выражая своей радости. Городцова задѣло.

— Сутутина — близкайшее лицо. Ей вліяніе безграчию, тѣмъ болѣе, что для себя лично она ничего и никогда не просить и не хотѣть.

— Да?

И это было сказано безразлично, точно изъ вѣжливости, чтобы не оставить аттестата, выданнаго Городцову Сутутиней, безъ реціпіи.

— Она и вѣмъ можетъ быть полезна.

— Мѣтъ?! Я тоже, ваше высокопреосходительство, ничего не ищу и не прошу.

Городцовъ вдругъ преисполнился къ нему величайшемъ уваженіемъ, даже схватилъ его за руку, и попробовалъ все это обратить въ шутку.

— Знаете, чѣмъ Лемъ, кто ничего не ищетъ и не проситъ, тотъ ищетъ очень много, а получаетъ еще больше.

— Ваше высокопреосходительство, — бѣжать «особыя порученія»... Гесноку Затрица... здѣшніе приездили...

Вас. Немировичъ-Данченко

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Рсмань тринаццати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочановскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XVI.

Въ дверяхъ появилось нечто блѣдное, разинченное, въ такомъ зеленомъ атласѣ, что, будь тутъ осѣщеніе поярче, было бы болѣю смотрѣть. Добровольскій подошелъ къ ней какъ старый знакомый. Хотѣлъ ее ободрить.

— Вы не бойтесь, здѣсь всѣ свои.

— А чего же миѣ бояться, ежели я ни-
чего такого не сдѣлала. Не украла и не
убила. То боятся только дурные люди.
Злыни. А я совсѣмъ хорошая.

Бѣлаго носорога вскинула на нее болѣю, хоть и выцѣѣтшіе отъ старости, глаза и на-
клонилися къ сестѣ.

— Человѣчество назадъ пошло. Нимфа
Эгерія и Пифія древле были куда умѣе.

— Онѣ не брали разовыѣ по четверт-
ной.

— Недорого!

«Особыя порученія» мгновенно сообра-
зили обстановку, чутъ не клюнуль нимфу
Эгерію въ плечо острымъ шосомъ и шопо-
томъ:

— Пожалуйста, въ ту комнату. Тамъ
вамъ все приготовлено...

И когда г-жа Затримкевичъ исчезла за
дверями—въ гостиной точно волна прока-
тилась. Всѣ встали и повернулись къ вхо-

дившей въ эту минуту Сутугиной.

— Ольга Федоровна. Вы всѣхъ знаете, по-
звольте миѣ только представить вамъ
двухъ... м-съе Лемэмъ.

Она зорко всмотрѣлась въ него. Тотъ от-
вѣтилъ ей равнодушнымъ взглядомъ. Точно
она не представляла для него никакого ин-
тереса. Только когда онѣ обвѣль ея плечи и
грудь—у него на блѣдномъ недвижномъ
лицѣ шевельнулись ярко красныя губы...
На мгновеніе въ нихъ почутилось что-то
жадное, звѣриное, хищное.

— Вампиръ...—подумала она и протянула
ему руку такъ, какъ протягиваются ее для
попѣлу.

Онѣ было и наклонилися, но опустилъ ея
пальцы и точно сказали глазами: «потомъ».

Сутугина вздрогнула. Озиѣ прошель по
всему тѣлу. На одну секунду она почувствова-
ла себя совсѣмъ безсильной. Мелькнула
мысль: «Этотъ все можетъ. Онѣ опасень».

И въ то же время ей стало какъ-то заманчи-
во-жутко. Потянуло къ нему. «Змѣя»—
опредѣлила она Лемема и круто оберну-
лась къ новому лицу.

— Ольга Федоровна... Наша гордость,
профессоръ Таволгинъ.

Откуда у бѣлага носорога прѣть взялась!

И какъ эта каратаца могла такъ сломиться!

пополамъ, прискладываясь къ милостию про-
тянутой руки.

— Я такъ рада! (Ольга Федоровна во-
ображала, что она искать Лемему преувелі-
ченной любезностью къ Таволгину). О, я
многа слышала о профессорѣ и давно,
хотѣла познакомиться. Хотѣлъ виѣ и врагъ
нашъ, но таѣ враги дѣлаютъ честь...

Бѣлага носорога даже въ поть бросило.
Сутугина искаса взглянула на Лемема: ка-
кое на него это произвѣло впечатлѣніе? Но
Лемемъ ушелъ уже въ уголъ, сѣль въ
кресло и, полуопустивъ вѣки, казалось, ни-
чѣмъ не интересовался.

— Ольга Федоровна... Господа... Прощу
прислушать. Программа нашего вечеца та-
ковъ. Сначала явленія. М-мъ Затримкевичъ
была такъ любезна, что согласилась

первымъ поставить ихъ. Потомъ
— Только, чтобы безъ шканца...—ото-
звалась она.—Молоды люди шкодливы, а я не
переживу, а замужемъ.

Городцова отманился какъ отъ муки.

— На всѣ узлы приложатъ лечати. Кон-
цы бечевки тоже приспичатаютъ къ креслу
На нее вкинуть покрываю.

— Завѣсу Изѣды,—благоговѣйно про-
шепталъ Добровольскій.

— На полѣ бросять три простыни. Онѣ
пушки для материализующихъ духовъ. Про-
сатъ ю этихъ не дотрагиваться...

— Всѣцъ деликатная,—не унималася Та-
волгинъ.

— Потому, что это причиняетъ нестерпимо
много боли медуму и грозить опасностью ея
здравью.

— Приспѣдованныи куницы зъ перьями
шнѣплются,—носышалася негодующій го-
лосъ медуму...—Ото хамы... И къ нимъ и за
сто рублей не согласна.

— М-съе Лемэмъ.
— Слушаю-сь.
— Фу, вы, какъ въ телефонъ: «ю, слу-
шаю.

— М-съе Лемэмъ.

Тотъ медленно всталъ... Отмѣтилъ грани-
цу, гдѣ за медленностью начинается «нехо-
тия».

— Садитесь рядомъ.

Поклонился и еще спокойнѣе подошелъ
къ ней.

«И на чѣлѣ его высокомъ не отразилось
ничѣго», вспомнилось ей. «Только почему у
него губы такія?».

И ее опять потянуло къ этимъ жаднымъ,
жинчнымъ, слишкомъ яркимъ на бѣдной
маскѣ губамъ.

— Мадамъ Затримкевичъ будѣть запе-
чатана и связана, т. е. ее бечевками перек-
лютъ вѣю. Руки и ноги ими же приви-
гутъ къ ручкамъ и ножкамъ кресла.

— Только, чтобы безъ шканца...—ото-
звалась она.—Молоды люди шкодливы, а я не
переживу, а замужемъ.

Разговаривали вполголоса. По сторо-
намъ вверху чудились легкіе трески и шумъ,
и угадывалось странное движеніе въ пу-
стотѣ.

Голоса смолкали... Скоро вѣдь тускломъ
свѣтѣ приспущенной лампы можно было
различить смутные силуэты молчавшихъ
людей...

— Господа, пожалуйста, разговаривайте.
Медумъ такой силы, что ему это нисколько
не мѣшаетъ.

Ольга Федоровна вздрогнула.

Ей показалось, что чьи-то пальцы чуть-
чуть касаются ея плечи и груди. Она бы-
стро обернулась къ Лемему, но тотъ непо-
движно сидѣлъ рядомъ, сложивъ руки на
груди... И опять какой-то захватывающей
озобѣ желанія пробѣжалъ по всему ея
тѣлу.

— М-съе Лемэмъ.
— Слушаю-сь.

— Фу, вы, какъ въ телефонъ: «ю, слу-
шаю.

Иванъ Фомичъ («особыя порученія» то-жъ)
ярко освѣтилъ ту комнату, куда вошли бѣ-
лый носорогъ и еще кое-кто. Мадамъ Затр-
имкевичъ усадили въ кресло. Перевязали,
какъ мумію.

— Подъ мышками не трогайте, бо я бен-
де-щекотлива.

— Не бойтесь, не бойтесь.

Ее приспичатали къ ручкамъ и ножкамъ,
къ стеламъ и къ полу. На нѣкоторомъ раз-
стояніи бросили простыни...

Потянули электричество... Но раньше это-
го она уже спала.

Изъ кабинета въ темнотѣ другой комнаты
была видна смутно фигура спелепутаго мѣ-
діума.

Разговаривали вполголоса. По сторо-
намъ вверху чудились легкіе трески и шумъ,
и угадывалось странное движеніе въ пу-
стотѣ.

Голоса смолкали... Скоро вѣдь тускломъ
свѣтѣ приспущенной лампы можно было
различить смутные силуэты молчавшихъ
людей...

— Господа, пожалуйста, разговаривайте.
Медумъ такой силы, что ему это нисколько
не мѣшаетъ.

Ольга Федоровна вздрогнула.

Ей показалось, что чьи-то пальцы чуть-
чуть касаются ея плечи и груди. Она бы-
стро обернулась къ Лемему, но тотъ непо-
движно сидѣлъ рядомъ, сложивъ руки на
груди... И опять какой-то захватывающей
озобѣ желанія пробѣжалъ по всему ея
тѣлу.

— М-съе Лемэмъ.
— Слушаю-сь.

— Фу, вы, какъ въ телефонъ: «ю, слу-
шаю.

Онъ промолчать.

— Странный вы!

— Это миѣ говорить часто.

— Вы прекраснѣо... какъ бы это выра-
зить... отгораживаешься отъ настѣ.
гаю,—едва различимыи шопотомъ уро-
шилъ ей. Онъ умѣлъ такъ говорить, что
нишо другой его не слышалъ. Тому вину-
шаль.

Она вздрогнула.

— Послушайте, это колдовство... Но-
чемъ вы знаете мои мысли?..

— Колдовства нѣть!.. Есть только уга-
дываніе... Всѣ люди связаны между собою
невидимыми нитями. И по нимъ бѣгутъ отъ
одного къ другому желанія, ищетъ, впечатлѣ-
нія, вопросы. Передается безъ словъ чув-
ство радости, боли, тоски..

— Душевный телефонъ?

— Вы хорошо называли.

— Почему же я этого не ощущаю?

Потому что вы еще безграмотны! Нужно умѣть читать.

— Вы не очень любезны.

— Вы меня возьмете такимъ, какой
есть.

— Возьму?

— Да.

Она попробовала улыбнуться.

— Это не смѣшио.

— Когда же необыкновенное событие
должно случиться?

— Сегодня!

— Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бециновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Содержание главъ А. В. Амфитеатрова, Ф. Н. Сологуба и В. И. Немировича-Данченко. Архитекторъ Баленецкий пайденъ мертвымъ въ домѣ случайного знакомаго, и послѣ слѣдствія самыи трупъ его исчезъ. Какъ-то слабо видныи или ведутъ отъ этого случая къ появившемуса на горизонти Петрограда человѣку съ фамиліей Лемэмъ, видимо, стоящему въ главѣ загадочнаго «общества 13-ти». Придворная камарила назойливо протаскиваетъ авантюриста-оккультиста ко двору, ведя на него атаку во время спиритическихъ сеансовъ въ министерскихъ салонахъ.

XVII.

— Ну, мсье Лемэмъ, перестанемъ шутить, сказала Ольга Федоровна:—Я давно хочу вѣсъ спросить. Отчего вы настъ всѣхъ сторонитесь?

— Бѣго вѣсъ?

— Вы понимаете! Сколько разъ пани передавали вѣсъ желаніе принять вѣсъ въ Царскому... Я знаю, вы очень устали.

— Не то слово.

— Какое же?

— Властолюбіе. Люблю имѣть, а не казаться имѣющими.

— Все разно. Что-жъ вы не знаете, что единственный путь ко власти, къ силѣ, къ блеску ведеть черезъ Царское.

— Вѣль!

— Она откинулась.

— Какъ вѣль?

— Такъ. Миѣ ни вы, ни ваше Царское не нужны.

— Совсѣмъ не ясно...

— Потому что вы всѣ и слѣны, и глухи. Слушайте, Ольга...

— Федоровна,—подсказала она.

— Все разно. Не вы миѣ, а я вѣсъ ну женъ. Положеніе вѣсъ всѣхъ отуманило. Вы сверху ничего не видите, что дѣлается внизу. Вѣдь бездонный океанъ народа кинуть такою бурей, какою съ 1789 года не было въ мірѣ. Смерчи взвиваются до самаго неба... Готовятся катаклизмы, которыхъ вѣсъ всѣхъ поглотить. А вы на своеи зыбкомъ островѣ считаете себя совсѣмъ благополучными!

— Это что-жъ... Революція?

— Вы сказали.

— Ну, мсье Лемэмъ, бросимъ обѣ этомъ. Миѣ даже странно. Такъ не похоже на то, чѣмъ мы всѣ вѣсъ считаемъ. Такой проинновенный и вѣрить бреднямъ этихъ несчастныхъ, выброшенныхъ народомъ за бортъ... У насъ единственная живая сила—войска.

— Вы думаете?

— Не улыбайтесь такъ. Даже Шаляпинъ въ Мефистофеѣ не сумѣть... Да, войско за насъ! Развѣ вы не слышили, какъ нашего вѣноблѣщенаго монарха встрѣчали на фронтѣ...

— А раньше въ Костромѣ?—насмѣшило вставить опь.

— Да, раньше въ Костромѣ. А четвертаго дня, когда его величество на руки поднялъ и передалъ цесаревича солдатамъ, что это было!..

— Помните въ Риголетто? Съ маленькимъ измѣненіемъ: сердце народное, какъ вѣтерокъ полей...

И уже зловѣщіе и серъезно:

— Вы говорите по-итальянски?

— Да.

— Che dico io dice il Padre Eterno...

— Ebbene?

— Ольга... ну, если хотите пока Федоровна, даю вѣсъ совѣтъ. Совѣтъ друга, вѣшаго искреннаго друга...

И вдругъ, голосъ его сталъ мягкъ, опь точно ласкалъ ее своими модуляціями.

— Миѣ безконечно жаль вѣсъ. Вы понимаете, миѣ вѣдь не нужны вы со всей вашей силой и вѣстью. А я вѣсъ сейчасъ... Ну, какъ проидѣніе, что-ли. Все, что у вѣсъ есть—переведите завтра же на иностранную валюту. Еще есть время продать ваше Тверское имѣніе, землю въ Сочи и реализовать ваши пани въ Раменскихъ сахарныхъ заводахъ.

— Почему вы знаете мои дѣла?

— Не будемъ о пустякахъ. У вѣсъ вѣда вѣ Біаррицъ?

— Да.

— Обратите все въ фунты стерлинговъ и уѣзжайте.

— Ну, мсье Лемэмъ. Довольно. Не морочьте меня больше.

— Какъ вѣсъ угодно.

— Я удивляюсь. Какъ вы даже смѣете говорить миѣ все это.

— Я... все... смѣю!

— Вѣдь стоило бы миѣ..

— Донести?

— Фу, какое отвратительное слово... Проговориться.

— Во-первыхъ, вы не проговоритесь. А во-вторыхъ, повторю, я, какъ это пынче принято говорить, вѣб предѣловъ досягаемости. Не миѣ вѣсъ бояться—а вѣсъ меня...

— Смотрите... Смотрите...

Изъ открытыхъ во мракъ дверей, за которыми сидѣлъ припечатанный медіумъ, вдали показалось бѣлое... Маленькое. Оно первѣтально остановилось... И не прошло, а какъ-то проскальзнуло въ кабинетъ... Направилось къ окну, закутанному въ темный гардина. Откинуло ихъ и спряталось за ними. Вѣдѣ показался изъ того же мрака другой бѣлый слуга... Опь подвинулся къ полуокругу сидѣній и началъ растѣ на ихъ глазахъ... Поднявъ широкую складку простыни, волною шевельнуль ее по направлѣнію къ Лемэму... Изъ-за гардина выскользнуло бѣлое маленькое. Хотѣло приблизиться къ большому, но, точно чужалъ воля остановила его. Оно вдругъ спиздилось, спиздилось и точно въ поль ушло... На немъ только и осталось, что скомканная простыни.

— Однако! хранилъ бѣлый носорогъ.

— Хотите, чтобы фигура подошла къ вѣсъ?

— Нѣть... нѣть... Я не вѣрю... Но терпѣть не могу такихъ шутокъ... Ахъ, да что это, наконецъ...

Что-то изъ-за его спинъ протянуло бѣлый рукавъ, скользнувший по его лицу и поглощавшій его.

— Позвольте... Чельзія ли, чтобы меня не трогало. Я понимаю—это фокусъ, но у меня ѿжирѣніе сердца!.. И потому я человѣкъ сырой... Миѣ уже за семьдесятъ.

— Какая книга?.. Какая книга?.. заинтересовались кругомъ.

Бѣлый носорогъ—отвернуль переплѣть и въ полуусѣть прочель и разомъ успокоился.

— Не могу не признать что это... ну, или вы называете призракъ, что ли... весьма и весьма любезенъ... Это мое сочиненіе, преподнесенное его высокопревосходительству.

И опь пріятно заулыбался во всѣ стороны.

— Оно у меня было заперто въ шкафу. Нодъ ключемъ.

Опять жуткая тишина.

Что-то длинное, окутанное въ простыню, выѣзжо изъ мрака. Точно большая ящерица. Сгорбился. Горбъ поднялся. По ей бѣлью складкамъ угадывалась человѣческая фигура... Громадная... Приблизилась къ Лемэму... и вдругъ опустившись передъ немъ на колѣни, протянула къ нему руки...

— Yade retro!

Тихо проговорилъ опь.

Ольга Федоровна пртерла глаза: пригрозилъ ей?.. Никого передъ ними не было и только простыня одна шурша упывала во тьму къ мѣдіуму.

— Ну и чертовщина!

Добровольский обернулся къ бѣлому носорогу.

— Медіумъ даетъ и больше изумительныя явленія. Но сегодня она здѣсь впервые. Ваши флюиды недостаточно согласованы съ ея флюидами. Настоящей гармоніи пока неѣть между присутствующими и ю...

Изъ мрака послышалася стрѣль.

— Надо скорѣй разбудить. Медіумъ страшаетъ.

Лемэмъ поднялся.

Пронѣль туда. «Особая порученія»—за нимъ.

— Зажгите свѣтъ. Тамъ сидѣла слабый.

Лампочка въ углу вспыхнула...

— Пригласите войти.

«Особая порученія» выскочилъ въ кабинетъ.

— Ваше превосходительство, Ольга Федоровна, господа... можно туда... кто же лѣтаетъ уѣдѣться.

— Я желаю!

И первымъ двинулъся бѣлый носорогъ. Затѣмъ послѣдовали всѣ.

— Теперь большой свѣтъ.

Четыре рожка засверкали въверху.

Посреди комнаты металась и вздыхала въ кресль г-жа Затриимъзячъ.

Лемэмъ положилъ ей руку на голову...

Успокоилась. Стихла...

— Проснись!

Широко открыла глаза. Обвела всѣхъ и слабо, виновато улыбнулась.

Печати были цѣлы. Отѣснѣтельствованы, въломаны, обрублены воротки. Медіумъ устало потягивался и потирая руки. Вѣревки впились въ нихъ, оставили красные слѣды.

— Чешется и болитъ. Такъ болитъ... Отѣ вы, господа, все видите, а я така несчастная—ничего. Сплю, а потомъ миѣ разсказывають.

— Хотите рюмку мадеры?

— То я такъ устала! Такъ устала... Задыхаю совсѣмъ...

— Такъ прикажете?

— Да, но и рюмку коньяку...

Вас. Немировичъ-Дасчъ и др.

(Продолженіе въ среду)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочняевскаго, П. П. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XVIII.

Ясновидецъ изъ Чебоксаръ.

Шереръ былъ небольшой.

Подали холодный ужинъ. Мадамъ Затримкевичъ изумила всѣхъ, запрашивая, почему птицы не умѣютъ дѣлать бичаса и срѣдь ковъ господарскихъ.

— Это такъ ъда. И сонъ отъ ей наилучшій.. И никако чартки послѣ не увидишь.. Только въ носу свищеть.. Какъ въ почкѣ отъ вѣтровъ.

Сейчастъ же сѣлъ опять...

Мадамъ Затримкевичъ попросила позволенія уѣхать.

— У меня мужъ. Онъ одинъ никакъ спать не можетъ...

И, раскрывъ семейную тайну, исчезла.

Худой и длинный, какъ складывающіяся англійскій футъ, чириковицъ занялъ ее мѣсто. Это былъ говорящій мѣдумъ. Его способности раскрылись случайно. Служиль акцизійнаго надзирателемъ въ Чебоксарахъ и вѣкъ бы скрывалъ въ глушни, да у соборнаго протопопа увѣли корову. Собрались у него на пульку въ префераціи и вырѣзали въ сильный разгаръ игры Апемподистовъ зашнуль. А, заснувъ, началъ мыгать.

— Софронъ Степанычъ, — хотѣли разбудить его, да отца Онуфрія освѣнило.

— Цесс.. Это не просто.. въ ветхомъ вавѣтѣ указуются примѣры пророческихъ сновъ. И дрѣвле бывали ясновидцы!..

— Въ акцизійнѣмъ то вѣдомствѣ!

— Погоди.. Попробую возложить на него руки.

И возложилъ.

Тотъ замычалъ еще значительнѣе..

— Зри духовныи окомъ.. Гдѣ животное? Бурое, съ бѣлымъ посреди лба знакомъ. Видѣлъ?

— Мму!.. Вижу... Мму!

— Реки, чадо возлюбленное.. Триста цѣлковыхъ плачено... Отъ чресль холмогорскіхъ.

— Въ... Ташкиной рощѣ.. Во рву..

Помощнікъ уѣзднаго исправника съ мѣста взвился.

— Это, гдѣ въ прошломъ году мельника Хряпкина зарѣзали...

— Оно и есть.

Апемподистовъ скоро проснулся. Обвелъ всѣхъ рыбимъ взглядомъ. Выпилъ водки. Принесъ въ себя.

— Чортъ знаетъ что! И съ чѣтобы! Это проклятая буженина все... Мнѣ-то корова приснилась. Подумашь, какой сложеть! Тыфу, и точно я къ сосѣдамъ ея пришаль и сосу.

— Нѣть, ты не скажи...

Свирипѣловъ немчался распорядиться по свѣжимъ слѣдамъ. За корову три подки плачены. Сливки то въ палецъ отъ нея. Поди, поищи...

«Животное» нашли, и къ Апемподистову стали приѣгать во всѣхъ загадочныхъ случаяхъ. Особенно прославился онъ, когда въ таинственномъ стѣѣ указалъ, куда телеграфистъ Суткинъ увезъ купеческую жену Мопутинтову... Ясновидецъ оказался столь изумительный, что прѣѣхавшій изъ Петрограда въ свое имѣніе на лѣтнія каникулы важный чинъ, изъ тѣхъ «обоего пола персонъ, кои имѣютъ пріѣздъ ко двору съ кавалергардскаго подъѣзда» осеню взялъ его съ собою, перевѣзъ на службу въ столицу и началъ его демонстрировать на аристократическихъ сеансахъ. Рекомендовать только не давать ему водки.

— У него наша специальная чебоксарская слабость есть: какъ заньется, такъ сейчасъ, не глядя на мака, близкайшую даму

хватаѣтъ, — обѣжнаяль тотъ, — въ отсутствіи дамы, — смиришь овцы. Я его никакъ отучить не могу на кончикѣ стула садиться. Онъ ужъ и мимо попадаѣтъ. Ушибаѣтъ...

Апемподистовъ въ столицѣ живо образовался. Салоны оказали свое вліяніе. Онъ выучился произносить pardon, «же ву при» сморкался не столь громогласно и даже за спиритическими ужинами не обнаруживалъ своего влеченія къ дамскихъ аванюстамъ. А съ тѣхъ поръ какъ его произвели въ наѣдные совѣтники, стала выпичивать какъ Городцовъ нижнюю губу и зачесывать лысину на подобіе латаній.

Заснулъ онъ быстро.

Лемему ничего не стоило усыпить его. Не въ первый разъ практиковалъ на немъ свою силу. Правда, предпочиталъ для этого своихъ ясновидящихъ дамъ, но въ кружкѣ Городцова привыкли къ этому. Всестаки чиновникъ своего вѣдомства и въ случаѣ чего, сора изъ избы не вынесеть...

— Ольга Федоровна, что вамъ угодно знать? — подкатился къ ней министръ, точно на мягкихъ шинахъ.

— Мосье Лемемъ.

— Слушаю-съ.

— Могу я задать вопросъ о томъ, о чѣмъ мы говорили?

— Ножалуйста.

— Такъ вотъ, долго ли продлится эта несчастная война.

Апемподистовъ заметался, заворочалъ шеей, точно ее давиль воротничекъ, хоть онъ былъ широкъ ему.

— Годъ.. Нѣть меныше года..

— Мы разумѣется побѣдимъ?

— Я вижу ужасъ.. ужасъ.. ужасъ..: Вездѣ кровь.. Дымъ отъ пожаровъ застилаетъ все.. Крики.. Врагъ ослабѣетъ, захочетъ мира.. Но мы спасемъ неожиданно. Не могу.. Душно.. На улицахъ убиваются.. Все пинбетъ. Казни.. казни...

— А еще?

— Не смѣю.. Никому, никому пощады.. Люди звѣри.. И Боже ты мой!.. Не могу.. не могу.. не могу.. На дѣлѣ морей.. И еще живыхъ заканываютъ. Жгутъ въ кострахъ.. дѣтей.. дѣтей.. Женщины..: Другъ друга.. Братья на брата...

Лицо его исказилось судорогами.

— Проснись.

Открылъ затуманеніе глаза. Взялся за голову.

— Темна вода во облакѣ! — засмѣялся «блѣдый носорогъ».

— Эко паворочалъ!

Апемподистовъ оглядывался на всѣхъ, ничего не понималъ.

— Ну, и наговорили вы!

— Ей Богу не виноватъ. Я самъ не знаю... Только что вотъ въ головѣ мутно.. И во рту дурной вкусъ. Точно мѣдную копѣйку держаль..

— Вотъ проносящите. Хорошій барсакъ.. Можно еще? — спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Я готовъ. Помилуйте.. Опять его усыпили..

— Вы знаете мою жену?

— Такъ точно.

— Видите вы ее?

— Вижу.

— Гдѣ она?

— Не здѣсь.. далеко.. Окна открыты.. Тепло..: И море.. Кипарисы..

— Что она дѣлаетъ?

— Сидитъ. Рядомъ офицеръ, раненый.. За руку ее держитъ.. Она хочетъ уйти, а онъ ее не пускаетъ.

«Бѣлаго посorога» передернуло..:

— Ну дальше неинтересно.. Она въ Крыму лечится..

— Спросите его. Откуда я прѣѣхалъ?

— Изъ Царскаго Села. Изъ дворца.

— Что сейкасъ дѣлаетъ императрица?

— Молится.. И плачетъ.

— Грозить ли ей что-нибудь..

Горе всемъ — кто въ этомъ мѣстѣ.. Большое горе.

Ольга Федоровна вздрогнула. Ей стало жутко..

— Ну и сеансъ.. Всѣ зловѣщее. Странное..

— Немировичъ-Данченко.

Продолженіе сїдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринаццати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Годяновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Казмайловъ, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XIX.

«Умеръ ли Бяленицкій?»

— Ну и сеансъ... Все зловѣще. Страшное—вырвалось у Ольги Федоровны.

И всѣ здѣсь почувствовали, точно темная и душная грозовая туча надвигается на нихъ. «Особая порученія» даже сѣту прибавили. Все легче. Городцовъ хотѣлъ обратить все въ шутку.

— А можетъ быть, еще можно помочь дѣлу?

— Да...

— Время не ушло?

— Нѣтъ. Крупная перемѣна спасетъ всѣ... Если не упустить... Я вижу лучъ въ тѣмѣ. Человѣкъ—который любить Россію пишетъ, предупреждаетъ...

— Ну и слава Богу! Значитъ все будетъ въ порядкѣ.

И Городцовъ повеселѣлъ.

— А теперь, Ольга Федоровна, мы его, какъ воробья, шапкой пакроемъ. Ну-ко Аэндерская волшебница изъ фрака,—насчетъ современности. На злободневную, какъ выражаются писаки, тему. Чего-нибудь «особеннаго» изъ событий дnia...

Онъ мигнула «особымъ порученіемъ».

— Какъ того-этаго фамилія?.. Ну еще инженеръ... Жильецъ изъ квартиры офицера... Убили, а онъ изчезъ... Еще двадцать восемь тысячъ подъ подушкой и стаканъ глинтвейнъ.. Стаканъ на столѣ. А деньги подъ подушкой.

И засмѣялся.

— Вчера въ газетахъ писали, — никакихъ слѣдовъ нѣть. Сколько времени ищутъ!

— Офицеръ этотъ Беренниковъ... Онъ кенится на *beille soeur* нашего Верховнаго зева.

— Вотъ-вотъ. Какой ударъ прекрасной Маріи Евстафьевнѣ!..

— Подъ домашнимъ арестомъ. Съ третьего дня... Ну, да, авось...

— Бяленицкій, выше высокопревосходительство.

— Ну, слава Богу. Бяленицкій... Именемъ Бяленицкій. Мосье Лемэмъ. Я хочу спросить...

Магъ и волшебникъ сдвинули брови и пристально вспыхнули въ Анемподистова по-всевѣщающимъ взглѣдомъ.

— Пожалуйста.

— Умеръ ли Бяленицкій?.. Просите...

Знаете.

— Знаю...

— Такъ умеръ или пѣть...

Молчаніе.

— Говорите...

— Не...

Медіумъ точно боролся съ чѣмъ-то, даже шею запрокинули такъ, что кадыкъ вывернулся, будто выскочить хотѣлъ...

— Не... могу... Не могу... Не могу.

— Почему?

— Сильный меня... Есть воля...

— Такъ значитъ живъ?..

— Издите!..

— Гдѣ?

— Мѣшиаетъ...

Вѣки его приподнялись. Подъ ними не было видно зрачковъ. Одни блѣки.

— Да, умеръ, или пѣть? Если умеръ отъѣхте, да.

Широко раскрыла ротъ, хотѣла сказать что-то и какъ будто захлебнулся. Въ горѣ у него заклокотало...

— Я пахожу, что медіума нельзѧ больше тревожить. Есть, что-то загадочное. Онъ не владѣетъ своими силами. Можно вызвать червійный ударъ... Проснитесь.

И Лемэмъ дунулъ ему въ лицо. Анемподистовъ всталъ и зашатался.

— Прощу... Воды...

Подали.

— Зачѣмъ вы хининъ пѣте? Спросилъ Лемэмъ? Софронъ Степановичъ отодвинулъ стаканъ.

— Фу, какая горечь. Я воды просилъ, Господи!

— Да здѣсь вода, попробуйте?... Тотъ сдѣлалъ глотокъ.

— Да... вода.

— Нѣтъ это водка и крѣпкая. Спиртъ почти?

Анемподистовъ точно окочъ ротъ, даже задохнулся и задышалъ часто-часто...

— А вѣдь вы ошиблись, это медъ!

— Нѣтъ?...

— Я вамъ говорю. Попробуйте...

— Медъ и есть... Слишкомъ приторно. Съ чаемъ хорошо бы.

Всѣ оживились. Тягостное впечатлѣніе сгладилось. На Лемэмѣ смотрѣли благодарно. Заговорили разомъ.

— Какая у мосье Лемэмѣ сила!

— Изумительная!...

— Мосье Лемэмъ... Гдѣ Лемэмъ.

Лемэмѣ не было.

— Какъ Мефистофель провалился въ тартары!.. Замѣтилъ «бѣлый посортъ».

— Мосье Лемэмъ просилъ извиненія. Онъ ушолъ... Торопился.

Объявилъ «особая порученія»...

— Удивительно таинственный господинъ!

— Двуногій иксъ.

— И маѣ пора! Встала Ольга Федоровна... Ее проводили до передней...

Сѣла въ автомобиль... Опустила стекло. Ночь была яркая, лунная. Отѣхала неминого и на тротуарѣ замѣтила знакомую тонкую фигуру...

— Мосье Лемэмъ? Вы?

— Нѣтъ не я...

Она засмѣялась... Только смѣхъ былъ какой-то первыи, вызывающій.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой глупый вопросъ. Хотите я васъ подвезу. Садитесь. Вы въ Европейской гостиницѣ?...

— И въ другихъ мѣстахъ...

— Пожалуйста. Я еще спать не хочу. Луна чудесная...

И опять ее обдало озабочомъ. И всю такъ и потанцунуло къ этимъ изящнымъ и тонкимъ рукамъ, невинно програвшимъ весь вчера. Лемэмъ сѣлъ.

— Куда же?

Онъ задумался.

— На Каменномостскій.

Автомобиль понесся... Прощло несколько минутъ.

Чего же вы молчите?

А у самого голосъ дрожитъ.

— Вообще какой вы таинственный... Я думаю, что и Лемэмъ не ваша фамилія.

— Въ древней Греціи меня звали Эфіальтомъ.

— Вы серьезно или шутите?

— А вы думаете, это возможно?

Богъ знаетъ, съ вами возможно все... говорите же... Такъ мы, подчеркнула она вамъ не нужны?

— Нѣтъ.

— А вы намъ?

— Вамъ лично да... И очень...

— Когда.

— Скорѣе, чѣмъ вы думаете...

— То-есть какъ скорѣе... Ну черезъ мѣсяцъ.

Молчать.

— Черезъ недѣлю.

Молчать.

— Сегодня. Сейчасъ?

— Да.

— Фу—сплошная загадка. Вѣчна на сказка... а тубы... губы...

— Что губы?

— Какъ у вампира! Даже страшно окончить.

Точно же лѣтнія руки обвили ее и хищныя, красныя, жадныя губы припали къ ея губамъ.

Она было забилась... Даже ладонями уперлась въ грудь ему и вдругъ вся онѣкнала. Ни воли, ни сознанія... Точно въ ней и душа и мысль и сердце провалились куда-то. Чѣмъ-то огромное горячее охватило ее... Всѣ будто пустая—она снаружи чувствовала его только его...

Автомобиль остановился.

— Выходи...

Сознаніе вспыхнуло на минуту.

Шофферъ?...

— Не бойся... Я отниму у него память... Онъ и сейчасъ спить... Посмотри.

«Вампиръ»! Опять, но уже про себя проговорила она.

Лемэмъ выпустилъ ключъ и самъ отворилъ подъѣздъ... Посторонился. Она прошла впередъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе,—главы П. П. Гиѣдича, завтра).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ триадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочаниовскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

ХХ.

Членъ второй думы.

Смерть Бяленицкаго и исчезновеніе его трупа всколыхнуло всѣхъ. Никто не зналъ истинныхъ причинъ этого событія. Видимо, подкладка всему—была строго подготовленной, хорошо выполненный грабежъ.

У Верхоплавцевыхъ, особенно рѣзко отразилось это происшествіе. Беренниковъ въ ихъ семье былъ свой, родственникъ. Верхоплавцевъ взялъ его на поруки, и даже донашій арестъ былъ съ него снятъ. Но дѣло на шагъ отъ этого не подвигнулось впередъ. Братъ Алеша проѣхалъ изъ Москвы куда-то въ Омскъ, и не возвращался. Алеша какъ-то осунулся, глаза его стали казаться еще болѣе круглыми. Каждый вечеръ онъ приходилъ къ Верхоплавцевымъ, и подолгу молча сидѣлъ съ Нидей, точно имъ предстояла долгая разлука. Юстина печально поглядывала на него, съ обычнымъ видомъ дельфійской пифіи. Она раздражала его. Его раздражалъ и золотой обручъ, что она носила съ своей античной прической, и ея задумчивый взглядъ.

— Да бросьте вы, кузина, этотъ скверный маскарадъ, — сказалъ онъ ей однажды. — Вы несчастны уже тѣмъ, что вами дали именѣе имъ Юстину. Почему — Юстину? Это напоминаетъ Византію, постное масло.

— Знаешь, Мери это просто неподлично,

какъ одѣвается Юстя! — возмущалася онъ. — Голые руки, какак-то разлѣтака, — точно она хочетъ вспорхнуть на крышу. Это хорошо въ дамскихъ кружкахъ эстетовъ, а не въ порядочной семье. Хоть бы ты, какъ старшая сестра, повѣяла на нее, объяснила бы ей, что это отзыается статисткой изъ московской оперетки...

— Ты бы съ ней самъ поговорилъ, меня она не слушаетъ, — возражала Марья Евстафьевна.

— Я такъ и думалъ,

что этимъ

контится.

Бывають физиономіи

такъ

екраснныя,

что

только

идутъ

не сумѣть

прочесть

на нихъ

все

до конца.

Такое

лицо

было

у этого

зодчаго.

Я считаю

себя

далеко

не

психологомъ;

но

когда

онъ

пришелъ

къ

намъ

въ

первый

разъ,

и я

взглянула

на него,

— тотчасъ-же

подумалъ:

«Э-э,

милый,

— ты

кончиши

пло-

ху,

и

ничего

въ

своемъ

дѣлъ

не

создашъ!».

— Ты съ братомъ во всѣмъ виноватъ самъ, — сказала онъ. — Что за разгильдяйство, за халатность, — скажу болѣе: что за сноявшая распущенность! Ты что-то такое изобрѣтася, братъ твой тоже. И вдругъ вы позволяете входить въ вашу квартиру какой-то бабѣ со своимъ ключомъ?

— Она

проходи-

тъ

черезъ

парадный

ходъ,

— ее

видѣть

всегда

швейцарь,

— объяснилъ Алеша.

— Но

почему-же

она

не

можетъ

выпустить

кого-нибудь

съ

чернаго

хода?

Наконецъ,

что

за

свистѣ

то,

что

за

распущенность,

что

вы

позволяете

входить

женщинѣ

въ

вашу

комнату,

пока

вы

раздѣтъ?

— Вычистить

платье!

Для

этого

вы

ставляю-

тъ

платье

и

обувь

за

двери.

Да,

— выставляю

за

двери!

Ты

говоришь,

что

Софія

— храмъ

молитвы,

что

Вестминстер

— высшее

государственное

учрежденіе,

— и

создавалъ

въ

этотъ

на

кровати

твоего

брата?

Завоѣшь! Особено, если она предваритель-но вышила глиптейшъ, что стоять на столѣ съ вечера. Кстати: почему ночью, пока ты спалъ, Бяленицкій не могъ его вышить? Онъ проснулся, почувствовалъ жажду, пойло твое уже охладѣло... Вѣдь надо быть такимъ кретиномъ, какъ этотъ судебный слѣдователь, чтобы придаватъ значеніе пустому стакану... Потомъ: что такое двадцать во- семь тысячъ? Почему это пухлая пачка асигнацій? Залоги всегда вносятся бумагами. Одинъ листъ въ двадцать тысячъ, одинъ въ пять, и шесть бумажекъ по пяти-сотъ, — это вѣтъ такой тоненький шакетъ. Что у Лучинина, — газетная контора, тѣль набираются деньги отъ розничной продажи и отъ объявленій кухарокъ и горничныхъ?

Разъ, вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ начали собираться участники въ оккультныхъ собранияхъ и пришелъ еще одинъ только Беренниковъ, Верхоплавцевъ, уже одѣтый совсѣмъ, чтобыѣхать, говорилъ Алешѣ:

— Всё это глупо, все неестественно, на-

такинуто, какъ въ оперѣ. Ложатся спать-

полють; умираютъ — полють; убиваютъ —

полють...

— Вы бы, Ника, оставили оперу въ по-

коѣ, — отозвалася золотообрученая.

— Зачѣмъ? Опера такая-же ложь, какъ

та, что охватила нашу жизнь огненнымъ

кольцомъ, — возразилъ онъ. — Черезъ это

кольцо нельзѧ перескочить, какъ прыгаютъ

черезъ костры пыльные лѣмцы на куллер-

бергъ. Мы ушли по шею въ трясину лжи

и сидимъ въ этомъ ржавомъ болотѣ. Всѧ

Россія мѣтъ

представляется разогрѣтой и

размѣгченной топью, где обыватели икаютъ,

сидягь среди лягушекъ и червей въ тряси-

нѣ, довольно поводятъ глазами и ничего не

хотятъ. А когда ихъ ухватятъ Немезида за

шиворотъ, они удивятся и скажутъ: «Ка-рауль!»

— Я думаю, что и Немезида сидѣть съ ними въ болотѣ, — проговорилъ задумчивъ Алеша, — и никого болѣе за воротъ не бѣть.

Верхоплавцевъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, а я полагаю, что въ одно прекрасное утро вдругъ она точно съ неба свалится... «А кто здѣсь Ляпинъ-Тяпинъ? Подать сюда Ляпинъ-Тяпинъ!» Вотъ Юстя устремляетъ свои очи въ безвоздушное пространство, видѣть безплотныхъ духовъ, слышать голоса, — а главнаго не видѣть и не слышать...

Юстина встрепенулась.

— Чего я не вижу?

— А того, что Немезида близка. Что мечь ея занесенъ надъ нами. Чѣмъ заниматься оккультными утопіями, гораздо лучше подумать о томъ, что ожидаетъ настъ завтра.

П. Гиѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Отъ редакціи. Въ послѣднемъ фельетонѣ В. И. Немировича-Данченко, по корректурному педосмотру, напечатано: «жилецъ изъ комната» (вместо «мертвецъ») и «у самой» (вместо «у самой»), что относить реалику къ герою вмѣсто юрони.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочиновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXI.

Въ это время вошла въ комнату Марья Евстафьевна, пышная, душистая, спокойная, съ взрагивающими ноздрями и съ пышной, которая идетъ инымъ женщина, даже когда она не испанки.

— Что ожидаетъ насъ завтра? — спросила она мужа.

Въ отвѣтъ она посмотрѣла на часы.

— Мѣшь шора, — сказала она.

— Ты и сегодня уѣзжаешь?

— Я и сегодня уѣзжаю. Неужели ты думаешьъ, меня интересуетъ вся эта банда Чемѣровъ и компания, что ты поишишь чаемъ и зоринъ осетринъ и рябчиками?

— Безикъ интереснѣе? — Не безъ ехидства спросила она.

— Сегодня — увы! — у меня засѣданіе Общества содѣйствія торговымъ спонштѣймъ «Астралий».

Она косо усмѣхнулась.

— Вопросъ необычайной важности?

— Да, въ Астралии воловье мясо лучше нашего, черкасскаго. Консервированное оно понизитъ у насъ цѣны на мясные продукты. Это вопросъ гораздо болѣе важный, чѣмъ многие думаютъ. Если мы не успѣмъ заключить договоръ во-время, — насъ ожидаетъ голодъ. — Кончится тѣмъ, что говядина на нашихъ рынкахъ будетъ продаваться по двадцать рублей за фунтъ. Да, да, — и это будетъ. Это утверждаютъ всѣ экономисты!

Онъ подошелъ къ зеркалу, вынулъ карманную щеточку, пригладилъ волосы, и закончилъ:

— Повторю, Мери: если бы твой кружокъ задался цѣлью подумать о ближайшемъ будущемъ, это было бы гораздо продуктивнѣе, чѣмъ заниматься отвлечеными ныряньями въ область психики. Впрочемъ, я думаю, ты сама занимаешься оккультизмомъ отъ нечего дѣлать, потому что это пынче въ модѣ. Алеша ходитъ сюда, какъ ходилъ бы, если бы здѣсь играли въ домино или фанты.

Юстия увлекается мистицизмомъ, потому что она юродивая по натурѣ. А вотъ идеть Нидія...

— А Нидія? — Ужъ докончи и ея характеристику, — попросила она.

— А Нидія хочетъ быть поближе къ Алешѣ, и какъ можно болѣе провести съ нимъ времени. — Ну, до свиданія, — я тѣду!

Вопрѣдпія Нидія ничего не сказала. Берениковъ слегка покрасѣлъ и, проводивъ круглыми глазами «члена второй думы» и пошедшую вслѣдъ за нимъ Марью Евстафьевну, повторилъ свое обычное:

— ПотиФар!

XXII. СЛѢПЕЦЪ.

Мери, сказавъ въ прихожей мужу чѣмъ, чѣмъ не хотѣла говорить при кузенѣ и сестрахъ, воротилась въ гостиную въ сопровождѣніи только что прѣѣхавшаго отставнаго слѣпца-полковника, который носилъ фамилию Широ. Онъ только полгода какъ сталъ бывать въ дому Верхоплавцевыхъ и былъ аккуратнѣмъ посѣтителемъ оккультныхъ събораній. Какъ всѣ слѣпцы, онъ шелъ прямо, неподвижно глядя впередъ неморгающими глазами, скромно сложивъ на брюшкѣ руки.

— Здѣсь сестры и Алеша, — предупредила его хозяйка.

Онъ старался угадать, — кто и гдѣ сидитъ, и внимательно прислушивался къ каждому шелесту, придавая лицу радостно, нѣсколько виновное выраженіе. Нидія помогла ему:

— Здравствуйте, Павелъ Васильевичъ, — сказала она, взявъ его за осторожно протянутую ей руку, и наблюдала, какъ подходили къ нему Юстия и Алеша, тоже здоровались и старались ему помочь въ рукопожатіи. Онъ все благодарно улыбался и съ чувствомъ называлъ всѣхъ по именамъ.

— Вѣтра, кажется, идѣтъ? — спросила хозяйка, когда Широ усѣлся въ кресло.

— Вѣтра идѣтъ, морозъ, мѣсяцъ свѣтить: сегодня полнолуние.

Онъ сказаълъ это такъ, точно видѣлъ сей часъ зеркальный щитъ зимняго мѣсяца, а не получили свѣдѣніе о полнолунии изъ сегодняшняго календаря, что по утрамъ читала ему лектриса.

— Хотя сегодня пятница, — заговорилъ онъ, склоняясь къ своего лица улыбку, — но я навѣрно не зналъ, будешь ли у васъ обычное собрание. — Я думалъ, что событія на квартире Алексѣя Даниловича могли повлиять...

— Напротивъ, я надѣюсь, что сегодня будетъ весьма оживленно, — сказала Марья Евстафьевна.

— О, я такъ этому радъ, — заговорилъ слѣпецъ. — Вы знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я лишился зрѣнія, единственное утѣшеніе мое — это проникновеніе въ глубины теософіи и оккультизма.

— Между тѣмъ и другимъ разница, — замѣтила Юстина.

— О, да! Я знаю. Но занятіе однимъ не исключаетъ возможности погруженія и въ другую область. — Это мое единственное утѣшеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я ослѣпѣлъ...

— А вы давно ослѣпѣли? — прервала его Юстина.

Лицо его изобразило меланхолію и страданіе.

— Пять лѣтъ...

— А причина?

Онъ покачалъ плечами.

— Говорятъ, наслѣдственность... Такъ вотъ я чувствую, что оккультизмъ даетъ мнѣ силы мириться съ моимъ несчастьемъ. Я чувствую, что это временное испытаніе. Пусть мое тѣлесное зрѣніе утеряно. Зато внутреннее зрѣніе духа вѣрнуть отверзлось. Я сталъ видѣть, чувствовать, понимать многое, что прежде мнѣ было неясно и недоступно.

Онъ говорилъ это нѣсколько нараспѣль, какъ заученный урокъ. Видимо, онъ повторялъ это не разъ и слова слились уже въ стереотипную форму.

— А скажите, вѣдь не волнуетъ политика, война, отношеніе къ союзникамъ, наши финансы? — спросила Нидія.

Онъ усмѣхнулся.

— Съ нѣкоторыхъ поръ все это мнѣ кажется мелкимъ. Духовная жизнь — вотъ

центръ и смыслъ мірозданія... А политика, соціализмъ, культура, — все этоничто и мелко. Истинныя величие и сила, — въ томъ огромнѣмъ міровомъ пространствѣ, гдѣ разбросаны космосы — сознательные и прекрасные. Мы — частица одного изъ такихъ міровъ. Да, ослѣпнуть — величайшее несчастіе, но слѣпota открыла свѣтъ въ душѣ моей, и этого свѣта не преодолѣть никакъ тѣмъ...

— Скажите, — начала Нидія, когда онъ замолчалъ, — а какого вы мнѣ о Лемѣ?

По лицу его дрогнула судорога: точно пробѣжалась какая-то мысль.

— А его еще идѣть здѣсь? — спросилъ онъ.

Хозяйка сказала, что идѣть.

— Я его мало зналъ. — Онъ помолчалъ, точно размыслилъ, сказать или идѣть. Потомъ прибавилъ: — Я слушаю три раза его сообщенія и онъ мнѣ показался... Я не хочу сказать — шарлатанъ, — сохрани Богъ! А...

— А тѣмъ же? — спросилъ Берениковъ.

— А... карьеристомъ. Въ топѣ его голоса, въ моментъ построенія рѣчи, есть что-то сухое, противное. Его голосъ — не тѣстъ естественный голосъ, которымъ снабдила его природа. Это искусственно выработанный тембръ. Бываю такіе почерки. Люди рѣшаютъ почему-нибудь порвать со своимъ прошлымъ и вырабатывать себѣ новый, дѣланый почеркъ... Это легче, чѣмъ переработать свою рѣчу... Онъ — интересный субъектъ, интересный противникъ... Но тише!

Слѣпецъ приподнялъ голову и прислушался.

— Это онъ идеть сюда.

Въ дверяхъ показалась фигура Лемѣма. Онъ, какъ всегда, холодный, спокойный, уравновѣшенный, не то почтительно, не то насмѣшливо подошелъ къ хозяйкѣ и спросилъ:

— Я не помышлялъ?

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бодяновскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

Загадочная смерть и слѣдомъ исчезновеніе трупа архитектора Биленницкаго волнили столицу. Къ дѣлу, очевидно, прикоснувшись шайка авантюристовъ, присвоившая себѣ имя «Чортовой дюжины» и возглавляемая свѣтскимъ проходицемъ Лемемомъ. Противъ темныхъ силъ, воплощенныхъ въ Лемемѣ и «Дюжинѣ», намѣщается борьба, центръ которой слѣпецъ офицеръ Широ.

XXIII.

ТАЙНА ТРИНАДЦАТИ.

Въ дверяхъ показалась фигура Лемема. Онъ, какъ всегда, холодный, спокойный, уравновѣшенный, не то почтительно, не то настѣнчиво подошелъ къ хозяйкѣ и спросилъ:

— Я не помѣщалъ?

— Мы вѣсъ ждали, — отвѣтила Марья Евстафьевна. — Мы говорили съ Павломъ Васильевичемъ объ оккультизмѣ, — и я хотѣла его спросить въ ту минуту, когда вы вошли, какого онъ мнѣнія о цифре тринацати? У насъ въ домѣ въ послѣднее время только и говорить, что обѣ этой цифре.

Алеша дотронулся до руки Нидіи и пружинилъ ей глазами на дверь. Она вышла въ соѣднюю комнату, и остановилась, какъ всегда, у окна.

Лемемъ сѣлъ рядомъ со слѣпцомъ и, повернувшись голову, сталъ въ упоръ смотрѣть въ его неизрѣчіе глаза. Широ слегка повернулся къ нему бокомъ, и даже подвинулъ свое кресло такъ, чтобы изѣбѣжать его взгляда.

— Тринацать? — сказалъ онъ, и легкая улыбка волнистой линіей пробѣжала по его губамъ. — Чортова дюжина? Число, какъ число. Какъ три, семь, девять... Девять — число даже болѣе мистическое. На девятый день бываетъ кризисъ всѣхъ болѣзней, — что съ точки зреінія обывателя земли должно считаться очень важнѣмъ. Въ «чортовой дюжинѣ» болѣе шарлатанства, чѣмъ истиннаго значенія.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ Лемемъ.

Широ обернулся въ его сторону и медленно, сквозь зубы, какъ лунатикъ сказалъ:

— Нѣть, я не ошибаюсь.

Брови Лемема нахмурились, но онъ тотчасъ же придалъ своему лицу безразличный видъ. По движеніямъ мизинца правой руки, который трѣ судорожно сжимался, какъ пойманній червякъ, то распирялся во всю длину, замѣтно было, что Лемемъ неожиданно наткнулся на какое-то препятствіе. Хотѣлъ что-то сдвинуть съ своего пути, и не могъ. Холодные слѣпые глаза все такъ же смотрѣли на него, та же улыбка змѣйлась на тонкихъ тубахъ.

— Я не ошибаюсь, — повторилъ Широ. — Я говорю только то, что знаю. Есть прямой путь знанія, путь къ истинному свѣту, и есть волнистно-колеблющіяся линіи, которые заводятъ неошыпныхъ въ дебри...

Слѣпецъ положилъ свою правую руку на рукоять кресла съ той стороны, где сидѣлъ Лемемъ, и, все усмѣхаясь, впился незрячими глазами въ своего сосѣда. Лемемъ почувствовалъ, что блѣдное восковое лицо Широ, съ беззрѣнными губами, болѣшимъ, широкимъ носомъ, почти беззрѣнное, съ рѣдкой пепельной бородой, — точно стало шире и болѣе. Точкою большою спѣжнѣйшаго комъ бѣлья передъ нимъ и улыбался.

— Прежде, чѣмъ утверждать что-нибудь гостодринъ Лемемъ, надо хорошо знать то, о чѣмъ говорить, — продолжало блѣдное лицо. — Надо быть чистымъ съ головы до ногъ. Нужно, чтобы каждый фибръ былъ освѣщенъ вѣрой въ великое знаніе. Нужно, чтобы каждая капія крови была отищена рѣзь змѣинаго яда зла. А если нѣтъ этого, — лучше отойти отъ великаго ученія...

Теперь уже Лемемъ старался улыбаться.

— Зачѣмъ вы мѣшъ все это говорите? — спросилъ онъ.

— Если тѣ силы, — продолжалъ

Широ, — тѣ силы, которыми располагаетъ человѣкъ, онъ употребить не на добро, если въ его замыслахъ будетъ руководить имъ личная польза, во вредъ ближнимъ, то... то стрѣлы, пущенные имъ могутъ обратиться на него самого и убить его...

Онъ вдругъ слегка наклонился къ Лемему и тихо-тихо прошепталъ, такъ что тотъ едва уловилъ эти звуки:

— С官方微信ъ вами быть со мной осторожнымъ.

— Я не боюсь вѣсть, — шепнулъ такъ же Лемемъ и, быстро вставъ, спѣлаль пѣсколько шаговъ къ противоположной стѣнѣ.

— У вѣстъ, кажется, новая картина? Ей прежде здѣсь не было? — спросилъ онъ.

— Да, — сказала Юстина. — Эрмитажная копія. Это Мери купила на аукціонѣ.

— Я купила ее третьяго дня на аукціонѣ общества поощренія художествъ, — подтвердила Мери. — Правда, мѣшо? И недорого.

Она поднялась навстрѣчу толстой пожилой дамѣ и костяжному длинноволосому молодому человѣкѣ. Это была писательница Бубенцова и поэтъ Демидцевъ — постоянные посѣтители собраній Верхоплащавцевыхъ.

— Бойтесь меня! — шепнулъ слѣпецъ Лемему, проходившему мимо него.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

ХХIV. КОШМАРНАЯ УГОЛОВЩИНА.

Бубенцовой было уже побольше полувѣка, но это не смущало ея. Она отоглядывала грудь дѣлала такой низкій выгибъ у шеи, угломъ вѣзъ, что однѣ художникъ-портретистъ у нея спрашивалъ: «А вы не боитесь запылиться?» Бубенцова вступила въ тѣть возрастъ, когда женщины начинаютъ нравиться совсѣмъ молодые люди — студенты, правоѣды, кадеты. Она говорила:

— Я изучаю ихъ, какъ писательница. Я изучаю въ нихъ бутоны прѣцущаго цвѣтенія. Пока это вербныя распуколки будущаго расцвѣта. Они пѣжны, довѣрчивы, любознательны, воспріимчивы. Они еще не испорчены жизнью...

— И вы ихъ портите? — спрашивали ее.

— Я ихъ научаю жизни, и остерегаю! — отвѣтала она.

Очевидно, она растерегала и Демидцева, длинноудѣлого поэта, съ шѣптишю на темени, образовавшейся еще въ эпоху самаго тѣжелаго дѣтства. Онъ могъ ей гордиться не толь-

ко въ сыновья, но, чего доброго, и во внукѣ, хотя уже три года, какъ печатались и рисовалъ таїкіи странные слова, какъ «пухъ» и «другъ», «касасъ» и «блѣстасъ». Онъ объяснялъ свою близость къ поддержанной писательницѣ своимъ испорченнымъ вѣтвушкомъ. Развалившись на софѣ, онъ говорилъ умирающимъ голосомъ:

— Я люблю лимбургскій сыръ съ его микрококами. Отъ Бубенцовой пахнетъ румяными — пусты; съ носа сыпется пудра — пусты; губы намазаны какимъ-то альбомъ — пусты... Это даетъ званичивающій мелъ ароматъ...

Онъ говорилъ это ей въ глаза. Она трепала его начинаящей морщиться рукой по тонкой птичье шеѣ, болтавшейся среди опромытыхъ отворотовъ воротника, какъ языкъ у праздничнаго колокола на звоннице, и одобрила:

— Милый мальчикъ!

У Бубенцовой была дочь, — кончившая институтъ. Она начала мазаться и подводить глаза съ тринацати лѣтъ, такъ что старая дѣвка, мающемуазель Вуточина, бывшая ихъ классной дамой, говорила:

— Несчастная, что же вы себѣ оставляете на будущее, если уже теперь начали мазаться?

А преподаватель алгебры, прегрубый по-лику Хрисанѣцкій, не стѣсняясь заявлялъ:

— Бубенцова прямо въ дѣвки прѣть! Всѣ съ матъ!

Вмѣстѣ съ писательницей и поэтомъ возвращались въ гостиную и Нидія съ Алешой. Нидія была чѣмъ-то взволнована. Алеша сразу сталъ центромъ общаго вниманія.

— Расскажите, расскажите, какъ все это случилось, — говорила Бубенцова, облизывая крашенныя губы, — это такъ интересно!

И Беренинѣрвъ въ сотый разъ началъ рассказывать про глинтвейнъ, опровергнутую голову прокурора, про выкаченныя бѣлмы бабы, про исчезнувшее тѣло.

— Я бы хотѣлъ, чтобы со мной случилось что-нибудь подобное, — лѣниво протянула Демидцева, юнца Алеша кончилъ свою эпопею. — Я бы хотѣлъ, чтобы у меня на кровати умеръ внезапно близкій мнѣ человѣкъ. Это переживанія...

— Это, кошмарно! — воскликнула Бубенцова.

П. Гиѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочановскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Поталенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXV.

Юстина сѣла рядомъ со слышишемъ и спросила тихо у него:

— Откуда у васъ эта сила?

Онъ встрепенулся, но что своему обыкновению, отвѣтилъ не сразу.

— Вы до вашей болѣзни занимались оккультизмомъ? — успѣла спросить она его, пока онъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Да, — не торопясь отвѣтилъ онъ. — Я родился въ Бомбѣ. Въ то время онъ былъ центромъ теософического общества. Потомъ родители мои жили въ Америкѣ и Англіи, потомъ — въ Эберфельдѣ. Въ Эберфельдѣ жила и глава теософовъ того времени — Желиховская. У неѣ въ домѣ въ Лондонѣ бывала Круль, какъ своей человѣкъ. Медіумистические сеансы я видѣлъ съ дѣтства, — вотъ почему они меня совсѣмъ не интересуютъ... Всѣ эти Олькотты и компанія обивали щороги нашего дома. Медіумизмъ, оккультизмъ и теософія сплетались въ неразрывной клубокъ. А если къ этому присоединить и престидижитаторство...

Юстина замѣтила что Лемэмъ, сидѣвшій наподалеку, старается вслушаться въ ихъ разговоръ и уловить, о чёмъ идеть рѣчъ. Она дотронулась до рукава Широ, и сказала:

— Говорите тише.

Слѣпой полковникъ усмѣхнулся и замѣтилъ:

— Вѣрно Лемэмъ подслушиваетъ. — Онъ возвысилъ голосъ, чтобы тотъ его услышалъ.

Я думаю, что настоящая его фамилія не Лемэмъ, а вѣрѣ Quand mѣme.

— Это, кажется, девизъ Сары Бернарь? — спросила дѣвушка. — Я помню,

онъ вышилъ на занавѣсъ ея театра въ Парижѣ.

— Да, — она іудейскаго племени, — отвѣтилъ Широ.

— Я бы желалъ, — мечталъ въ слухъ поэты, отвалившись въ креслахъ и заложивъ нога за ногу, такъ что выше ботинка можно было видѣть не только черный чулокъ, но и что-то сомнительно-сѣраго цвѣта. — Я бы желалъ, чтобы рядомъ со мной на кровати ночью лежала женскій трупъ, притомъ женщины мнѣ близкой.

— Вы поклонникъ пекрофиліи? — сердечно спросилъ Лемэмъ.

Поэты посмотрѣли на потолокъ, и сказали: — Нѣтъ. Но... но я понимаю некрофиловъ. То шемяще болѣзненное чувство, что наплываетъ на...

— Въ самомъ дѣлѣ, — будьтъ! — сказала строга Марья Евстафьевна. — Мнѣ не нравится эта тема!

— Почему-же? — удивился Демидцевъ. — Неужели лучше говорить объ удушливыхъ газахъ, о Распутинѣ, о Шалишинѣ? Почему мертвые хуже живыхъ? Трупъ — бездушная оболочка, — только пустой ящикъ, изъ котораго все выпутило. Въ то-же время — это звено между великимъ духомъ и падалью. Оно осуждено уже на сгинуваніе. Но въ немъ еще кое-гдѣ юятся искры жизни, — какъ перебѣгающіе огоньки въ потухающемъ костре... Я зналъ одну женщину, которая умирала, въ агоніи, привлекла къ себѣ мужа...

— Оставьте! — воскликнула хозяйка. — Я рѣшительно противъ такихъ разговоровъ.

Демидцевъ замолчалъ, повернуль къ ней голову, потомъ встать, точно собирался уйти.

— Вы хотите перемѣны разговора? — спросилъ онъ, извольте, пусть тогда говорить другіе, а я замолчу.

И онъ сѣль опять на свое мѣсто, только положилъ сверху другую ногу и стала ею покачивать, что госпожа Бубенцова находила весьма грациознымъ жестомъ.

Вопѣль старый сенаторъ, Авениръ Леонтьевичъ Лещинскій-Лѣпихинъ, — крестный отецъ Нидіи подвижной, румяной, несмотря на свои годы, со сверкающей полировальной лысиной, вопѣль скленка прихрамывая на лѣвую ногу. Онъ поздоровался съ сестрами, подставляя имъ для поцѣлуя пладко выбритыя щеки и самъ цѣлую не ихъ, а воздухъ. Онъ быть какъ-то ихъ дядя, но почему дядя — и какой: двоюродный, или троюродный — этого никто не могъ опредѣлить. Только онъ указывалъ на одно:

— Я присутствовалъ при крещеніи всѣхъ тѣхъ сестеръ, и видѣлъ, какъ восприемники плевали на чорта, дули на него и заявляли: «отрекохся». И самъ плевалъ, когда крестили Нидію.

Это быть большой шансъ для него, и потому онъ говорилъ всѣмъ тремъ сестрамъ «ты».

Поздоровавшись, веселѣй и довольнѣй, какъ всегда, довольнѣй всѣмъ: и службой, и погодой, и племянницами, — онъ усѣлся на диванъ и спросилъ:

— Ну, какъ ваша чортова дюжина живаетъ?

Вопросъ этотъ онъ обратилъ прямо къ Лемэму. Тотъ, какъ будто удивился, и спросилъ:

— Почему «моя»?

— А чья же? Вѣдь вы ея инициаторъ? — Марья Евстафьевна обиженно остановила его.

— Нѣтъ, дядя, это моя идея. Я рѣшила, что цифра тринадцать должна фигурировать за нашими интимными ужинами, — вопреки суетѣю и предразсудкамъ.

— Ну, и испомѣать тебѣ, — сказалъ Лѣпихинъ.

— Господинъ Широ отрицаѣтъ мистическое значеніе этой цифры, — проговорилъ Лемэмъ.

— Полковникъ? Напрасно полковникъ! сенаторъ, все добродушно посмѣвалась. — Напрасно! Вы, значитъ, плохо освѣдомлены. Чортова дюжина теперь болѣе сила, чѣмъ когда-нибудь.

Слѣпецъ поднялъ голову. — Сила? Но чѣмъ?

— Сила, съ которой надо считаться. Здѣсь уже съ годъ, какъ образовалась, сорганизовалась банда. — Она живеть грабежами, или, какъ теперь прицято называть, экспроприаціями. Но мелочи участники ея не мараутъ руку, — но когда пахнетъ сотнями тысячъ, — они уже поводятъ носомъ. Говорять, эта банды называется «Чортовой дюжиной».

— Да, я обѣ этомъ слышалъ, — отозвался небрежно Лемэмъ. — Ну, что-же, они занимаются экспроприаціей имущества только миллионеровъ? — Нары министры градоначальники и администраторы грабятъ и выжимаютъ соки изъ обывателей, не считаясь съ ихъ имущественными ценностями, да еще говорять, что это долгъ службы.

— У Балентинскаго изъ квартиры похищено около девятисотъ тысячъ, — сказала Бернарь.

— Болѣе миллиона, — поправилъ его Лемэмъ.

— Я говорю, что мнѣ сказалъ слѣдователь, — объяснилъ Аleshъ.

Лемэмъ улыбнулся.

— Ему, конечно, и книги въ руки.

— Сваха говорилъ въ одной шесьтъ Островскаго, — проговорилъ сенаторъ, — что для нее все, что больше тысячи, то миллионы. Не всѣли равно, — девятисотъ тысячъ или полтора миллиона? — Во всякомъ случаѣ это уголовиціна, да еще контмаркай,

П. Гиѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочняковскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXVI.

РАЗГРОМЪ ЮВЕЛИРНОГО ДОМА ДЮБУА.

— Что же, нашли на слѣды похитителей? — спросилъ Лемэмъ.

— Нѣтъ, сдѣлано чисто, и всѣ слѣды замѣтены. Правда, нашлись кой-какія ин-ти...

— А какія?

— Дактилоскопическаго характера.

— А, я знаю, — радостно воскликнула госпожа «Бубенцовъ». — Это отпечатки отъ гравныхъ пальцевъ.

Лемэмъ покачалъ головой.

— Это плохая улика, — сказалъ онъ. Да вдѣланокъ, теперь въ Америкѣ, найденъ способъ перерождать ткани на концахъ пальцевъ.

— Такого способа нѣть, — раздался изъ угла голосъ. — Это сказалъ Широ. — Пробовали для этого брать азотную кислоту, но неудачно...

— Азотная кислота уже оставлена, — замѣтилъ Лемэмъ.

— Да, — продолжалъ слѣпецъ, — и вмѣсто нея попробовали примѣнить электричество. Даже просто усиленно терли концы пальцевъ баждакомъ и пемзой. Операция эта болѣзнина, и не даетъ — увы — должныхъ результатовъ.

— Вы заблуждаетесь полковникъ, — сказалъ Лемэмъ.

Полковникъ загадочно улыбнулся.

— Нѣтъ, я не заблуждаюсь. Сначала, правда, стираніе даетъ свои плоды и узоръ фибропъ слаживается. Но спустя поставить преступника въ невозможность продолжить

эти опыты, какъ природа совершає буквально чудо. По прошествіи недѣли на слаженныхъ мѣстахъ пропустить сперва еле замѣтно прежній рисунокъ. Потомъ онъ дѣлается все опредѣлѣнѣе и яснѣе съ каждымъ днемъ. И черезъ пятнадцать дней онъ фотографически-точно воспроизводить прежній узоръ сочетанія волоконъ. Искусственное стираніе только подчеркиваетъ желаніе преступника учить слѣды преступленія.

Сенаторъ кивнулъ головой, точно слѣпецъ могъ видѣть этотъ кивокъ.

— Да, я слышала то же, — сказалъ онъ.

— И кромѣ этихъ эфемеридъ — дактилоскопическихъ отпечатковъ — ничего не нашли? — продолжалъ допытываться Лемэмъ.

— Нѣтъ, нашли еще кое-что. Но вотъ что интересно. На ручкахъ несгораемой касы Баленицкаго, и на вещахъ квартиры Четвергова... На квартиру этого профессора вѣдь тоже была налеть... Слѣды есть пальцевъ оказались тождественны...

Лемэмъ улыбнулся. Иронически, зло улыбнулся.

— А на ассигнаціяхъ, что опечатаны судебній приставъ у Алексея Даниловича, не нашли такихъ-же слѣдовъ? — спросилъ онъ.

Сенаторъ выгнулся далеко впередъ губы.

— Это идея! — сказалъ онъ. — Я предложу, чтобы произвели изслѣдованіе.

— Ну, что-же, — и несомнѣнно найдутъ тѣ-же слѣды, — сказалъ слѣпецъ.

— А вы слышали, что произошло сегодня въ Морской? — спросилъ Лемэмъ, обводя глазами все собраніе и какъ будто желая

дать разговору новое направлѣніе. — Вы знаете, что разгромленъ ювелиръ Дюбуа?

Никто обѣ этомъ не зналъ.

— Налетъ произведенъ былъ необычайно смѣло и дерзко. Не думало, чтобы какіе-нибудь дактилоскопическіе снимки дали результатъ. Я могу передать вамъ тѣ подробнѣости, что завтра появятся во всѣхъ газетахъ.

— Но я знаю Дюбуа, — это очень почтенный человѣкъ! — воскликнула хозяйка.

— Очевидно, есть люди, что съ этимъ не считаются, — возразилъ пасмурливо Лемэмъ. — Если у этого почтеннаго человѣка много денегъ, — ихъ отбираютъ отъ него — въ видѣ золота, бумагъ или драгоценныхъ камней — безразлично.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, — какъ было дѣло, — торопила писательница.

Лемэмъ провелъ платкомъ по своимъ усамъ, какъ будто для того, чтобы видѣть были его алья, крупныя губы, остановилъ на шѣсътко секундъ глаза на Юстинѣ, какъ будто хотѣлъ узнать, а что она думаетъ и почему она такъ любопытно уставилась на него, и началъ.

— Вчера къ почтенному человѣку, какъ называлъ Дюбуа многоуваж. хозяйку здѣшняго дома, явился господинъ въ темныхъ очкахъ и съ рыжеватой бородой. Онъ отрекомендовался директоромъ какой-то кинематографической фирмы и сказалъ, что имѣеть надобность переговорить съ Дюбуа глазъ на глазъ. Дюбуа, человѣкъ осторожный, и всегда ходить съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ. Такъ привыто у ювелировъ всего міра.

— И чудесно дѣлаетъ, — одобрилъ сенаторъ.

— И чудесно дѣлаютъ, — подтвердилъ Лемэмъ. — Принялъ онъ посѣтителя въ отдельномъ кабинетѣ, куда ведутъ изъ магазина три ступеньки. Тамъ, подъ столомъ у него всегда лежитъ огромный догъ, похожій на тигра...

— Я знаю этого дога, онъ съ золотой

медалью, — сказалъ Алеша. — Его зовутъ Бобъ.

— Ну, вотъ видите — всѣ мои герои, окружается, знакомы слушателямъ. — Мары Евстафьевна знакома съ самимъ ювелиромъ

— Алексѣй Даниловичъ, — знаетъ его дога.

— Я люблю писать больше людей, — сказала Алеша.

— Дѣло вкуса. — Ну, вотъ, принесъ посѣтитель въ кабинетъ Дюбуа и началъ рассказывать. Фирма ихъ хочетъ поставить дѣло кино на широкую ногу. Хотятъ оно действовать чисто по-американски и привлечь къ своей работе крупнѣйшіе торговые дома столицы. Они хотятъ начать съ Дюбуа. — Старикъ вообразилъ-было, что ему собираются предложить пай въ предприятіи, началъ отказываться: онъ весь поглощенъ заказами по своему дѣлу и ему некогда разбрасываться. Но директоръ кино его успѣлъ: никакихъ денегъ и взносовъ имъ и надо. А только они хотятъ воспроизвести для ленты налеть экспресс-раторовъ на ювелирный магазинъ. Величайшая реклама для Дюбуа, чисто въ американскомъ стилѣ, — когда лента разойдется по всему міру, где будетъ запечатлѣть разгромъ его магазина. И наружный фасадъ, и онъ самъ, и всѣ его клерки будутъ фигурировать по всему свѣту...

— Тонко! — замѣтилъ сенаторъ. — Что же старикъ?

— Сначала онъ отмахивался, — говорилъ, что не надо. Потомъ логика директора въ очкахъ его начала побѣждать. Въ концѣ концовъ, онъ согласился, по согласованно, условно, обѣщать дѣлать етъ сегодня утромъ.

— Это интересно! — воскликнула писательница. — Правда, это интересно, антично?

Античной лежать въ кресль и, должно быть, воображать возлѣ трупъ любви женщины. Онъ не отвѣтилъ ни слова.

П. Гнѣдичъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бочановскаго, Н. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

ХХVII.

НА АДСКИХЪ КОНЯХЪ.

Лемэмъ продолжалъ разсказъ:

— На утро директоръ явился снова.

— Ну, что же, вы согласны? — Чортъ съ вани, — все равно! — Когда же? — Тогда сей часъ. — Я познакомлю васъ съ пятерыми изъ моихъ артистовъ; вы имъ покажете, какъ и что надо дѣлать. И сейчасъ же приступимъ. — Явились пять какихъ-то бритыхъ физиономій. А директоръ говорить: «Покажите, что собственно надо брать, гдѣ у васъ, самыя дорогія вещи, которыхъ клерковъ надо связывать? — Да скажите имъ, чтобы они только дѣлали видъ, что сопротивляются, а сами поддавались бы моимъ ребятамъ...»

— Ахъ, прохвости! — не выдержалъ сенаторъ.

— Такъ заразили господина Дюбуа, что онъ самъ началъ помогать и указывать. Появился фотографъ съ аппаратомъ, установилъ его въ углу. Къ магазину подѣхали два автомобиля. Директоръ говорить: «А вы бы вашею дуга посадили на цѣнь; собака глупа, она не понимасть, что все это имитация и начнетъ рвать моихъ актеровъ».

Собаку заперли въ чуланъ. Потомъ все надѣли маски...

— Чортъ знаетъ, что такое, — раздалось опять восклицаніе сенатора.

— Въ десять минутъ все было готово. Клерки перевязаны, самъ ювелиръ съ заткнутымъ ртомъ и связанными руками сидѣлъ въ креслахъ, и на него было наведено револьверъ. А потомъ все уѣхали въ автомобиляхъ и ушли пѣшкомъ. Аппаратъ съ фотографомъ исчезъ ранѣе...

— Ну, и что же? — спросила Марья Евстафьевна.

— Освободили ихъ только черезъ полчаса. Не только вещи, а и деньги изъ кассы оказались взятыми. Несгораемый шкафъ въ кабинетѣ, почему-то отворенный Дюбуа, очищены тоже... Дали знать въ сыскное... Но, конечно, пока ничего не нашли.

— Но кто же вамъ это разсказывалъ? — спросилъ Берениковъ.

— Самъ Дюбуа. Я былъ въ магазинѣ часа черезъ три послѣ налета. Я пришелъ за старой брошью, что отдать въ починку недѣлю назадъ. Она оказалась тоже похищенной. Дюбуа извинялся, разводилъ руками, уѣряль, что, если найдутъ грабителей, отдастъ немедля...

— Такъ вы что же думаете? — спросилъ Берениковъ, — что это дѣло опять-таки «Чортовой дюжинѣ»?

— Что жъ, это весьма возможно, — точно раздумывая, отвѣтилъ Лемэмъ, остановивъ свой взглѣдъ на Юстинѣ.

— Это навѣрно такъ, — подтвердила та.

— А не все ли равно: одна ли шайка совершаеть разбой, или много есть такихъ висѣльниковъ? — спросилъ слѣпецъ. — Важно то, что развелась эта пѣсень, что стали грабить нагло, открыто, среди бѣлага дна. Виноваты мы сами нашимъ инертнымъ, пассивнымъ отношеніемъ ко всему окружающему.

— Да, да, мы все пассивны! — пролепетала писательница.

— Но, повторяю, — сверкнувъ своими крѣпкими зубами, заговорилъ Лемэмъ, — эти экспроприаціи направлены исключительно противъ богатѣйшихъ представителей буржуазіи и правительства. Частной гражданской собственности грабители не трогаютъ.

— Однако, на профессора Четвергова нальть быль? Онъ, кажется, не буржуа и не капиталистъ? — спросила Марья Евстафьевна.

— Что же у него взяли? Хотѣли отобрать часы, да и тѣ возвратили... Тогда какъ господину Дюбуа...

Лемэмъ съ презрительной усмѣшкой подчеркнулъ конецъ своей рѣчи.

— Господину Дюбуа едва ли удастся возвратить то, что у него ограблено. Нынче экспроприаторы не такъ наивны, какъ прежде: они не прятутъ накраденное въ подвалы или среди могиль на кладбищахъ. Повѣрьте, уже крупнѣйшіе бриллианты вы-

нуты изъ оправъ и съ какимъ-нибудь изъ вечернихъ поѣздовъ уносятся далеко отъ столицы, защищены въ полы слѣпинъ, старообрядческаго вида, добродушныхъ пассажировъ, вздыхающихъ и творящихъ ежеминутно крестное знаменіе.

— Такъ что вы видите въ партіи этихъ мерзавцевъ чисто политическое направление? — спросилъ сенаторъ.

— Не политическое, ваше высокопре восходительство, — полунасмѣшило поправилъ его Лемэмъ, — а скорѣе соціальное. Да, тутъ соціалистические принципы проводятъся красной нитью... Мы вообще наканунѣ большихъ, крупныхъ событий, и вопросъ объ экспроприаціи вещей у известныхъ ювелировъ — вопросъ спорный. Подходитъ ли это къ категоріи грабежей на большихъ дорогахъ, или во всемъ этомъ есть какая-то идеяная подкладка? Общественная жизнь не только у насъ, а и во всей Европѣ втиснулась въ ложную колею. Война, что переживаемъ мы, не поможетъ народамъ освободиться отъ этихъ путь...

— А вы бы свою мысль облекли въ болѣе члобопонятную форму, — предложилъ сенаторъ.

Часы ударили половину десятаго. Марья Евстафьевна шепнула Ницѣ:

— Какъ сегодня собираются поздно.

— Извольте, — проговорилъ Лемэмъ и выпрямился. Онъ забралъ въ широкую грудь побольше воздуха, чтобы не прерывать дыханья при длинныхъ періодахъ рѣчи, и, какъ опытный ораторъ, приготовился говорить.

— Мы, — началъ онъ, — летимъ въ какуюто преисподнюю. Какіе-то адскіе кони, дыша

щіе пламенемъ, влекутъ насъ на колесницахъ Плутона въ мрачный Аидъ, какъ никогда влекли Прозерпину...

Широ поморщился. Онъ не любилъ, когда говорилъ Лемэмъ. Отшлифованныя завершенныя фразы, громоздясь одна на другую, возводили передъ слушателями, чѣлѣй, узорный замокъ, зловѣшій, ужасающій. Въ малеръ оратора было то, чѣмъ щеголали когда-то идеиніе романтики. Они пугали демоническими образами слушателей. Какъ сказочные зѣви на башняхъ средневѣковыхъ соборовъ, эти угрозы сидѣли по карнизамъ, оберегая всѣ ходы и выходы отъ проникновенія туда свѣтлой мысли. Съ одной стороны, всѣ колонны, всѣ своды неслись кверху, говорили о небѣ. Разноцѣнія круглые розетки алтарей, окрашивавшіе въ радужные цвета дымъ кадиль, напоминали фантастический рай, органъ звучалъ неземными звуками. Съ другой — искривленные образы, скрученные гримасы, горбатыя страшилицы въ судорогахъ, — напоминали бѣдному человѣчеству о мірѣ страданій и вѣчныхъ муки. Съ одной стороны — кроткій ликъ Распятаго на крестѣ; съ другой — свирѣпая инквизиція, таинственная, всесожигающая, безпощадная...

У Широ связалось представлѣніе о Лемэмѣ инквизиторѣ, о Лемэмѣ — Игнатіи Лойолѣ. Онъ видѣть неискренность въ его словахъ, но не могъ не склониться передъ той внутренней силой, которая иногда въ нихъ чувствовалась. И тѣмъ внимательнѣе онъ приготовился теперь его слушать, не желая проронить изъ его рѣчи ни слова, уставившись позрачими глазами въ оратора.

— Есть указанія, — продолжалъ Лемэмъ, — что пиръ Валтасара приходитъ изъ конца. — Уже слышны роковые шаги...

Н. Гнѣдичъ.

(Продолженіе вѣдущего).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. О. Бончевскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XVII.

ДВѢ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ.

Юстина вспомнила о Немецкой, о которой говорилъ членъ паззажъ мужъ ея сестры. — Какъ странно, что онъ сошелся въ мысляхъ съ Лемэномъ? Только онъ говорилъ въ томъ поплють стигъ, какъ привыкъ говорить въ своихъ застѣданіяхъ, — а Лемэмъ говорить опредѣленными, красочными образами. По крайней мѣрѣ, ей казалось, что этотъ странный, удивительный человѣкъ говорить красочно.

— Мы наканунѣ того переворота, что разсуетъ вамиъ Йоаннъ Богословъ, въ спасень «Ангелами», — продолжалъ Лемэмъ.

— Дѣвочку солгала на святое именіе, — улыбаясь, шепнула слѣпецъ, но такъ, что Юстина слышала и недовольно погнула плечами.

— Помните, — говорить ораторъ, — ту катастрофу, что рисуетъ имъ Йоаннъ? Прежнее небо скрутится въ трубку и откроется новое. Горы свинутся съ своего мѣста. Цари укроются съ престоломъ въ уединенный мѣстъ. И съ востока раздастся призывъ къ тѣмъ, кому дана власть вредить на моряхъ и на сушѣ: «Остгаровитесь!» — Но люди не послушаются этого оклика. И тогда изъ бездны выйдеть извѣръ, и умерщвленные имъ, непогребенные трупы будутъ гнить по всему миру... И день этотъ близокъ. Повторяю: ширь Валтасаровъ приходитъ къ концу, — все взѣщено, сѣбѣено и разѣблено.

Онъ холодно и мрачно посмотрѣлъ на присутствующихъ. Демидцевъ этому не шокировалъ, онъ закачалъ ногой и началъ смотрѣть на конецъ своей ботинки. Бубенцовъ вздыхала, сенаторъ морщился, Алешиа пытливо пронизывала Лемэма глазами круглыми

глазами. Юстина вся насторожилась, выпрямилась и душой была гдѣ-то далеко, далеко отъ этой гостиной. Нидія смотрѣла на капитана, — и беспокойная мысль за его участіе дѣлала ее разнодушной ко всему окружающему. Хесзайка вздѣла, какъ всегда, изъ джинсовыхъ деревянныхъ синицъ какую-то полосу. Лицо слѣпца было холодно и спокойно.

— Надо готовиться къ ужасной катастрофѣ, — закончилъ Лемэмъ. — Всѣ эти налеты, экспроприации, — все это предвестники будущаго. И единственное успокоеніе, единственный выходъ для людей — глубокое, бесповоротное проникновеніе въ оккультизмъ и очищеніе своей души...

— Да, очищеніе души! — повторила имателъница.

— А пока очищаютъ кассы ювелировъ, — настыдливо сказала сенаторъ.

Марыя Евстафьевна на него укоризненно посмотрѣла. А Лемэмъ съ наготою и прыжкомъ повернулся къ нему свое красное лицо.

— А пока очищаютъ кассы ювелировъ, — подтвердилъ онъ.

— А какъ-же во вспышку мы должны подготовить себя къ катастрофѣ? — спросила Юстина, и голосъ ея зазвѣнѣлъ.

— Люди должны сплотиться. Мы есть — соучастники скорби, какъ говорить апостолъ, — извѣчно заговорилъ Лемэмъ, — Мы должны заставить себя больше подобить другъ друга. Мы должны забыть распри, должны забыть личности. Мы должны сдѣлаться въ одинъ неразрывный клубокъ, какъ мудрые зѣбы сплетаются, чтобы упорно противостоять змѣямъ ходокамъ.

— Зѣбы любить другъ друга болѣе, чѣмъ люди себѣ подобныхъ, — сказть точно про се-

бя, но на этотъ разъ громко сказть слѣпецъ.

— Будемъ, какъ зѣбы! — подтвердила Лемэмъ.

Алешиа внезапно встала и подошла къ нему.

— Послушайте, — твердо сказала онъ, неожиданно самъ для себя. — Мнѣ кажется, что съ изъкоторыхъ поръ я прикованъ какой-то цѣнью, измѣнническими, подио... Ето-то на менѣ наложила эту цѣнь...

Лемэмъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ вами? — спросилъ онъ. — Я вѣдь не понимаю?

— Что со мной? — удивился Алешиа самъ на себя. Но точно исполнена чью-то волю, смотрѣла прямо въ глаза Лемэму. Онъ повторялъ какія-то слова, что внушены были со стороны, онъ повиновался какой-то силѣ. Но радъ быть, что началь въ себѣ силы появляются.

— То, что вы сейчасъ говорили, — продолжалъ онъ, — изъберъ фразъ. Все это глупо и приподнято. Дѣло не въ этомъ...

Нидія изумленно смотрѣла на него. Онъ никогда позволялъ себѣ выходки, но все это было въ извѣстныхъ предѣлахъ. Теперь это выходило изъ всякихъ границъ.

— Вы сказали, — продолжалъ Алешиа, — что я перво настроить эти события по-сѣднику днѣй сдѣлали менѣ невѣдѣмымъ. Да, можетъ быть, до извѣстной степени вы правы. Но можете ли вы поклясться Всемогущемъ Богомъ, что во всемъ происходящемъ вы не виноваты, и что та наутина, что опутываетъ вокругъ менѣ, появляется безъ вашего вліянія?

Лемэмъ нѣсколько побѣгѣлъ. Онъ напрягъ въ узелъ своихъ внутреннихъ скрытыхъ силъ, чтобы противостоять открытымъ напору, и насколько могъ спокойнѣмъ голосомъ проговорилъ:

— Вы съ ума сошли! Пойдите, выпейте воды и спомнитесь!

Но Алешиа стоялъ неподвижно передъ нимъ.

— Я не сумасшедший, — продолжалъ онъ. — Я прекрасно сознаю все, что вокругъ менѣ. И я зижу гораздо болѣе, чѣмъ думаете

вы. Я вижу всѣ нити интригъ, который плетутся вокругъ менѣ.

— Алешиа, опомнишь, что ты говоришь! воскликнула Нидія.

— Опь совсѣмъ болѣть, — замѣтила Мэри, — и отложила въ телефонъ вязанье. Юстина, вся трепещущая, съ похолодѣвшими пальцами уставилась на говорившихъ.

— Вы должны прекратить вашу игру, — продолжалъ Алешиа, точно не слыша тѣхъ возгласовъ, что были обращены къ нему.

— Вы должны болѣе того: распутать тѣ узлы, что затянуты кругомъ. Я этого хочу, я этого требую. Я вижу, какъ испуганно смотрѣть на менѣ Мэри. Въ ея чинной гостиной и, также всегда чинно державшись, вдругъ патинало говорить въ такомъ повышенномъ тонѣ? Что дѣлать, Мэри! Такъ надо. Я должна это сказать и сдѣлать, и я никакой въ этомъ не распланировалась. — Ну-съ, господи Лемэмъ, — я жду отъ васъ отвѣтъ?

Лемэмъ поднялся съ кресла.

— Я помагаю, — заговорилъ онъ, — оставаться дольѣ здѣсь, въ этомъ домѣ, мнѣ неудобно? Завтра я буду имѣть честь...

— Прислать мнѣ секундантовъ? засмѣялся Алешиа. — Я ихъ не приму, — потому что дратиться съ вами не буду. Мнѣ уже памѣкали здѣсь на то, что между нами будетъ дуэль. Я тогда стринула всякую возможность ея, — и подтвердила это теперь.

— Я совсѣмъ не то хотѣть сказать, — перекашивая лицо и обнаживая щеки на шеѣ, который покрасилъ до синѣ поры скривился, воразилъ Лемэмъ. — Я хотѣть сказать, что завтра...

— Мнѣ рѣшительно все равно, — грубо перебилъ его Беренниковъ, — мнѣ рѣшительно все равно, что вы стѣлаете завтра. Но я требую, чтобы выполнили то, что я требую...

Юстина подошла къ кузену.

— Вы извинитесь сейчасъ-же передъ Лемэмомъ, — строго сказала она. — Вы извинитесь передъ сестрой и нами.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. В. Бочановскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XXIX *).

НОЧНОЙ ВАГОНЪ.

— Вы извинитесь сейчасъ-же передъ Лемэмомъ,—строго сказала Юстина.—Вы извинитесь передъ сестрою и нами.

Опь съ ульбкой покачать головой.

— И не подумаю,—сказалъ онъ, опускаться на свое мѣсто, въ кресло.— Оставьте, Юстина, меня въ покой.—Васъ не касается то, что я знаю, что я чувствую, и что знаетъ Нидія: видите, она молчить. А Мери... Берите примѣръ съ нею: все кипитъ въ ней, но она сдерживается...

— Признаюсь,—я удивлена...—начала Мери.

— Странно, если бы вы не были удивлены—сказалъ онъ.

Демидцевъ подошелъ къ Лемэму.

— Я вамъ сочувствую,—напряженнымъ голосомъ заговорилъ онъ, глядя не на нее, а куда-то въ стѣну.—И если уйдете вы, уйду и я.

Лемэмъ взглянула вопросительно на ходжаку.

— Я извиняюсь передъ вами за Алешу,—сказала Мери.—Онъ такъ разстроенъ.

— Пожалуйста, Мери! извиняйтесь за меня,—предупредилъ Алеша.—Я хотѣть это сказать, я сказалъ, не раскаиваюсь и не беру назадъ ни одного слова.

— Въ такомъ случаѣ, я ухожу,—сказалъ Лемэмъ, и протянула руку ходжаку.

— Нѣть, я не прощаюсь съ вами, сядьте,—сказала она.

— Я ухожу,—твѣро сказалъ онъ.

— Да, вы уйдете,—подтвердила Юстина.

— Вы уйдете,—какъ отдаленное эхо повторилъ Широ.

Лемэмъ съ чувствомъ поцѣловала руку Мэри, сѣѣла общий полупоклонъ, и ровной походкой направился къ ивери. Поѣзъ,

раскачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ, двинулся вслѣдъ за нимъ.

— Куда вы, Антиой?—простонала Бубенчкова.

Когда Лемэмъ вышелъ съ поэтомъ изъ подъѣзда дома, где жили Верхоплавцевы, пѣнчивый молодой человѣкъ спросилъ:

— Вы куда?

Лемэмъ хотѣла отѣлиться отъ него, и потому отвѣтила:

— Я въ Царскoe. Тамъ почую.

— Хорошо. Я провожу васъ до вагона.

Они пошли молча. Ночь была напрѣзлеемъ очаровательна. Спѣгъ скрипѣлъ, мѣсяцъ заливалъ молочнымъ серебромъ громады домовъ. Дымъ, какъ привидѣнія, кучился и повисалъ надъ крышами. Рѣдкійѣздокъ и прохожій свидѣтельствовали о томъ, что Рождество еще не наступило и святочные праздники—лучшее время панинѣ сѣверной зимы—еще далеки. Лемэмъ сосредоточенно ступала, уйдя до носа въ бѣлый воротникъ пальто. Онъ былъ взбѣшенъ всѣмъ происшедшемъ, но не хотѣла показать этого передъ тѣмъ недоноскомъ, что шагалъ въ ногу рядомъ съ нимъ. Мимо бѣхъ, звени и труба, пронеслись пожарные. Они дошли до Загороднаго проспекта и повернули къ вокзалу. На поворотѣ Демидцевъ вдругъ проговорилъ:

— Да...—потомъ, помолчавъ, добавилъ:

— Вы ночуете въ Царскомъ?

Лемэмъ отвѣтила, что ночуетъ.—«Что онъ точно слѣдить за мной?»—подумалъ онъ, и опять погрузился въ свои мысли, точно не замѣчая своего спутника.

Когда они пришли на вокзалъ,—онъ взялъ билетъ, и поѣзъ внимательно смотрѣлъ, какъ кассиръ давалъ Лемэму сдачу. Швейцарь сказалъ, что осталось до отхода поѣзда пять минутъ, и поднялъ ихъ на лифтъ. Они вышли на платформу передъ самыми отходочами. Лемэмъ спешно поднялъ пе-

редъ спутникомъ шляпу, и вошелъ въ задний вагонъ. Прежде, чѣмъ онъ открылъ двери изъ коридорчика въ пассажирское отдѣленіе, поѣздъ уже тронулся.

Въ вагонѣ сидѣло двое. Какая-то старушка, съ необычайнымъ количествомъ покупокъ, и какая-то дама, лица которой не было видно, такъ какъ освѣщеніе вагоновъ здѣсь скучное. Онъ сѣлъ на диванъ у свободного окна и видѣлъ, какъ побѣжали мимо огни фонарей и темные столбы павѣса надъ неуклюжей платформой. Голубые просвѣты дѣственія снѣга мелькали на откосахъ канала.

Вдругъ неясная женская фигура зашевелилась, и спросила:

— Лемэмъ, вы?

Онъ узналъ: это была Ольга Федоровна. Онъ перешелъ къ ней, поздоровался, и сѣлъ противъ нея. Она сказала, что забѣжалъ къ нему, что у нея слышишое дѣло.

— Въ среду вѣсъ ждуть,—сказала она. «Ага!»—точно сказали его лицо, «наконецъ!» Но было темно, голосъ его былъ такъ ровень. Онъ переспросилъ:

— Въ среду? Хорошо.

— Я хотѣла непремѣнно переговорить съ вами до вашего приѣзда,—начала она.—Это очень важно и нужно.

Она покосилась на копошившуюся фигуру старушки, что-то бормотавшую про себя, и понизила голосъ.

— Необходимо составить программу, согласно которой надо говорить и дѣйствовать,—проговорила она.

— Вы боитесь,—по-англійски возразилъ онъ, и въ голосъ его послышалась насмѣшка,—что я недостаточно тактиченъ, и могу дѣйствовать только по извѣстной указкѣ?

— О, не то!—воскликнула она.—Вы достаточно тактичны и смѣлы (она назвала его «bold-man», что, пожалуй, больше, чѣмъ смѣлый человѣкъ).—Но надо дѣйствовать осторожно. Малѣйшій опрометчивый шагъ можетъ повести къ гибели.

— Да къ гибели все и идетъ,—замѣтилъ онъ.

— Нѣть, еще не все потеряно, хотя вокругъ формируются кружки и компліты. Необходимо вести дѣла въ извѣстномъ направлѣніи. Единственное, что можетъ задержать и отдалить катастрофу,—оккультизмъ. Мистицизмъ уже весь исчерпанъ, все при-

ходить къ концу. Завтра утромъ вамъ необходимо видѣться.

Онъ подумалъ.—Завтра? Хорошо. Ровно въ два я буду у ювелира Дуба. Вы спасете его?

— Ну, еще бы,—онъ придворный. Правда, что сегодня его разгромили?

— Кажется. Ихъ говоримся о дальнѣйшемъ: какъ, где и когда мы увидимся. До двѣнадцати я вѣнчать. Естѣ, не слыхали ли вы случайно о полковнике Широ?

Она повторила фамилию: — Широ? Широ?.. Что-то такое знакомое... Широ? Гдѣ, когда... Поговорите...

— Онъ сѣлъ. Седьмь сѣлъ.

— А!—воскликнула она.—этотъ! Знаю, знаю... Это неизвѣданныя, таинственная личность. Онъ появился здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?

— Въ Петербургѣ... въ Петроградѣ, называйте, какъ хотите... Онъ появился отъ куда-то съ юга. Онъ оккультистъ. У него были рекомендательные письма отъ очень высокопоставленныхъ особъ изъ-за границы. Онъ свободно, какъ по-руски, говорить по-немецки, и живетъ доно въ Потсдамѣ. Но здѣсь онъ очень остороженъ, и избѣгаетъ высшихъ круговъ. Я его видѣла раза два...

— Вы говорите: это таинственная личность?

— Мнѣ такъ говорили про него. Не то это шпионъ, не то ученый. Я даже не знаю,—слыши-ли онъ, не притворяется ли только. Вѣроятно, мнѣ говорилъ ему оккультистъ Дубичъ, — вы знаете профессора Дубича?—что у него вырѣзаны хрусталики въ глазахъ, и онъ ничего абсолютно не видѣтъ.

— Можетъ, Дубичъ только кажется, что у Широ хрусталики вырѣзаны?—спросилъ Лемэмъ.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, его надо остерегаться, и пальца ему въ ротѣ не класть, какъ говорилъ старецъ.

П. Гнѣдичъ.

Въ завтрашнемъ номерѣ главы П. П. Гнѣдича и И. И. Потапенко).

*) Во вчерашнемъ № глава XXVIII ошибочно помѣчена XVIII-ю.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверченко, В. В. Бодиевскаго, Д. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, И. Некирсевича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Въ Петроградѣ орудуетъ зага дочная организація «Чортовой дюжинѣ». Еще неясныя путь ведутъ къ этой шайкѣ авантюристовъ, прызывающихся отчасти оккультными интересами, и отъ странной смерти архитектора Баленицкаго (можетъ быть, и оставшагося въ живыхъ), и отъ миллиардного разгрома одного изъ капитальнѣйшихъ ювелирныхъ магазиновъ столицы. Въ одномъ изъ свѣтскихъ домовъ наложивается своеобразная слѣжка за лицомъ, повидимому, стоящимъ во главѣ организаціи и именующимъ себя Лемемомъ, натурой безспорно одаренной, хотя и явно преступной.

XXX.

— А что старецъ шодѣлъ? — поинтересовался Лемемъ.

— Онь пить больше, чѣмъ надо.

— Онь кончить плохо и скоро.

Ольга Федоровна беззлойно посмотрѣла на него.

— Вы думаете?

— Я говорю вамъ наскрѣно.

— А почему вы спросите меня объ этомъ дѣлѣ?

— Я сейчасъ видѣлъ его. Онъ показался мнѣ подозрительнымъ. Завтра я о немъ поберу справки.

— Онь живѣть замкнуто. А что толькъ аркаѳтеръ, что быть убить, и котораго тѣлько другъ исчезъ?

Лемемъ улыбнулся.

— Да пока ничего, все тоже. Деньги разнышили, тѣла найти не могутъ.

— Да самъ ли покойникъ ушелъ? Говорить, это бываетъ?

— Бываетъ. Весьма возможно.

— Выѣрите и въ такую возможность?

— Я всему вѣрю. Теперь вѣкъ всякихъ возможностей. То, что вчера казалось дикимъ, невѣроятнымъ, сегодня оказывается совершившимся фактамъ. Люди просыпаются отъ своей сначки, и рѣшаются дерзать. Да, они дерзаютъ. Черезъ годъ, если мы встрѣтимся съ вами...

— А почему бы намъ и не встрѣтиться?

— О, годъ по нынѣшнему времени очень длинный срокъ. Всё можетъ измѣниться. Можетъ быть, черезъ годъ не будетъ ничего на этомъ мѣстѣ: ни Царскаго, ни Петербурга.

— Что вы за ужасы пророчите! — воскликнула она.

— Черезъ годъ, — продолжать онъ, — вы вспомните мои слова, и увидите, что я былъ правъ. Все будетъ новое. Придуть другие люди. Другое право будетъ властовать надъ нами. Стѣнцы прозрѣть, пѣмы будуть говорить, разслабленные вѣснуть подъышки свои постели, и пойдутъ съ ними по улицамъ. Камни начнутъ говорить, а люди притаятся и замолчатъ.

— А что же, лучше будетъ, или хуже? — спросила она.

— Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, — кто это сказать? — спросилъ онъ, и, вставъ, началъ застегивать свое пальто.

— Куда вы? — удивилась она.

— Сейчасъ «Рогатка», — я здѣсь сойду, — сказалъ онъ, цѣлуя ея щекатку. Струпинка все чѣто-то копошилась въ углу.

Пойдѣть шель тише, и клубы дыма, что неслись мимо оконъ вагона, куда-то пропали.

— До завтра, — сказалъ онъ, и приблизился: — Запомните нашъ сегодняшний разговоръ. До завтра!

Онь вышелъ изъ вагона на платформу бѣленькой каменной станціи. Пойдѣть свистнула, и тронулся дальше. Нѣмая зимняя ночь, съ высокой луной и серебряными узоромъ звѣздъ, смотрѣла на землю съ высокаго морознаго неба...

П. Гиѣдичъ.

XXXI.

БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ.

Выходка Алексѣя Даниловича и вынужденный уходъ Лемема произвели на оставшихся въ дому Верхолѣгавцевыхъ хозяекъ и гостей гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ это казалось, можетъ быть, даже имъ самимъ. Уѣхѣхъ явилось желаніе замолчать происшедшее, и каждый испытывалъ болѣзнь, чтобы кто-нибудь не вѣдѣлъ, обсудить поступокъ Береникова и покеденіе Лемема. Всѣ чувствовали, что это могло бы повести къ непрѣятному обострѣнію разговора, а больше всѣхъ боялась этого Марья Евстафьевна, всегда мужественно

стоявшая на стражѣ выдержанной корректности своихъ вечеровъ.

И она, не желая дать короткому молчанию разрастись въ долгую и опасную паузу, торопливо, не останавливаясь на выборѣ, предложила обществу первую попавшуюся тему: правда-ли, что изъ Царска на-дѣвахъ прѣдуть какіе-то парламентскія сѣти для важныхъ секретныхъ политическихъ переговоровъ?

На тему откликнулся сенаторъ Лещукъ-Липинкинъ, считавшій, что важный санъ обязываетъ его быть компетентнымъ въ политикѣ. Но, въ качествѣ консерватора, хотя и умѣршаго, ко всему, что «изъ Назарета», т. е. изъ парламента, онъ не моргъ отнесись иначе, какъ съ легкимъ налетомъ скептицизма. Въ такомъ толькъ онъ и повѣль даже ему самому, слова о пагубной расшатанности политической мысли, о нашемъ будущемъ вѣкѣ, когда отсутствуютъ сильные люди, способные твердо держать въ рукахъ бразды, направляя ту самую болесницу, о которой здѣсь недавно такъ тужило говорили, къ всеобщему благу.

Дѣдъ-сенаторъ при случаѣ уѣхѣть красные слова, но роковыи образомъ всегда впадать въ прошисныи обѣзъ тѣста. И Береникову ужасно хотѣлось заставить его замолчать, и притомъ какимъ-нибудь необыкновеннымъ способомъ, и, хотя бы погоды къ нему и закрыть ему ротъ жадные, или сказать: «Вы бы лучше съѣли какъ-точкъ, ваше высокопреходительство...»

Но тутъ онъ почувствовать, что озлобленность его притищаетъ опасные размѣры, и испугалась самого себя. Пожалуй, потеряетъ власть надъ собой и выкинетъ что-нибудь нечоправичное.

Тогда онъ побѣжалъ и выѣхѣть въ соѣднюю небольшую комнату. Но и здѣсь еще

видѣть это же она потребовала, чтобы онъ извѣтился передъ этимъ господиномъ. Она трепещетъ передъ нимъ, его особы для нея — какал-то неприкосновенная святиня. И никто не приналъ его сторону, никому не захотѣлось даже признать во вниманіе его особое душевное состояніе. Всѣ увидѣли въ его словахъ только нарушение установленныхъ светскихъ формъ. Даже Нидъ...

Ему стало шестерикомъ больно, когда отчѣдь въ его памяти дошла до дѣвушки, которую онъ любилъ. Вѣдь и она не нашла ничего другого, какъ пригласить его «опомниться»...

И въ то время, какъ онъ мучился этими мыслями, въ ушахъ его раздавались, произносимыя сенаторомъ, какая-то неизуѣтная даже ему самому, слова о пагубной расшатанности политической мысли, о нашемъ будущемъ вѣкѣ, когда отсутствуютъ сильные люди, способные твердо держать въ рукахъ бразды, направляя ту самую болесницу, о которой здѣсь недавно такъ тужило говорили, къ всеобщему благу.

Дѣдъ-сенаторъ при случаѣ уѣхѣть красные слова, но роковыи образомъ всегда впадать въ прошисныи обѣзъ тѣста. И Береникову ужасно хотѣлось заставить его замолчать, и притомъ какимъ-нибудь способомъ, и, хотя бы погоды къ нему и закрыть ему ротъ жадные, или сказать: «Вы бы лучше съѣли какъ-точкъ, ваше высокопреходительство...»

Берениковъ, скрестивъ по-ланполевски руки на груди, что при его фигурѣ было не лишено комизма, зашагалъ по комнатѣ.

слишкомъ чуялась близость «враговъ», быть соблазнѣть вернуться, и онъ прошелъ дальше, въ довольно большую и пустынную залу. Тутъ ему сразу стало хорошо, но не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ примирился, неѣть, хорошо стало именно его раздраженію и злости, — они могли вольно бушевать, безъ помѣхъ и не стыднѣясь взглядами, читающими въ глазахъ и заливающими въ душу.

Въ залѣ былъ полумракъ. Марья Евстафьевна, хотя и не стыднѣлась въ среѣствахъ и расходовала ихъ довольно щедро, все же прідергивалась, какъ она говорила, «принципиальной экономіи», и въ дѣлѣ, несмотря на присутствіе гостей, огни зажигались только въ тѣхъ комнатахъ, которыхъ въ данный моментъ были нужны. И зала была тусклѣ освѣщена изъ соѣднѣй комнаты. Эръ тоже соотвѣтствовало изѣстроенію Алексѣя Даниловича. Мебель здѣсь была несложная. Стулья стояли у стѣнъ, сдѣлать уютъ быть занятъ длинными концертными роялемъ, то покрывающей его шелковая голубая ткань свидѣтельствовала, что онъ здѣсь играетъ роль обязательной деморгіи, и компортовъ изъ леня не даютъ.

Берениковъ, скрестивъ по-ланполевски руки на груди, что при его фигурѣ было не лишено комизма, зашагалъ по комнатѣ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверчелко, В. О. Бецяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXXI.

Алеша былъ не правъ въ своихъ приговорахъ. Оставшись въ гостиной, сестры думали именно о немъ, конечно, каждая по-своему. Но въесь очень слабо воспринимали красноречивые доводы сенатора, Марыя Евстафьевна — та еще отъ времени до времени подавала ничего не значащія речи, вродъ: «Да?» «Вы полагаете, я-да?» «Я никакъ этого не думала», а Нидія и Нидія молчали.

Ушерно молчалъ и Широ. На его замкнутомъ, какъ закрытая книга, лицѣ лежали глубокія тѣни. Казалось, онъ испытывалъ какое-то душевное страданіе. Но въ его неподвижныхъ глазахъ никакой мудрецъ не прочиталъ бы малѣйшаго намека на характеръ мыслей, вызванныхъ прошлымъ.

Только Бубенцова, казалось, ничего не почувствовала и не поняла. Единственное, что ее во всемъ этомъ тронуло и близко коснулось ея души, это отсутствіе поэта, ни съ того ни съ сего увязавшагося сопровождать этого мага. Но расчету выходило, что провожать ее домой, пожалуй, придется сенатору, а въ этомъ она не видѣла ничего забавнаго.

Прошло минутъ пять послѣ того, какъ изъ гостиной вышли Берениковъ. Нидія мучилась неясными, но тѣмъ болѣе тяжелыми мыслями. Для нея было несомнѣнно, что Алекseyъ бѣжалъ изъ гостиной неспроста, она смутно чувствовала, что тамъ, за нѣсколькими стѣнами, зреТЬ какая-то драма, которая ближе всѣхъ касается ея, можетъ быть — только ея. Это она почувствовала еще въ тотъ моментъ, когда Берениковъ поднялся, и ей хотѣлось послѣдовать за нимъ. Но она признала это «неудобнымъ», а теперь упрекала себѣ. Вѣдь онъ можетъ тихонъко уйти совсѣмъ и Богъ знаетъ чего надѣлать.

Мэри слегка щоднала голову отъ своей работы и пытливо взглянула на нее. По побѣдившимъ щекамъ, по горящимъ взорамъ, она поняла, что бѣдной девочкѣ

далъгійшее соблюденіе приличія невмоготу, и тихо, чутъ замѣти, медленно, кивнула головой. Нидія посмотрѣла на это, взглянула на добрый совѣтъ, и вѣдь на подсказку изъ добрый совѣтъ, осторожно поднялась и вышла.

Не найдя въ соседней комнатѣ Береникова, съ превозно бьющимся сердцемъ, она приблизилась къ залѣ и остановилась въ дверяхъ.

— Алеша, что съ вами?

Онъ подошелъ къ ней и схватилъ ея руки.

— Нидія... Если бъ ты знала, какъ необходимо ты мнѣ сейчасъ...

— Но я же здѣсь, Алеша...

— Пойдемъ, сядемъ вонъ тамъ... Нѣть, лучше будемъ ходить... Дай мнѣ руку!.. Пойми, — говорилъ онъ, съ усилиемъ сдерживая свой подъборъ, когда они, рука объ руку, ходили по залу. — Пойми... Конда въ душѣ встрѣтились четыре вѣтра и рвутъ ее на части... И человѣкъ одинъ, не на кого ему опереться... Противъ него все...

— Какъ? И я? Алеша, ты это могъ думать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ?

— Теперь уже не думаю.

— Но въ чёмъ же дѣло? Чѣмъ случилось? Неужели это... Вотъ эта ничтожная сцена?

— Ахъ, нѣть... Боже мой... Нѣть, это только эпизодъ. Но, видиши ли, мы живемъ въ какой-то преступной беззечности... Да, очень мило проводимъ время... Вечера... Лягушки... Сеансы... А между тѣмъ, — я это вѣдь только-что понялъ... Между тѣмъ я близокъ къ піебеню...

— Ты съ ума сошелъ!.. Какъ ты можешь это говорить!

— Словъ не пугайся, Нидія, не въ нихъ дѣло. То, что я сказаъ сегодня этому... Ну, все равно... Это было результатомъ каког-то наитія. Да, и мнѣ попытно вѣдь изумленіе, даже, пустъ, погодовавіе. Пожалуй Богъ, — Алеша, милый, легкій, скользящій по поверхности вѣщей и мыслей, и вдругъ... Но нужно тебѣ знать, что Алеша уже не такой, — не скользящій, не лег-

кий... не милый. Я улучшился... Да, за это вѣдь пять минутъ... Ты думашъ, это го не бываетъ? Нѣть, бываетъ. Словно молния ударила въ твои и проине сквозь всѣго человѣка. И теперь — баста. Я больше не пассивенъ. И я разорву эти склонные канаты, которыми они опутали и меня и всѣхъ васъ. Что же, ты все-таки думаешь, что я сумасшедший?

— Нѣть... Но сядемъ, милый, у меня голова кружится...

Сѣли, и онъ замолчалъ, а ей хотѣлось сказать ему что-то важное, что-то такое близкое, чѣмъ ужъ онъ непремѣнно пойметъ, — какъ безконечно она вся на его сторонѣ. Но ей казалось, что она не знаетъ такихъ словъ.

— Алеша, я тебя понимаю, я тебѣ сочувствую, я... почти такъ же думаю, какъ ты, и я хочу помочь тебѣ, но я боюсь за тебѣ... Вѣдь ты этого не знаешь... что потерять тебя — мнѣ все равно, что умереть...

— Господи... Нидія!.. — говорилъ Алекseyъ, прижимая ее руки къ своему лицу: — Когда такъ говорятъ... Когдѣ есть это... Развѣ можно прогибнуть? Значить, мы боремся вѣдь?

— Да, милый Алеша, да. И одинъ безъ другого — ни шагу.

— И, знаешь, мы должны благодарить судьбу. Намъ счастье давалось даромъ. Правда, вѣдь оно намъ ничего не стоило. И оттого оно было такое спокойное и... маленькое. А вотъ, когда мы почувствовали, что оно въ опасности и его надо отвоевать, оно вдругъ выросло, вырастетъ еще больше и станетъ такимъ большимъ, что его намъ хватить на всю жизнь...

Изъ гостиной шли уже въ столовую, где былъ готовъ ужинъ. Они тоже поднялись и направились туда. Марыя Евстафьевна мелькомъ взглянула на нихъ и поняла, что Нидія чѣмъ-то успокоила его и сѣдала приподнятымъ для общества.

XXXII. НА ВѢСАХЪ РАЗУМА.

На одной изъ широкихъ улицъ, прилегающихъ къ Таврическому саду, въ небольшомъ трехэтажномъ домѣ старой стройки, случало уцѣльнѣшемъ въ такомъ видѣ среди недавно отстроенныхъ шестизажійныхъ громадъ въ стилѣ наряднаго барокко, находившихъся въ квартирахъ слѣднаго полковника Павла Васильевича Широ.

Домъ съ маленькими чистенькими двори-

комъ, съ одной парадной дверью на улицу. Стариннымъ уютомъ вѣдь было отъ крошечнаго вѣстникоя съ жарко-натопленной печью, отъ почтительно отворившаго дверь и какъ-то любезно, по-родственному, снимавшаго съ посетителей шубы, стараго швейцара, по-видимому, посѣдавшаго и высохшаго на этой должности; отъ удобной отлогой лѣстницы, покрытой изрядно утоптаннѣмъ и какъ бы приросшій къ ступенькамъ корвомъ съ старой полотнянной дорожкой; отъ ограждѣннаго и плохо служившаго трономъ на первой площадкѣ.

На лѣстнице было всего шесть квартиръ и жили въ нихъ все люди солидные и спокойные, оттого въ вѣстникоѣ всегда было тихо и чинно.

Квартира полковника находилась во второмъ этажѣ; въ ней числилось четыре комнаты, а жильцовъ было всего трое: самъ полковникъ, его дальняя родственница, особа лѣтъ тридцати пяти, говорившая по-русски съ страннѣмъ акцентомъ, не позволявшимъ опредѣлить национальность, служанка. Знакомыхъ у полковника въ Петербургѣ было не мало, и онъ самъ нерѣдко выходилъ изъ дома и отправлялся къ кому-нибудь изъ нихъ, если не далеко — то пѣшкомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ, зонтируя при помощи своей палки и праильно угадывая дорогу, дальний же разстоянія совершалъ въ извозчичьемъ экипажѣ, но къ нему приходили очень рѣдко, — можетъ быть, въ видѣ его слѣпоты, болѣзни, угружающей или ищащей его лѣтой. И только два человѣка были его постоянными гостями: высокий старикъ съ бритымъ, англичанскаго склада лицомъ, съ длинными бѣлыми волосами, и худощавая дама, всегда одѣтая въ черное. Когда они приходили норовили, старикъ только произносили вопросительное «Есть?» и указывали кивкомъ головы наверхъ. — Дама, пожалуйста! — отвѣчалъ швейцарь Ефимъ, и старикъ подымался во второй этажъ, въ квартиру Широ, не произнося больше ни слова. Когда же онъ приѣзжалъ вѣдь съ дамой, въ ея каретѣ, съ какимъ-то гербомъ, то разговаривали на языкахъ, котораго Ефимъ не понималъ. Но лицо у дамы всегда было закрыто тучной темной вуалью, и Ефимъ даже не зналъ, какое оно.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрозвъ, А. Т. Азербайзекъ, В. Ф. Бодянскаго, П. П. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XXXII.

Только въ послѣднія недѣли число посѣтителей квартиры слѣднаго полковника увеличилось: къ старику съ бритымъ англійскимъ лицомъ и худощавой дамѣ привился третій.

Этотъ новый гость никогда не являлся одинъ, а всегда дама въ черномъ привозила его съ собой. Это былъ человѣкъ странной наружности, приводившій Ефима въ смущеніе: старый швейцарь не зналъ, какъ къ нему отнестись и за кого принимать его.

На немъ была длинная до земли шуба, какую носятъ духовныя особы, и Ефиму, имѣвшему почтение ко всемъ духовнымъ лицамъ, при появлѣніи его хотѣлось назвать его «батюшкой». Но, по снятію шубы,—правду сказать, съ изрядно потертымъ мѣхомъ, и вообще неважной,—оказалось, что онъ совсѣмъ не батюшка. На немъ не было ни рясы, ни подрясника; худое, тонкое тѣло его облегало застегнутый на всѣ пуговицы длинный, ниже колѣнъ, черный сюртукъ; на шее—мятій воротничокъ съ широкимъ, закрывающимъ всю верхнюю часть груди, галстукомъ, на рукахъ—мятій белый манижеты.

Когда-же Ефимъ смотрѣлъ на его лицо, то въ головѣ у него мелькало даже не «батюшка», а примо—«святой уродникъ».

— Ну, право вотъ, будто съ иконы сошелъ образъ великомученника Господина,—объяснялъ онъ свое впечатлѣніе отъ новаго посѣтителя полковнической квартиры.

И правда, было что-то мученическое въ лицѣ этого человѣка. Бѣдное, изможденное, но безъ малѣйшаго отг҃ынка болѣзниности.

Обрамленное по краямъ щекъ темными негустыми волосами, сливавшимися въ узкую бородку, съ строгими тонкими чертами, оно казалось прекраснымъ, особенно благодаря высокому открытому лбу и живымъ, трепетно горящимъ глазамъ. Длинные темные волосы, прямые, невьющіеся, спускались до плечъ. Держался онъ прямо и нѣсколько принуди-

тельно, какъ-бы боясь сдѣлать лишнее движение.

Люди эти просиживали въ квартирѣ полковника Широ долгіе часы, иногда оставаясь тамъ до полуночи, но что они дѣлали, о чѣмъ и на чѣмъ языки говорили,—этого никогда не могъ узнать старый Ефимъ. Наглухо была заперта дверь въ квартиру, и не раздавались тамъ, за этой дверью, громкіе голоса. Самъ полковникъ хорошо оплачивалъ услуги аккуратнаго швейцара, а бритый старикъ и дама въ черномъ, прямо таки были щедры, и Ефимъ ничего не могъ сказать про нихъ дурнаго. Но, когда онъ думалъ о нихъ самъ себѣ, то и хозяинъ и его постоянные гости казались ему странными. Ничего такого, не за что даже защищаться, а все же что-то не такъ, какъ у всѣхъ. Иногда мелькала въ головѣ и такая мысль: «То ли они колдуютъ, то ли фальшивыя ассыніи дѣлаютъ?»

Но онъ, какъ старый слуга «съ выдержанкой», никому этихъ своихъ странныхъ соотвѣтій не высказывалъ, считая, что это—не его дѣло.

Но однажды въ подъѣздѣ вошла молоденькая дѣвушка въ изящной коротенькой шубѣ, въ красивой мѣховой шапочкѣ, съ здоровымъ открытымъ лицомъ, съ ясными глазами, и, когда она спросила Ефима о квартирѣ полковника Широ, онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ, конечно, съ должной почтительностью отвѣтилъ на вопросъ, указавъ ей второй этажъ и назвавъ номеръ, но глаза его говорили: «Что тебѣ тамъ дѣлать, милая барышня?»

Дѣвушка же поднялась во второй этажъ и, остановившись у двери, на которой не было никакой досочки, ни карточки, надѣвила кнопку звонка. Дверь открыли не сразу, а подумавши. Призуга съ длиннымъ лицомъ, не русскаго типа.

— Миѣ нужно видѣть Павла Васильевича! сказала дѣвушка голосомъ, видимо по природѣ звонкимъ, но сдержанѣйшимъ внутрен-

нимъ волненіемъ, которое придавало ему мягкую вибрацію.

— Войдите, пожалуйста,—не по-русски отчеканивая слоги, попросила прислуга.

Дѣвушка вошла въ довольно просторную переднюю, изъ которой дѣвь двери вели въ комнаты, а третья въ коридоръ, и всѣ были плотно прикрытыми.

— Какая ваша фамилия?—по-прежнему спросила женщина.

— Я скажу самому Павлу Васильевичу. Женщина повела бѣлесоватой бровью, но не возразила, повернулась и ушла въ коридоръ. Слышались шаги въ комнатахъ и тихій говоръ въ крайней изъ нихъ; оттуда дверь отворилась и вышла другая женщина, высокая, полная, немолодая, но еще не отвѣтшая и далеко не потерявшая привлекательности. Но много портила впечатлѣніе одежда—какой-то безфасонный длинный балахонъ изъ сыраго сукна.

— Вамъ лично полковника?—спросила она красивымъ груднымъ голосомъ.

— Да, непремѣнно лично,—отвѣтила дѣвушка.

— Но полковникъ не видѣть. Онъ сѣть.

— Я это знаю.

— Войдите сюда, пожалуйста.

Во время этого діалога она внимательно разматривала дѣвушку; казалось, она рѣшила вопросъ, можно ли ее выпустить къ полковнику. Дѣвушка понравилась ей, и она рѣшила вопросъ утвердительно.

Полковникъ Широ, въ короткой сѣрой тужуркѣ, застегнутой доверху, сидѣлъ въ твердой плащеномъ креслѣ за длиннымъ письменнымъ столомъ. При появлѣніи гостя, онъ приподнялся и, опираясь пальцами рукъ о край стола, наклонился впередъ, а голову повернулъ къ ней.

— И имѣю честь знать госпожу?—спросилъ онъ съ той странной своей улыбкой, въ которой всегда былъ отг҃ынокъ какого-то страданія.

— Да, вы меня знаете, Павелъ Васильевичъ... я—Лентовская...

Онъ покачалъ головой.

— Простите... Память у меня... Не знаю.

— Нѣтъ, вы знаете. Вы привыкли къ фамилии моей сестры... Ея мужа... Верхоплавцева... Вы были у насъ третьего дня вечеромъ...

— Ахъ.. Такъ вы.. Ну, да... Такъ садитесь же, прошу... Я радъ. Вы, значитъ, Юстапа Евстаѳіевна?..

— Я—Нидія, Павелъ Васильевичъ...

— Нидія Евстаѳіевна... Да, я узнаю вашу голосъ. Здравствуйте!..

Она протянула руку, она покала ее. Оба сѣли. Нидія бѣглымъ взглядомъ осмотрѣла комнату: много шкафовъ, наполненныхъ книгами, и много книгъ, еще не освобожденныхъ отъ почтовыхъ обложекъ, на столѣ и на окнахъ. «Зачемъ ему книги, если онъ не можетъ читать ихъ?» подумала Нидія, но тутъ же и отвѣтила себѣ: ему читаетъ эта женщина или кто другой.

— Я радъ,—повторилъ полковникъ,—а все-таки надо объяснить. Вѣдь вы не просто. И я какъ-то чувствую: вы испытываете волненіе...

— Да, да...—съ еще болѣе усиливающимъ ся волненіемъ заговорила дѣвушка,—это я объясню. Конечно, не спроста. И вотъ—прямо: вы помните этотъ разговоръ у насъ, въчера, когда вы пришли. О господинѣ Лемѣмъ... Вы тогда сказали: карьеристъ. Но въ гостиной люди обыкновенно даютъ отзывы о другихъ осторожнѣ. А я хочу знать ваше настоящее мнѣніе. Я вамъ вѣрю, Павелъ Васильевичъ, вашему чутью вѣрю, и мнѣ это очень важно.

— А для чего это?

— Позвольте мнѣ сказать вамъ это потому. Я вамъ обѣщаю, и не согу. Теперь же это мнѣ нельзя...

— Я вамъ тоже вѣрю и скажу. Да, я скажу вамъ это. Но прежде другое...

— То, что онъ сила?

— Темная, не умѣющая щадить никого и ничего, что пересѣкаетъ ему дорогу. Или его грубы, а средства тонки, какъ наутина. Бороться съ этой силой—почти павѣрика ити на гибель. Но она такъ ядовита, что въ конѣ концовъ сама отравляется своимъ же ядомъ и гибнетъ, и всегда какъ-нибудь некрасиво и позорно..

— Но если ждать нельзя.. Если человѣкъ не можетъ? Если онъ опутать этой наутиной и вотъ-вотъ задохнется...

— Я знаю.. Вы говорите о вашемъ другѣ, Алексѣѣ Даниловичѣ Беренниковѣ.. Я это понялъ тогда... Я такъ хотѣлъ бы помочь ему и вамъ...

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Гісмань тридцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бодянськаго, П. П. Гідича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Ізмайлова, Е. А. Нагрідской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

ХХХІІІ. ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДВІГЪ.

Нідія Лентовська вся подалась къ сліпому полковнику:

— Помогите намъ, Павель Васильевичъ... Потибнуть мы можемъ только оба... А онъ придавленъ этой смертью у него на квартирѣ...

— Архітекторъ Баленицкій... я знаю...
— Какія-то деньги, похищеніе труса...
Онъ на порукахъ, онъ почти подъ судомъ...
И его имя...

Голосъ ея дрожаль, а глаза были полны слезъ. Полковникъ уставился на нее не видяшими глазами и улыбнулся.

— Тутъ не всему слѣдуетъ вѣрить... Не все такъ, какъ кажется...

Позвонили въ переднюю. Полковникъ ближе наклонился къ ней и заговорилъ поспѣшно.

— Онъ слишкомъ торжать — вашъ другъ, а тутъ нуженъ ледъ... Каждый шагъ долженъ бытъ взвинченъ изъ всіхъ разума...

— О, Боже... Отъ него этого ждать нельзѧ... Онъ не умѣтъ взвѣшиватъ...

— Но я умѣю... Могъ вѣсы къ вашимъ услугамъ, Нідія Евстафьевна.

Дѣвушка поднялася и, протянувъ руку, прикоснулася къ его руку.

— Благодарю вѣсъ, благодарю...

Она быстро винила въ переднюю и лицомъ къ лицу столкнулася съ человѣкомъ въ длинномъ черномъ сюртуке, съ страннѣмъ лицомъ, которое ее поразило. Но, выйдя на улицу, она забыла объ этомъ лицѣ. Она спѣшила домой къ завтраку, когда обыкновенно приходилъ къ нимъ Беренниковъ.

Нідія была неузнаваема. Она переродилась, выросла, изъ дѣвочки, пассивно принимавшей все, что посыпала ей жизнъ, превратилась въ женщину. И это случилось въ тотъ вечеръ, когда, послѣ сцены съ Лемемомъ, она увидѣла настоящую драму въ душѣ Алеши. Тогда она поняла, какъ онъ ей безконечно дорогъ, и что любовь обязываетъ. На слѣдующій же день у нея произошелъ непріятный разговоръ съ Юстиной, которая вздумала выговаривать ей за вчерашнєе поведеніе Алеши. О, какія она танцла тогда въ своемъ голосѣ рѣшительныя ноты и сколько оказалось твердости въ ея словахъ, и это потому, что она выступила на защиту Алеши. Въ своихъ упрекахъ сестрѣ она зашла даже гораздо дальше, чѣмъ хотѣла, бросивъ ей намекъ, что Лемемъ дѣйствовать на нее не столько чарами, сколько своей рафинированной наружностью, и почти поссорилась съ Юстиной.

Марья Евстафьевна потомъ спросила ее:

— Что съ тобой, Нідія? Какая муха укусила тебя?

— Ахъ, Мэри, тебя шокируетъ даже то, что дѣвушка стала немного серъезнѣе относиться къ жизни, ну, и... сдѣлалася чуть-чуть требовательнѣе къ людямъ...

— Это ты о комъ же? Все еще о Лемемѣ? Но, милочка, разѣ нельзѧ любить человѣка и, въ то же время, не быть всецѣло на его сторонѣ?

— Нѣть, нельзѧ, Мэри. Любить... да и все надо дѣлать всецѣло. А мы всему отпускаемъ себя по щепоточкѣ. Мы — взрослые люди, а мысли и чувства у насъ ка-

кія-то лизищутскія. Я съ этимъ покончила и только...

Марья Евстафьевна покала своими красивыми плечами и рѣшила не продолжать этого разговора. И Нідія чувствовала теперь себя въ домѣ одинокой, потому что она одна вышла изъ прежніхъ рамокъ, а сестры остались въ нихъ, и, кажется, всегда.

Но когда Алеша повторилъ ей о семъ непоколебимомъ рѣшении во что бы то ни стало сорвать маску съ Лемемомъ, она вдругъ поняла, что, въ сущности, у нея нѣть никакого опредѣленного взгляда на этого человѣка. Тутъ тоже было «по щепоточкѣ» — и скептицизма, и преклоненія, и болезніи, и презрѣнія. А съ таїй неустойчивостью разѣ она могла ити рука-объруку съ Алешей и помогать ему? Вотъ тутъ-то она и вспомнила о слѣпомъ полковнику. Почему-то ему она вѣрила безусловно. И, рѣшившись позидать его, она чисто по-женски сказала себѣ: «Какъ онъ скажетъ, такъ я и буду».

Но, велико было ея огорченіе, когда она, даже опоздавъ къ завтраку, не нашла дома Алексѣя Даниловича. Это было необычно. Ужъ къ этому часу онъ не-смѣнно являлся, особенно въ послѣднєе время, когда уѣхалъ его братъ Михаилъ. А съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ прежній квартирь, гдѣ, послѣ ужасной исторіи съ Баленицкимъ, рѣшительно не могъ оставаться, перѣхалъ въ гостиницу, онъ проводилъ у нихъ почти цѣлые дни. Знанѣть, у него явилась помѣха, что-нибудь случилось, можетъ быть — опять ужасное... Что же, пойти къ нему? На это даже она, «вышедшая изъ рамокъ», не могла е е рѣшиться.

Алексѣй Даниловичъ явился поздно, часа въ четыре, и какой-то совсѣмъ избуриженный.

— Что съ вами? Почему вы не явились къ завтраку? Почему у васъ такъ видъ, точно вы рѣшили объзвѣти себя врагомъ всего человѣчества? — посыпались къ нему вопросы со стороны Мары Евстафьевны и Юстини. Нідія же, сдерживая волненіе,

боялась показать свой гидръ и только читателью жалътъ съ сокомъ.

Беренниковъ ~~привезъ~~ изъ бонового жар-мана раскрытъ ~~шкірку~~, съ огромной ля-гачью изъ чернаго ~~струча~~ посерединѣ и пе-редаѣль его Марѣ ~~Евстафьевнѣ~~.

— Что это? — ~~спросила~~ она, взяла кон-вертъ и вынула изъ него склоненный вто-веро листъ бумаги.

— Разверните. ~~Чакомъ~~ быть, замъ ~~это~~ зна-кмо болѣе, чѣмъ ~~ниб~~.

Она взглянула на бумагу: наверху на-какой-то страннѣй ~~вид~~, — треугольникъ, острѣмъ угломъ ~~книгу~~, внутри черень, ко-сти, крестъ и еще ~~какія~~ то неясныя настѣ-танія, а изъ ~~ниб~~ каждой изъ строка цифра — 13.

Марья Евстафьевна покала плечами:

— Чертовщина ~~какая~~-то... Это скорѣе по-части Юстини.

Юстіна приближалася и, увидавъ зна-кочкъ, винилась ~~въ~~ ~~ниб~~ глазами. — Это толь-ко самы? Какъ вы ~~помчали~~?

— Чѣмъ значить, толь-ко самы? — спро-силъ Беренниковъ.

— Тогда, на лекціи профессора Четвер-гова... Ему принесли ~~чтисло~~ и онъ исчезъ... Въ письмѣ было толь-же ~~чтисло~~...

— Почему вы ~~запаса~~? Развѣ профес-соръ, прежде, чѣмъ ~~печинуть~~, показалъ вамъ письмо?

— Письмо было ~~звержало~~ въ клочія, не одінъ пускокъ ~~подкип~~ Лемемъ и я видѣла...

— Лемемъ?.. Ошѣпъ Лемемъ!.. Гдѣ ста-ная исторія, тамъ неизрѣбно этотъ про-димецъ...

— Алеша!... — остановила его Мэри.

— Извиняюсь. Но самое печальное то, что онъ смыѣть поспѣшилъ въ свои таин-ственныя, а, въ сущности, темныя манипу-ляціи уважаемую мною Юстину Евстафьевну.

— Я замъ запрещаю говорить толь-ко Алеша!.. — сдержанно сказала Юстіна.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. З. Бочановскаго, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XXXIV.

— Я вамъ запрещаю говорить такъ, Алеша!.. — сдержанно сказала Юстина.

— Еще разъ извиняюсь. Но несомнѣнно, что цѣль его—втянуть въ свои дѣла членовъ безупречного семейства, и вы увидите, что однажды, когда все раскроется, Юстина окажется рядомъ съ пимъ на скамье подсудимыхъ.

— Алексѣй Даниловичъ, но вы, дѣйствительно, кажется, сошли съ ума. Вѣдь это бредъ какой-то! — рѣзко замѣтила ему Мэри.

— Взглядните на траурную печать: тамъ есть же знакъ. Прочтите подпись: «Вамъ и вашемъ союзникамъ: бездонная пропасть можетъ оказаться ближе, чѣмъ вы думаете. Итакъ, остерегайтесь, чтобы не оступиться «Sapienti sat». По-вашему, это не стиль Лемэма—съ его плоской и грубой, какъ эта доска, таинственностью?»

Быстро щодила Нидія и, вся волнившаяся, подошла къ нему.

— Но что ты сдѣлалъ, Алеша? Почему ты опоздалъ? Гдѣ ты былъ?

— Гдѣ я былъ? Таинственные маги хорошо позаботились о томъ, чтобы мое время не проходило даромъ. Къ 12 часамъ я былъ приглашенъ къ судебному слѣдователю, пѣвъ въ срѣдъ разъ отѣчьтъ на одни и тѣ же глупые вопросы о трупѣ, о глинтвейнѣ, о деньгахъ, о баропѣ-сосѣдѣ и даже о мрѣмъ братѣ Михаилѣ, который виноватъ въ томъ, что Бальвицкій умеръ на его кровати. Слѣдствіе тоже попало въ захолутий кругъ, вѣрѣте—въ этотъ дурацій треугольникъ. А, вернувшись домой, я нашелъ это письмо. Его прислали высокая да-на, брюнетка, похожая на цыганку...

— Какъ тамъ, у профессора Четвергова...—вырвалось у Юстины, у которой глаза вдругъ сдѣлались большими.

— Гм... Значитъ, и тутъ precedentъ... Ну, я разсвѣрѣть и побѣхъ цѣло къ Лемэму...

— Что? Что ты хотѣлъ сдѣлать?—воскликнула Нидія.

— Сказать ему то, что онъ знаетъ лучше чѣмъ я: что онъ негодяй...

— Я не хочу больше это слушать!.. — сказала Мэри и демонстративно направилась къ двери, но остановилась:—надѣюсь все-таки, вы во-время образумились и не сдѣлали этого?

— Я не засталъ его дома. Съ вечера уѣхалъ въ Царское. Должно быть лижеть подолы разныи статсъ-дамамъ и фрейлинамъ, добиваясь права дурачить ихъ величества... И въ худшемъ случаѣ получить хоть орденокъ. Фокусники и престижитаторы любятъ обвѣшивать свою грудь орденами.

Обѣ дамы протестующе ушли и сама дверь, тоже въ видѣ протеста захлопнулась. Нидія подошла къ нему и приложила руку къ его лбу.

— Горячай!.. Милый Алеша, тебѣ надо успокойтесь. Сядемъ вѣтъ здѣсь и посидимъ тихонько... Я разскажу тебѣ кой-что.

Онъ подѣловалъ ея руку и вдругъ сдѣлалась тихимъ и покорнымъ. Послѣдовалъ за нею и они сѣли на диванъ рѣдышкомъ.

— Какъ я люблю тебя, Нидія,—сказала онъ, не переставая цѣловать ея руку.—И какъ странно, что я узналъ объ этомъ только два днѣ тому назадъ, хотя давно уже говорю тебѣ: «люблю». Нѣтъ, я и тогда любилъ, конечно, всегда... Но я не зналъ, не чувствовалъ, до чего ты мнѣ необходима.

Нидія улыбнулась.

— Вотъ и хорошо. Поэтому—молчи и слушай.

— Я молчу, молчу...

— Ты сказаъ: необходима. Но мы уже пообщались другъ другу, что никогда не будемъ пассивны, и я захотѣла быть для тебѣ необходимой на дѣлѣ. Только слушай и не сердись. Если даже я была неправа, все-таки не сердись, потому что я вѣдь... тоже люблю тебя, Алеша. Видишь, я предчувствула и боялась... Какого-нибудь рискованнаго шага съ твоей стороны боялась я.

— Но я была беспомощна... И я рѣшилась искать помощи у человѣка, который мнѣ казался сильнымъ... Алеша, я сегодня была у Широ...

— Ты? Зачѣмъ?

— Онъ много знаетъ. Онъ мудръ, Алеша. Мнѣ почему-то онъ представляется, какъ въ «Русланѣ», добрымъ волшебникомъ—Финомъ. Ты хочешь открыто выступить на борьбу съ Лемэномъ. Такъ я хотѣла знать: не ошибаемся ли мы въ немъ? Не дѣлаемъ ли мы несправедливость? И я спросила его о Лемэне...

— Что онъ сказаъ?

Я запомнила каждое слово. Онъ сказаъ: «Темная личность, не щадящая никого, кто ему мѣшаетъ. Грубыи цѣли онъ преслѣдує тонкими средствами». И—слушай это, Алеша: «Съ нимъ бороться—почти значить идти на вѣрную гибель. Но онъ самъ отравитъ себя своимъ же ядомъ и кончить позорно. О тебѣ же сказаъ: «Вашъ другъ слишкомъ горячъ, а тутъ нуженъ ледъ. Надо взвѣшивать каждый шагъ». И обѣщай помочь намъ своимъ знаніемъ и опытомъ. Скажи же мнѣ, Алеша, что ты ничего противъ Лемэма не предпримѣтишь, хоть безъ меня...

— Трудно сказаъ это, Нидія—сказать—такъ исполнить. А разѣ можно ручаться? Ты видишь, какой я... И на каждомъ шагу—неожиданности... А главное—не вѣрь я въ этихъ маговъ, какъ злыхъ, такъ и добрыхъ.

— Ну, пусть не вѣришь... Но мнѣ-то ты вѣришь? Ну, таъ мнѣ и обѣщай...

— Хочу, чтобы было такъ и обѣщаю—насколько выдержать моя воля, я люблю тебя, Нидія, люблю... И ужъ это одно не дастъ мнѣ погибнуть.

Они оба быстро поднялись съ дивана, потому что въ передней послышались шаги и шумъ, и притомъ не было звонка,—значить прѣѣхала сама Верхоплавцевъ, отпирая дверь своимъ ключомъ. И его голосъ уже звѣнѣлъ въ передней.

— Сенсаціонная новость, господа...—говорил онъ, входя въ гостиную, куда изъ его голоса собрались всѣ, недавно поссорившіеся родственники.—Но, къ горючечю Юстины, пичето таинственнаго, а даже черезтурь реально...

Посыпались вопросы. Знамъ отврашеніе Верхоплавцева ко всѣмъ рода «произшествіямъ», ждали что-нибудь курьезнаго.

— Вы знаете исторію ограбленія «велика» Дюбуа? Ну, конечно... Во всѣхъ газетахъ было. Изумительная изобрѣтательность, голо-

вокружительная смѣльость. Подъ вѣломъ экспиропраціи для кинематографа, самъ Дюбуа дала связать себя и чуть-ли не помогать громиламъ разыскать самые цѣнныи вещи. Читая, я думалъ: «неужели онъ такъ глупъ, этотъ Дюбуа? А оказалось, что онъ вовсе не глупъ. Всѣ поклонненія драгоцѣнности полиція напала аккуратно сложенными въ надеждахъ ларцахъ...

— Но при чѣмъ-же тутъ самъ Дюбуа?

— А напали ихъ въ его-же собственномъ домѣ, въ принадлежащей ему кладовой. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно участвовалъ въ ограбленіи самого себя...

— Да для чего же это?—спросила Марья Евстафьевна.

— Какъ для чего? Онъ застраховалъ свой магазинъ отъ ограбленія въ одномъ американскомъ обществѣ и ему предстояло получить миллионы пять... Вмѣсто этого онъ арестованъ. Говорятъ, что открыты слѣды колоссальной организаціи, въ которой замѣшены довольно высокопоставленныи особы.

— И престижитаторы!..—съ усмѣшкой вставилъ Беренниковъ.

— Ну, эти никогда не попадаются...

— Между прочимъ, господинъ Лемэма—тутъ-же не пріятель этого Дюбуа!..—продолжалъ свою миссію Алеша.

— Такъ, можетъ быть, онъ и продалъ его... Юстина, не произойдя меня взглянуть. Я пошутилъ. А вотъ вторая новость: въ Петроградѣ явился новый пророкъ!.. Да, да, на этотъ разъ настоящій святой. Близлежащаго рода, учился въ Казани, въ духовной академіи, собирался въ монахи, но вдругъ раздумъя и пришелъ сюда изъ Казани пѣшкомъ. Его идея: подвигъ. Россію можно спасти только великимъ всенароднымъ подвигомъ. Подробности этого дѣйства мнѣ неизвѣстны. Молодой человѣкъ красоты изумительной живеть въ домѣ родственницы, княгини Подозерской...

— Его надо притягнуть на наши вечера! сказала Марья Евстафьевна.

— Ба! Новая фраза: Мэри рѣшила совершилъ всенародный подвигъ—замѣтилъ Верхоплавцевъ и, добродушно смысь, направилъ сюда въ свой кабинетъ.

Нидія почему-то вдругъ вспомнила страннаго человѣка, котораго встрѣтила въ прихожей у Широ и подумала: «Не онъ-ли».

И. Потапенко.
(Продолженіе сдѣлуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверченко, В. О. Боднарскій, П. П. Гайдичъ, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградская, В. И. Комирончичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Сологубъ и др.

XXXV.

НЕ ПРОРОКЪ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТЪ СЛОВО...

О дѣлѣ ювелира Дюбуа въ газетахъ было сообщено безкрасочно и казенно, какъ о простомъ заурядномъ мошенничествѣ, объ арестѣ же его говорилось неопределенно, такъ что можно было думать, что ничего подобного и нѣтъ. Но, такъ какъ знали, что все это не такъ, то, въ отместку за скрытие истины и на зло полицейской цензурѣ, сочиняли невѣроятныя вещи и изъ устъ въ уста передавались чудовищные варианты.

Въ числѣ участниковъ махинацій называли чистокровныя аристократическія имена, говорили, что Дюбуа—не болѣе, какъ подставное лицо, а въ сущности роскошный магазинъ его принадлежитъ тайной акціонерной компаніи, составленной изъ великихъ князей. Далѣе эта мысль развивалась въ такомъ направлѣніи: что всѣ драгоцѣнности въ магазинѣ были похищены изъ дворцовъ и изъ Эрмитажа, где отѣ были подмѣнены стеклянныи имитациими, и что тамъ теперь нѣтъ ни одной настоящей драгоцѣнности, —все фальшивы.

Говорили, наконецъ, что первый намекъ на кладовую Дюбуа былъ сделанъ медіумомъ въ спиритическомъ трансѣ, какой-то дѣвицы съ польской фамиліей, во время сеанса у одного изъ министровъ. Благодаря этому, всѣ стали увлекаться спиритизмомъ и прѣдаваться столоворченію, и дѣла польского медіума, дамы, прѣхавшіе откуда-то изъ Ломжи въ третіемъ классѣ фуксомъ, безъ билета, быстро исправились: ее звали въ частные дома на сеансы и усердно платили ей.

У Верхоплавцевыхъ очень интересовались этими событиями, но истину узнать было

трудно. Самъ депутатъ относилъ событіе къ обыкновенной уголовной хроникѣ, всѣ-же сенсаціонныя украшенія отмѣталь съ презрѣніемъ. Увлекаться подобными вещами было ниже его депутатскаго достоинства. Беренниковъ въ послѣднее время рѣшитель но пересталъ быть «милымъ Алешей», и съ нимъ просто было опасно затѣвать подобный разговоръ.

Оставалось обезпокоить Лемэма, который всегда обо всѣмъ осведомленъ наилучшимъ образомъ. Позвонила къ нему сама Марія Евстафьевна, по отъѣзду изъ гостиницы быть получена странной: сперва было заявлено, что она болѣенъ и не встаетъ съ постели, а затѣмъ къ аппарату, видимо, подошло другое лицо и сообщило, что господинъ Лемэмъ уже третій день, какъ уѣхалъ, и никто не знаетъ, куда.

Это было въ половинѣ третьего, дома были только дамы. Впечатлѣніе отъ пробуждѣній, было, между ними черной кошки быстро улетучилось. Въ основѣ ихъ отношеній все-таки лежала глубокая привязанность другъ къ другу и она, естественно, скоро взяла верхъ. Юстина перестала тутъ ся. Главное же—что Наталья удалось дисциплинировать Алешу. Онь началъ вести себѣ спокойно и корректно; когда говорили о Лемэмѣ, —молчалъ, и вообще ничтъ не нарушалъ «спириталей» Маріи Евстафьевны, на которыхъ первой заповѣдью стояло: толь лепнаго остроумія—въ предѣлахъ свѣтскаго приличія. Но этой заповѣди можно было разсказать неизгрустый апек-дотъ, не называть итъ одной вещи ея имѣніемъ и, если это было остроумно, то въ изказаніе только шутливо грозили пальцемъ.

Но рѣзко вскыснуть гордъ, назвать даже

отсутствующаго прохвостомъ, хотя бы онъ тысячи разъ стоить этого,—считалось преступлениемъ.

Въ толь моментъ, когда Марія Евстафьевна, получивъ сообщеніе не то о болѣзни, не то объ отѣзѣ нѣизвѣстно куда Лемэма, съ недоумѣніемъ повѣсила трубку телефона, въ передней позвонили. Прислуга отперла дверь, велись какіе-то переговоры, затѣмъ принесли карточку. Марія Евстафьевна вполголоса протягала: «Павелъ Васильевичъ Широ», и улыбка нацежды мелькнула въ ея глазахъ. Вотъ кто знаетъ правду и можетъ многое освѣтить...

Она быстро направилась въ переднюю, чтобы встрѣтить и ввести въ комнату почтеннаго сѣнѣца. Широ цѣловаль ея руку и усиленно извивался, что таъ запустилъ свой визитъ.

Наталья съ большими волненіемъ поздоровалась съ нимъ. Ей пріятно было, что онъ прѣѣхалъ,—отъѣхъ человѣкъ производилъ на нее успокаивающее дѣйствіе. При немъ она чувствовала, что у нея (а, знаетъ, и у Алеши) есть надежный защитникъ. Но въ тоже время она, при звуки его голоса, вѣтру вспомнила, что тогда, когда была у него, сѣѣла большую оплошность: не предупредила, что о ея лоѣтѣніи никто, кроме Беренникова, не долженъ знать, и теперь боялась, что онъ проговорится.

Но съ первыхъ же словъ ей стало ясно, что онъ это знаетъ и безъ предуwarnенія. Онъ обращался къ ней такъ же, какъ и къ другимъ, ничтъ не выдавая ея и ни разу не освѣдомился объ Алѣкѣ Даниловичѣ.

Марія Евстафьевна и Юстина заговорили о событияхъ: Дюбуа, акціонерное общество въ Царскомъ Селѣ, великихъ князья, дворцовыя и эрмитажныя драгоцѣнности... Гдѣ тутъ правда? Ужъ Павелъ Васильевичъ, пакѣрное, аи соагантъ всѣго.

Но Широ сразу разочаровалъ ихъ.

— Какъ можете вы, mesdames, интересоваться такими пустяжками? Что можетъ, вѣсить на вѣсахъ исторіи какое-нибудь мошенничество—пусть даже и многомиллионное? Ничтожный скрупуль... Въ то время, какъ на нашихъ глазахъ происходили гран-

дозное мошенничество вокругъ одного изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мірѣ — продажа Россіи...

На лицѣ Маріи Евстафьевны выразилась скуча. Ахъ, эта тема ей никогда не увлекала.

— Зналиѣ, вы стигаете это простыя мошенничество?—спросила она.

— Самое обыкновенное. Но плутать убогіе дѣйствія въ атмосфѣре таинственности. Вы знаете эту игру—въ прятки: всѣ спрятались по угламъ, а одицѣ пѣщь ихъ съ завязанными глазами. А они стараются, чтобы было наоборотъ: у всѣхъ завязаны глаза, только у нихъ открыты. Это и достигается при помощи таинственныхъ сенсацій, которыхъ они сами фабрикуютъ. Позвѣте, что драгоцѣнности Эрмитажа и дворцовъ цѣлы, а высокопоставленныя особы вполнѣ довѣрствуютъ правомъ неограниченно черпать изъ государственной казны и не пускаются въ тайныхъ сообществахъ съ грязными дѣлами. Задача истинныхъ сыновъ родинъ въ томъ, чтобы пагубному, разлагающему вліянію на верховныя сферы противопоставить вліяніе здороаго нравственнаго начала. Только это можетъ спасти Россію отъ гибели. Отчастія я здѣсь и позволилъ себѣ прѣѣхать къ вамъ, чтобы заинтересовать васъ однѣми явленіемъ...

— Можетъ быть, это новый пророкъ, о которомъ говорятъ?—съ наивностью спросила Марія Евстафьевна.

— Вы слышали? Но только онъ не пророкъ. Нѣтъ, ради Бога,—онъ не пророкъ Амилка пророка въ нынѣшнее время скончался. А онъ простодушный человѣкъ и даже небольшаго ума. Но знать слово и слово это срослось съ его сердцемъ.

И. Потапенко,

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверинъ, В. З. Бодровскій, И. П. Гиѣдичъ, А. С. Гризъ, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Нагордцій, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Солзгуръ и др.

XXXVI.

ВОСКРЕСАСТЬ, КОГДА НЕ УМИРАЛИ.

— Говорятъ, онь красоты необыкновенны! — спросила Юстина польчина Широ.

— И мнѣ говорили. Но объ этомъ мнѣ не дано судить. Вы можете увидѣть его сегодня вечеромъ въ домѣ княгини Варвары Федоровны Подозерской...

— Это очень интересно! Но тамъ будетъ мнено народа... Свѣтская публика...

— Не слишкомъ много и не свѣтская. Въ домѣ имѣется большой залъ; а притлашень мѣръ работниковъ ума и таланта: литераторы, художники, ученые, политические и общественные дѣятели. Его трудно было уговорить, онь не любить эстрады. Онь говорить: выступать надо на площади въ минуты волненія и гѣта пароднаго. Но упростили. Такъ пріѣжжайте.

Сестры выразили желаніе прѣѣхать, и Широ подумалъ. Пожмая руку Нидіи, онь задержалъ ее въ своей руѣ и сказалъ:

— Что же, надѣюсь, успокоился вашъ другъ послѣ той бурной сцены съ господиномъ Лемемомъ?.. Э, ничего. Скажите ему, что ничего. Въ нынѣшнее время, когда и мертвые воскресаютъ...

— А развѣ воскресаютъ? — съ волненіемъ спросила Нидія.

— О, да... Въ особенности, когда они не умирали...

Онь тихо засмѣялся и выплылъ въ переднюю. Скоро пришелъ Беренниковъ, на этотъ разъ пріятно оживленный и радостный. Когда Нидія рассказала ему о визитѣ Широ и привела его слова о мертвыхъ, которые воскресаютъ — въ особенности, когда

они не умирали», онь только отмахнулся рукой.

— Не понимаю я этой символической абрахадабры!.. — и показать телеграмму изъ Москвы отъ брата Михаила, извѣщавшую, что онь завтра съ курьерскимъ прѣѣхать въ Петроградъ. Это и было причиной его радости.

За обѣдомъ Верхоплавцевъ заинтересовался «не-сторонка», который знать слово, и тоже выразилъ желаніе побѣхать, но съ оговоркой — на полчаса, такъ какъ, по обыкновенію, у него — комиссія, въ которой оль предсѣдательствуетъ.

Часовъ въ 9 вечера поѣхали всѣ, не исключая и Алексея. Особнякъ княгини Подозерской на Сергиевской мало кому былъ знакомъ. Княгиня не вела общенія ни съ свѣтскимъ обществомъ, ни съ какимъ другимъ. У нея былъ свой, очень маленький, кругъ, которымъ она довольствовалась. Когдато она вела бурную жизнь, ея романтическія похождѣнія и безумныя выходки ревизованы и страстно влюблѣнаго въ нее мужа занимали общество, но это было не вѣдь, а въ Москвѣ, да и тамъ уже было забыто. Но, потерявъ мужа въ японской войнѣ, она вдругъ измѣнилась и бѣжала отъ своего прошлаго изъ Москвы въ Петербургъ.

Обширный старинный залъ, съ тяжелыми гардепами, съ расписнымъ потолкомъ былъ освѣщенъ масличными лампами. Княгиня не выносila запаха нефти, а къ электричеству относилася еще болѣе враждебно. Масличные лампы давали блѣдный, мятый золотистый светъ и это придавало комнатѣ ютъ и своеобразный отѣпокъ интимности. Публика не наполнила зала и, видимо, была приглашена съ выборомъ. Не мало было

писателей извѣстныхъ имѣнь, встрѣчавшихся въ видѣ подицей на картинахъ и на обложкахъ книгъ. Были парламентскіе дѣятели, адвокаты, врачи.

У Верхоплавцева нашлось много знакомыхъ, кой съ кѣмъ поздоровался и Беренниковъ, но у дамъ не оказалось никого, и Марья Евстафьевна тутъ же подумала, что ей необходимо въ будущемъ освѣтить свой салонъ новыми знакомствами. Мужъ представилъ ей кой-кого, выбравъ, разумѣется, наиболѣе интересныхъ. Юстинъ было странно отсутствіе Лемема. Она привыкла бытъ на ветеранахъ, къ которымъ онь имѣеть то или иное отношеніе, и онь тамъ всегда игралъ роль оракула.

Когда всѣ уѣхали, на свободномъ пространствѣ залы появился молодой человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртуѣ, заслѣпнутомъ на всѣ пуговицы, тонкій, стройный и изящный. Его фигура и смуглое, безжопечное худощавое лицо, изящные длинные пальцы рукъ, простыя, хотя тѣсколько связанныя, несвободныя движения, все это было такъ красиво, что въ заѣѣ, послѣ глубокаго молчанія, пронесся изумленный иночъ.

Нидія сказала себѣ: «это тѣтъ самъ».

Онъ началъ красивымъ мужественнымъ голосомъ, не громкимъ, даже замѣтно усталымъ, но твердымъ и какъ-то убѣдительнымъ. Такимъ голосомъ нельзѧ высказывать сомнѣніе, такого голоса не бываетъ у колеблющихся.

— Господа, — сказалъ онъ, — если вы ждете отъ меня краснорѣчія, то будете разочарованы. Я не умѣю говорить, сидя за столикомъ, на которомъ стоитъ графинъ съ водой, передъ людьми, присущими посмотреть, какой я. Я, можетъ быть, сумѣль бы заслѣпъ толпу, внутренно готовую къ дѣйствию, но не знающую, куда итти и какъ дѣйствовать. Но вы — не толпа и вы не собираетесь дѣйствовать. Вы только наблюдатели.

Я вамъ скажу, что я Свѣтскій по рожденію, но по природѣ чуждый сѣтъ, я искалъ единенія и давно, еще почти въ детскии годы, рѣшилъ посвятить себя монашеству. По окончаніи лицей, изучать бого-

словскую науку въ казанской академіи, но, изучивъ, понялъ, что она мнѣ совсѣмъ не нужна. Къ чему наука уединенному отшельнику? Для чего толкованіе Бога человѣку, который чуетъ Бога въ каждомъ шелестѣ травы и въ щебетанѣ воробья? Готовился къ монашеству. Но нѣкто, случайно встрѣченный, умный человѣкъ, поиздѣрилъ меня съ положеніемъ моей родной страны и мои мысли вдругъ перемѣнились. Созерцать Бога въ типинѣ отдаленаго скита — блаженство, на которое не имѣть права человѣка, когда родина его стремительно идетъ къ гибели.

И стать я думать: что я могу сдѣлать для родины, я, одинокий, слабый человѣкъ? Одни проповѣдѣвали, другіе — убивали, но ни тѣ, ни другіе не сдѣлали пользы. И тогда передо мною всталъ образъ Великаго Страдальца, который спасъ міръ. Я спросилъ себя: что Онь сдѣлать, чтобы спасти міръ? И я отвѣтилъ: Онь принять подвигъ до самой крестной смерти. И этотъ подвигъ спасъ міръ. И я понялъ, что я долженъ всѣмъ сказать и самъ совершить: подвигъ, подвигъ — даже до крестной смерти. Но Онь былъ Богъ и потому подвига Его однаго было довольно, чтобы спасти міръ, а мы люди, и должны всѣ, каждый въ отдельности, принять подвигъ даже до крестной смерти. Пусть воносятъ настъ, излечиваютъ, бывать, распинаютъ, вѣшаютъ, тѣмъ лучше, — подвигомъ нашимъ очистится земля; народъ, нынѣ скованый и разнодушный, прильнетъ къ нашею страданію и въ сердцѣ его захѣстится огненный пламень, и онь самъ спасеть свою землю.

Вотъ и весь я, это все мое добро. Я больше ничего не знаю. Но я совершу подвигъ даже до крестной смерти!!!

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Рокань тридцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азаревъ, В. Ф. Бецкій, П. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагордова, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XXXVII.

По мѣрѣ того, какъ живописный гость салона книжки Подозерской говорилъ свою рѣчь, лицо его оживлялось, глаза расширялись и весь онъ какъ-будто вырасталъ. Послѣднія же слова онъ произнесъ прізывающимъ голосомъ, который звучалъ, какъ колоколь, а самъ рѣчь, съ рѣзющими щеками, съ пылающими глазами, былъ прекрасенъ, какъ бѣгъ. Онъ всталъ, поклонился и вышелъ. Залъ замеръ. Впечатлѣніе было огромное, но никто не понималъ—отъ чего. Не слова же произвели его, они были таѣъ обыкновенны, въ нихъ не было рѣшительно ничего новаго. Все это было сказано тысячи разъ и въ книгахъ и съ кафедръ проповѣдниковъ. Но не таѣъ было сказано. Здесь говорило горячее сердце, весь человѣкъ изливался въ этихъ словахъ, и ни у кого не было даже минутного сомнѣнія въ томъ, что онъ «совершилъ подвигъ даже до крестной смерти».

Публика разошлась группами и всюду происходилъ обменъ впечатлѣніями; были скептическіе голоса, многие бровзками, но общее мнѣніе было таково, что, несмотря на краткость сеанса, вечеръ далеко не потраченъ,—въ душѣ осталось что-то, совсѣмъ не похожее на обычныя, всѣмъ прѣѣдѣяныя, впечатлѣнія петербургскихъ «наблюдателей».

Марья Евстафьевна управляла полковника Широ, сидѣвшаго рядомъ съ нею, привести къ нимъ молодого человѣка, но полковникъ не далъ ей никакой надежды.

— Боюсь, что это не удастся. Онъ нигдѣ не бываетъ. До сихъ поръ никому не удалось заставить его къ себѣ. Но вы можете не со-

мѣваться, что я употреблю всѣ старанія.

Замѣтили еще, что какой-то высокій старикъ съ бритымъ лицомъ, съ длинными сѣдыми волосами, похожій на англичанина, находился въ публикѣ, а когда молодой князь кончилъ свою рѣчь и удалился, онъ ушелъ вслѣдъ за нимъ.

Когдаѣхали домой въ автомобильъ всѣ четверо (Верхолавцевъ уѣхалъ раннѣе) и обмѣнивались впечатлѣніями, Берениковъ сказалъ:

— Не поклониць я этого жанра, а все-таки долженъ сказать, что отъ него вѣсть чѣмъ-то озѣжающимъ, особенно въ заткѣ атмосферу нашихъ сеансовъ и всѣхъ мистерій.

Дамы промчали, чтобы не сперить. Разставалась съ шими, Алексѣй Даниловичъ сообщилъ, что завтра встрѣтить Михаила и, если поѣздъ не очень опоздаетъ, привезть его къ завтраку.

На другой день, въ поудѣль, раздался звонъ у телефона. Юстина, которая въ это время была въ третьей комнатѣ, вскочила и стремительно побѣжала на звонъ. Тамъ уже была горничная, но Юстина отрапортуя на трубку. Во всѣмъ этомъ было что-то непрѣдѣльное и она сама не могла дать себѣ отчета, почему именно этотъ звонъ такъ привлекъ ея вниманіе. Приволокла трубку къ уху, прислушалась.

— Ахъ, вы? какимъ-то смутнымъ голосомъ произнесла она. — Наконецъ-то вы начали... Гдѣ же вы были? Здоровы ли и когда мы вѣдь увидѣмъ?

— У меня въ распоряженіи всѣго три часа... Если мнѣ позволятъ...

— Пріѣзжайте въ часъ. Будемъ завтра краткіе сестра напѣвное будутъ рады...

— Благодарю. Я буду.

Нечего и прибавлять, что это былъ Лемемъ. Не этимъ ли и объяснилась поспѣшность, съ которой Юстина побѣжала къ звонку?

Марья Евстафьевна не выразила радости и сказала только, что ничего не имѣть противъ, но, въ сущности, была довольна, что эта «интересная фигура» не перестанетъ придаватъ ея гостиной слегка загадочный колоритъ.

И отъ прѣѣхалъ ровно въ часъ, такой-же, какъ всегда, пріимѣній, выдержаній и изысканно-спокойный. На разъ просы отвѣчалъ неясно, но все же настолько опредѣленно, чтобы заинтриговать. Не было ли онъ въ Царскомъ Селѣ? Очень короткое время. Впрочемъ, не разъ. Въ три часа уѣзжаетъ спать на нѣсколько дней, а, можетъ быть, и на долго.

Говорили о князѣ, родственникѣ книжки Подозерской, и его выступлѣніи. Онъ сѣдѣлъ непроницаемое лицо. Онъ въ первый разъ слышитъ. Но мало ли теперь появляется всѣхъ рода книжки, и все хотѣтъ спасать Россію, но ее спасти нельзя: должно произойти столкновеніе иланъ, изъ котораго выйдетъ новая иланка, это и будетъ спасеніемъ Россіи.

Выпивъ изъ кабинета Верхолавцевъ, и всѣ отправились въ столовую. Скоро явился Берениковъ, съ разочарованымъ лицомъ. Онъ былъ на вокзаль, добросовѣстно заглядывая въ лица всѣмъ, прѣѣхавшимъ изъ Москвы пассажирамъ, но среди нихъ не оказалось Миши.. Должно быть, что-нибудь задержало до завтра. Увидѣвъ Лемема, онъ сталъ еще болѣе хмурымъ, сухо поздоровался съ нимъ и, занявъ мѣсто за столомъ, бѣлъ молча.

Уже перешли въ гостинную, куда щадили кофе. Въ это время въ передней позвонили и раздалось довольно шумное, повидимому, радостное восклицаніе лакея, потому вопросы и вообще какой-то разговоръ. Алексѣй выглянувъ изъ прихожую и съ изумлениемъ и радостью бросился къ волшебнику, въ то время, какъ лакей стоялъ тутъ же съ двумя чайниками въ рукахъ.

Прѣѣзжий былъ невысокаго роста, но по выше Алексѣя, въ длинной шубѣ и шховой

шапкѣ. И лицомъ онъ былъ очень похожъ на Алешей.

— Миша, злодѣй!.. Да какимъ же образомъ? Вѣдь я тебя встрѣчалъ!..

— Но не встрѣтилъ! Это очевидно!—ответилъ Михаилъ, смѣясь.

— Ну, снимай же шубу. Всѣ въ гостиной, и будутъ тебѣ рады... — говорилъ Алексѣй, стаскивая съ него шубу.—А почему это съ тобой чемоданы? Ахъ, да, запрочемъ, ты вѣдь не знаешь квартиры... Ты ничего не знаешь. Неужели уѣхать побывать въ Омскѣ?

— Уѣхать въсюду... Все разсказу...

Въ гостиной появление Михаила Береникова произвѣло сенсацію. Его замѣтили во-просами, Съ Лемемомъ онъ былъ знакомъ уже раньше, но всегда относился къ нему отрицательно. И теперь поздоровался молодно.

— Вотъ не понимаю, какъ ты могъ прѣѣхать меня. Я, конечно, тоже самотуже во всѣ глаза и тебя не видѣлъ!—говорилъ онъ, обращаясь къ брату.—И совершилъ напрасно прѣѣздъ на Екатерининской панагіи. Оказывается, что ты оттуда выѣхалъ, и ничего не могъ менѣ сказать, куда. Тамъ мы объяснили, какое-то несчастье произошло, что ли?..

— А вы разѣ не знаете, Миша?—спросила Марья Евстафьевна.

— Ровно ничего не знаю. Я скажу, какъ бѣженный, изъ города въ городъ и потому не могъ получить отъ него ни одного письма.

— Да, несчастье,—сказалъ Алеша и изумрилъ брови,—большое несчастье. Въ нашей квартирѣ, на твоей кровати, умеръ Балашинскій...

— Что? Архитекторъ Балашинскій? Маркъ Леонидовичъ?

— Ну, да, да,—подтверждалъ другіе.—Вѣдь вы-же его знаете, Миша.

— Но, господа, я только что прѣѣхалъ, и вы сразу начинаете меня дурачить. Это даже не по-родственному.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бодицкаго, И. П. Гильдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

Лемемъ насторожился.

Лицо его сдѣжалось крайне сосредоточеннымъ. Видно было, что онъ напряженно прислушивался и какъ бы къ чему-то готовился.

— Ну, милый, кто-же вѣсъ дурачить?—очень серьезно сказала Верхоплавцовъ:—Дѣйствительно, черезъ не сколько дней послѣ вашего отѣзда, Баленицкій, Маркъ Леонидовичъ, случайно почевалъ у Алени и ночью умеръ...

— Гм... Въ такомъ случаѣ я ничего не подпишу. Какъ же умеръ, когда я ровно недѣлю тому назадъ видѣлъ его въ Челябинскѣ

Вѣсъ вложили съ мѣсть, только Лемемъ остался на своемъ стулѣ.

— Вы его видѣли?—спросилъ онъ съ виду очень спокойно.—Но уѣрены ли вы, что это не было простое сходство?

— Какое сходство, когда я съ нимъ говорилъ? Мы провели съ нимъ полчаса въ вождальномъ буфетѣ, вѣсть ужинали. Онъѣхалъ въ Екатеринбургъ, тѣсно у него было, а я—на Нижний. Я его спросилъ обѣ Алеша, онъ сказала, что не видѣлъ его давно и ничего о немъ не знаетъ...

— Этого не можетъ быть!—сквозь зубы произнесъ Лемемъ, но вдругъ спокойнѣлся.—Впрочемъ, шокойники иногда воскресаютъ...

— Въ особенности, когда они не умирали!—Какъ-то подчеркнуто откликнула Нидія.

— Это само собою ясно, Нидія Евстафьевна,—сказала Лемемъ и, взглянувъ на часы, поднялся.—А мѣр пора... Еще надо заѣхать къ себѣ и поспѣшить къ поѣзду въ три часа. Это срочно.

Онъ просыпался со всѣми. Никто не задерживалъ его. Даже Марья Евстафьевна такъ была огорчена сообщеніемъ Миши, что за-

была сказать ему какую-нибудь готовую лубезность. Онъ ушелъ.

— Нѣть, что же это такое, господа?—промолвилъ Михаилъ Беренниковъ, проведя рукой по своему лбу.—Да тутъ—шапушенко,—не знаю только на кого, на меня или на вѣсъ...

— Значитъ, на цѣлый Петербургъ, потому что это все знаютъ.

— А по моему,—сказала Верхоплавцовъ,—если на кого «шапушенко», какъ говорятъ Миша, такъ это на бѣднаго Марка Леонидовича. И это уже черезчуръ.

— И если принять во вниманіе,—промолвилъ Алена,—что онъ находился подъ вліяніемъ гипнотического вспущенія и что по этой части большая мастеръ господинъ Лемемъ... Однимъ словомъ, Миша,—хотя ты и усталъ,—по прости, одѣвайся и ёдемъ къ судебному слѣдователю...

— Вы, можетъ быть, подумали бы, Алеша...—вразумила Марья Евстафьевна.

— Нѣть, Мэри, — твердо сказала Нидія:—пушь єдуть—мы должны спасать Алешу...

Минутъ черезъ десять братья поѣхали къ слѣдователю.

И. Потапенко.

XXXVIII.

НЕ ШЕРЛОКЪ, НЕ ПОРФИРИЙ.

Едва братья вышли отъ Верхоплавцовъ, какъ Алеша съ торопливостью подошелъ къ стоявшему у подъѣзда Ванькѣ, чуть не всплынувъ въ сани брата, сѣлъ и сказалъ извозчику:

— На Лихейный, въ судъ. И гони!

Братъ взглянула на него и проговорилъ:

— Тебя не узнать. Чего ты нервничашъ, какъ женщина. И Нидія, и вѣсъ тамъ. Что случилось съ Баленицкимъ? Какъ онъ умеръ? Почему ты такъ торопишься къ слѣдователю?

Братъ Михаилъ быть старше Алени на три года, но и фигураю, и лицомъ, и своей положительностью казался старше его лѣтъ на десять. Тоже блондинъ, онъ былъ не сколько темнѣе, имѣлъ окладистую бороду и его круглые, какъ и у Алени, глаза были не голубые, а сѣрые съ тѣмъ металлическимъ отблѣскомъ, который придаетъ взгляду особую твердость.

И, дѣйствительно, онъ былъ твердаго, рѣшительнаго характера, съ яснымъ практическимъ умомъ и дѣловoy складкой.

По образованію инженер-технologъ, по специальности электротехникъ, онъ, во времена войны производилъ электрическое оборудование на достраиваемыхъ огромныхъ предпринятіяхъ, усугубъ изобрѣти особыю систему проектировъ, выѣхать съ Алешей,—артиллеристомъ по образованію,—разрабатывалъ проектъ электрической пушки, братья на себя отъ военнаго вѣдомства поставки и теперь вернулся изъ дѣловой поѣздки по Сибири, куда єздилъ по порученію фирмы Сименсъ и Шуккертъ.

Онъ весь кинѣтъ въ дѣловой, практической жизни и слегка посмѣвался наль Верхоплавцовъ и Алешей, которые занимались всегда какими-то искашеніями.

— Тебя-то я понимаю,—шутитъ онъ,—ты ищешь Нидочку, но чего ищешь Марью Евстафьевну,—не пойму! Мужа нашла, есть деньги, положеніе въ обществѣ. Пей чашу жизни и все! А ее къ разнымъ духовицамъ тянетъ; Юстина скоро отъ малокровія и перваго разстрѣлства ума рѣшился, да и Нидія...

Тешеръ ссобенно, посѣдѣ дѣловой поѣздки, ему всѣ показались какими-то странными, а братъ совершенно измѣнился. И исторія съ Баленицкимъ, и эта поѣздка къ слѣдователю.

— Ахъ! Ты ничего, вѣдь, не знаешь!—изволилъ отвѣтить Алеша.—Мы отъ слѣдователя вернемся во мнѣ, въ поль,

и я тебѣ все разскажу. А теперь самое главное.

И Алена коротко рассказалъ ему про странную встрѣчу съ Баленицкимъ, про деньги, про смерть Баленицкаго, про слѣдствіе, изумительное изчезновеніе покойника и, наконецъ, про какое-то гнусное подозрѣніе, въ силу которого слѣдователъ взялъ съ него подпись о невѣдѣ.

— И, вообще,—изволилъ окончить онъ,—и я, и Нидія, и вѣсъ опутаны каким-то паутиной. Я чего-то жду, я весь изнервничалъ.

— А наши чертежи?—быстро спросилъ Михаилъ.

— Неприкосновенны. Посмотрѣли и оставили.

Михаилъ облегченно вздохнулъ.

— А за стѣнкой квартира вѣмца?

— За дверью, оклееной обоями,—правилъ Алена,—на верномъ правѣ мы бы вбивали гвозди въ дверь, а не въ стѣну.

— А что за вѣмъ?

— Не имѣю понятія. Какой-то баронъ. Сейчасъ въ отѣзда... Стой! Направо!.. Жди насъ тутъ...

Извозчикъ остановился у пижаго подъѣзда окружного суда. Алеша торопливо вышелъ и прошелъ впередъ.

Они сѣли верхнее платье у расторопнаго швейцара и пошли по широкой лѣстинцѣ.

— Сюда, вѣдь,—говорилъ Алеша, шагая черезъ ступеньки.

Имъ встрѣчались и ихъ обитали чиновники въ штыкѣхъ мундирахъ и вицмундирахъ, адвокаты во фракахъ, съ портфелями и безъ портфелей, мужчины и женщины, жандармы, полицейские и арестанты въ сѣрыхъ курткахъ, сопровождаемые болвойными.

— Въ первый разъ тутъ,—сказалъ Михаилъ,—непріятное зданіе.

— Я тоже его не зналъ, а теперь чуть не постоянный посѣтитель,—желчно отвѣтилъ Алеша и взялся за ручку двери.

Они поднялись до верхнаго этажа,

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азгуровъ, В. Д. Борисовъ,
Л. П. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Мироновъ,
Б. И. Есмировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологубъ и др.

XXXIX.

НЕ ШЕРЛОКЪ, НЕ ПОРФИРІЙ.

Алеша открылъ дверь, и они вошли въ длинный, широкий коридоръ, освещенный стекляннымъ потолкомъ. Стекла были сбры отъ грязи, и въ коридорѣ было сумрачно. Справа и слѣва темнѣли закрытыя двери съ надписями: «Камера слѣдователя» съ обозначеніемъ его участка.

Одна изъ дверей отворилась и изъ нея вышелъ, гремя кагдалами арестантъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ. Арестантъ безпечно улыбался, маленький конвойный съ озабоченнымъ лицомъ засовывалъ сложенную бумагу за обилагъ рукава.

Алеша подошелъ къ курьеру и дѣлъ ему визитную карточку.

— Господину Губанову; скажите, очень важно.

Курьеръ взялъ карточку, спряталъ сунутый ему рубль и вошелъ въ дверь съ надписью: «Слѣдователь 8-го участка».

Черезъ минуту онъ вышелъ, и, открывъ дверь, сказалъ:

— Пожалуйте!

Алеша рванулся. Михаилъ спокойно прошелъ за нимъ.

Они вошли въ большую комнату приказного вида. Въ комнатѣ стояли большие, ясеневаго дерева, шкафы, большой столъ и четыре стула. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣлъ Губановъ, чистенький, гладенький, съ аккуратно расчесанными рыжеватыми волосами, съ завитыми усами.

При входѣ братьевъ онъ поднялся и пріятельски поздоровался съ Алешой, въ то же время прытливо разглядывая его брата.

— Алексѣй Даниловичъ! — съ дѣланной радостью воскликнулъ онъ. — Очень радъ вѣдѣть! Праздникъ душни! Ха-ха-ха! — онъ засмеялся.

Алеша сухо поздоровался съ нимъ и проговорилъ:

— Мы къ вамъ по дѣлу. Это — мой братъ, Михаилъ Даниловичъ. Онъ сегодня вернулся изъ поездки.

— Радъ! Несказанно радъ! — воскликнулъ Губановъ, встѣхивая руку Михаила. — Извѣстный изобрѣтатель. Много слыхалъ о вѣсѣ. Пожалуйста, господа, садитесь. Курите?

Онъ сѣлъ въ свое кресло и положилъ на столъ раскрытый портсигаръ.

Алеша встѣхнулся, словно конь, отгнояющій изойлихъ сюдовъ, и дѣловымъ тономъ произнесъ:

— Я привезъ къ вамъ брата потому, что онъ можетъ сообщитьъ съѣдѣнія о Маркѣ Леонидовичѣ Баленицкомъ.

— Ахъ! Это очень важно. Вы, вѣдѣ, его знали? Талантливый юзчий! Вы, можетъ быть, имѣли съ нимъ и дѣловыя сношенія?

— И имѣлъ, и имѣю, — отвѣтилъ сдержанно Михаилъ.

— То-есть? — не понялъ слѣдователь.

— Дѣло въ томъ, — вмѣшался Алеша, — что братъ встрѣтился съ Баленицкимъ въ дорогѣ. Баленицкій живъ.

Губановъ откинулся къ спинѣ кресла и на мгновеніе лицо его приняло глупое, растерянное выраженіе.

На мгновеніе. Онъ сразу оправился, широко улыбнулся и проговорилъ:

— Скажите! Живъ! И вы изволили его видѣть, и, можетъ быть, говорить съ нимъ?

— Съ полчаса времени, — отвѣтилъ Михаилъ, — мы сидѣли на вокзалѣ, въ буфетѣ, ужинали и бесѣдовали.

— Съ нимъ, съ Баленицкимъ? Михаилъ молча кивнулъ.

Слѣдователь улыбнулся и, закуривъ папиросу, спросилъ:

— И вы же сомнѣваетесь, что это — онъ?

— Я же съ нимъ вмѣстѣ учился. Оба технологии. Потомъ онъ перешелъ въ институтъ гражданскихъ инженеровъ.

— Такъ. Гдѣ же вы его видѣли и съ чѣмъ бесѣдовали?

— Въ Челябинскѣ. Я былъ удрученъ встрѣчей и, какъ всегда въ этихъ слу чаяхъ, разговоръ былъ пустой и безсодержательный. «Какъ вы сюда попали?» — По дѣламъ. А вы? — «Тоже». О дорогѣ, о погодѣ, о знакомыхъ. И все. Онъѣхалъ въ Екатеринбургъ, я въ Нижній.

— И вы не спросили его, какъ онъ былъ отравленъ, ограбленъ, умеръ? — Губановъ улыбнулся и слегка прищурился.

— Не догадался, — сухо отвѣтилъ Михаилъ, — какъ, напримѣръ, сейчасъ я не предлагаю вамъ подобныхъ вопросовъ.

— Ха-ха-ха! — снова разсмѣялся Губановъ. — Это было бы забавно! Я, вѣдѣ, такъ. Теперь, знаете, весь Петроградъ наполнился пророками, духовицами, теософами, оккультистами. А, скажите пожалуйста, Алексѣй Даниловичъ развѣ не писалъ вамъ о неизрѣдѣніи происшествіи съ деньгами, съ этимъ мнемоумершимъ?

— Я не зналъ, гдѣ находится братъ, — сказалъ Алеша.

— Я ни отъ кого не получалъ писемъ, а самъ сносился только съ фирмой.

— Такъ. Теперь, если позовите, я запишу ваше показаніе, и конечно это дѣло.

Онъ быстро сталъ писать. Михаилъ закурилъ и равнодушно смотрѣлъ на слѣдователя. Алеша, видимо, волновался. Минутъ черезъ пять, слѣдователь поставилъ точку.

— Все! Извольте прослушать и подписать.

Онъ прочелъ сухой пересказъ показанія Михаила и дѣлъ подписать. Михаилъ подписался.

— Вотъ и все, — сказалъ слѣдователь, кладя бумагу въ сторону. — Я вспоминаю случай самоограбленія. Человѣкъ устроилъ у себя погромъ, похитилъ деньги и удралъ. Деньги были ему довѣрены.

— Исторія Дюбуа, — сказалъ Алеша.

— О, пѣтъ! Дюбуа уже освобожденъ. Всѣ камни у него оказались поддельными. Онь отграбленъ по-настоящему. Вотъ ана логія! — вдругъ словно сообразилъ Губановъ. — У этого Баленицкаго тоже оказались всѣ ассоциации фальшивыми. Помни те? — обратился онъ къ Алешѣ.

— Я хотѣлъ бы знать, когда вы изба вите меня отъ тревогъ по этому дѣлу? — сказалъ вмѣсто отвѣта, Алеша.

Губановъ поднялъ обѣ руки.

— Тревоги! Помилуйте, я же вѣсъ во все не беспокою.

— Но само дѣло беспокоитъ меня, и та перь, когда онъ живъ...

— А если это — не онъ? Не горячиться. Алексѣй Даниловичъ. Мы — юристы, намъ нуженъ документъ. Вотъ я и пошлю за просьбъ, получу отвѣтъ...

Они встали и говорили стоя. Михаилъ простился и пошелъ къ двери. Слѣдователь удержалъ его на самомъ порогѣ.

— Когда же, приблизительно, вы полу чили послѣднее письмо отъ Алексѣя Даниловича? — спросилъ онъ.

— Приблизительно, года два назадъ. Онъ уѣзжалъ въ Крымъ.

Слѣдователь засмѣялся.

— Шутникъ! — сказалъ онъ, и глѣвомъ топотъ прибавилъ: — Въ случаѣ на добности, я позволю себѣ вѣстъ вызвать.

Они вышли. Алеша, сходя съ лѣстницы, возмущено сказалъ:

— Вотъ онъ всегда такъ меня мучаетъ. Пустяками всѣми. Не то Порфирій по Достоевскому разыгрываетъ, не то Шерлокъ Холмса.

— Пустозвольте, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Михаилъ, — но дѣло, видимо, какое то странное.

Они одѣлись, вышли, сѣли въ ожидав шія ихъ салы и побѣхали въ гостиницу, гдѣ помѣстился Алеша.

— Мы пошлемъ за твоими вещами и ты снимешь комнату рядомъ, — сказалъ онъ.

— Ладно.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Г. Азгуровъ, З. З. Борисовъ, Б. П. Гнедича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нигросянъ, В. И. Кемеровъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Соллогубъ и др.

XL.

ТЕМНАЯ ВОДА.

Въ просторной, прекрасно меблированной комнатѣ меблированного дома на Мойке, все сразу приобрѣло отпечатокъ пребыванія аккуратнаго и дѣловаго человѣка.

На сторонахъ письменнаго стола лежали стопки книгъ и книгами была забита придинутая къ столу этажерка; на раскрытомъ ломберномъ столѣ лежали чертежи, планы и карты; за драпировкой въ альковѣ стояла постель Алеша и военное званіе жильца обнаруживалось только пинцетомъ въ крошечной прихожей, шапкой и фуражкой, да на шкафу стояла зеленая коробка, имѣющая форму восьмерки, съ эполетами для парадной формы.

Судя по обстановкѣ, пельзя было подумать, что Алеша мыслями хаотиченъ и характеромъ възбалмошенъ. Но такимъ онъ и не былъ до послѣднаго времени и объ этомъ подумалъ Михаилъ, спокойно слушая беспокойнаго брата и сѣдя за нимъ внимательнымъ взглѣдомъ.

— Вотъ тутъ и поселимся,—сказъ Алеша,—солидно, спокойно и недалеко отъ управлѣнія...

— И отъ Верхопловцевыхъ,—чуть усмѣхнулся Михаилъ.

— И отъ Ниды,—подтвердилъ Алеша,—ты если хочешь, снимешь комнату тутъ-же Обѣдать у Донона. Кормить прекрасно, а чай, кофе—здѣсь.

Алеша раздвинулъ драпировку и изъ алькова, переодѣтый въ домашній фланелевый костюмъ. Михаилъ полулежалъ на широкомъ оттоманѣ, сбросивъ пиджакъ съ жилеткой.

На немъ была голубая шелковая рубаха и, онъ, приземистый, широкоплечий, съ боль-

шой рыжей бородой казался богатыремъ въ сравненіи съ пухлымъ, круглымъ, маленькимъ Алешей, который зажегъ спиртовку, досталъ аллюминіевую кастрюлю, стаканы, и старательно приготовилъ глинтвейнъ, говоря:

— Это для твоего прѣзда. Потомъ пойдемъ обѣдать. Люблю этотъ глинтвейнъ, поилъ имъ Баленицкаго въ ночь его смерти и послѣ того отрекся, а теперь захотѣлось. Мы съ тобой всегда его пили.

— Готовъ и разкажи спачала про эту удивительную кончину. Свѣзно и толково. Гдѣ ты его встрѣтилъ?

— Былъ у Маріи на обычномъ вечерѣ съ Лемемомъ. Ушелъ раздраженный. Почему— послѣ. Была вынога, матерь и у Казанскаго собора встрѣтила его. Будь лунная ночь и я бы сказалъ, что онъ лунатитъ. Шелъ въ какомъ то трансѣ, къ себѣ на Кирочную. Я вижу, что онъ пропадетъ и пригласилъ къ себѣ. Онъ совсѣмъ былъ разбитый... Сѣдалъ глинтвейнъ, сосчитали деньги, я за- снула, а на утро онъ мертвый...

Алеша яростно дунулъ на пламя спирта, затѣмъ спѣль кастрюлю и налилъ стаканы.

— Но онъ же не умеръ...

— Былъ мертвъ, какъ деревній позоръ, послѣ былъ участковый докторъ и запротоколилъ:—смерть отъ паралича сердца—а Шерлоки Холмсы взяли съ собою стаканы и остатки глинтвейна... для анализа. И вотъ штука: въ эту ночь его квартира была разгромлена и очищена денежный шкафъ. Чуть не сто тысячъ!..

— И потому онъ исчезъ?

— Въ томъ то и штука. Самъ ли ушелъ, улеслили...

— Черезъ запертое дверь въ соседнюю квартиру?..

— Чевадо!

— Но, вѣдь, она была задѣмана?

— Ну вотъ! — Алеша взволнованіемъ вскочилъ и пробѣжалъ по комнатѣ,—на-щупали дверь. Хорошо! Узнай, что за дверью, войди въ баронскую квартиру, осмотри тамъ. Кажется, ясно. А они—согрѣвали обои, отодрали папку, дранки и давай ломиться въ дверь. А тамъ—то же. Тогда они догадались пройти въ квартиру барона и тамъ продѣлали то же. И обои содрали, и папку, и дранки. Раскрыли дверь и доволь-ны!

— Кто же это придумалъ?

— Нашелся умникъ!—Каждый хотѣть что-нибудь мудрое придумать.

— И Баленицкій скрылся?..

— Да! А деньги, которыя я считалъ, ока-зались фальшивыми. И эти идиоты вообра-зили, что я устроилъ этотъ обманъ, зама-нилъ этого Баленицкаго, отравилъ и по-саѣ,—вѣроятно уже мои сообщники—укра-ли трупъ и спрятали! Они не говорили это-го, но давали понять,—идиоты! — Алеша выпилъ все изъ стакана и налилъ снова. Лицо его раскраснѣлось, глаза стали со-всѣмъ круглые.

— Арестовать не могли. Взяли подпиську о невѣздѣ. Я рапортъ по начальству по-далъ. Ну, у настѣ, слава Богу, посмѣялись, а могло быть хуже. И теперь онъ живъ! Ты видѣла лицо этого Губалова?—Но вѣроили, что ты его видѣла?..

Алеша съ тревогой уставился на брата. Михаилъ закурилъ папиросу и отвѣтилъ:

— Какъ тебѣ!

.. Чортъ знать, что!—Какъ его туда занесло.

Михаилъ кивнулъ и потомъ сказалъ:

— Теперь, вспоминая встрѣчу, я помню, что напѣль его какимъ-то ненормальнымъ. Да! Я теропилсяѣхать, говорилъ съ нимъ недолго, но впечатлѣніе помню. Словно онъ былъ во снѣ. Да... все это странно.

— Такъ странно, такъ, — началь взволнованіемъ Алеша, — и если бы ты знала, какъ я за послѣднѣе время издергантъ!

Михаилъ пытливо посмотрѣлъ на брата.

Алеша провѣзъ рукою по головѣ и вздох-нуль.

— Это было саже по себѣ мерзость, но

кромѣ того меня, Ниду, Юстину — всѣхъ опутываетъ какая-то паутина. Линская, гризная. И все этотъ Лемемъ.

— Вы полуумѣшанные. Красивый муж-чина, гипнотизеръ; вѣроятно, шарлатанъ, а вы его въ пророки...

— Я знаю, что шарлатанъ, но онъ силь-ный. Я рѣшилъ его разоблачить и добьюсь, но какъ, не знаю. Самое же главное, — Алеша снова вскочилъ, сѣль и почти шопо-томъ проговорилъ: — силь обратилъ свое подное вниманіе на Ниду! Юстинашь? Те-перь и она это чувствуетъ. И раньше замыслилъ и онъ возненавидѣлъ меня, а я его. Теперь слѣжу за ними. Онъ старается вѣдѣть. Кажется, попалъ въ Царское Село. Но край-ней мѣрѣ вѣдѣть туда. Дѣлается силой.

— Изъ чѣго ты замыслилъ, что онъ обратилъ вниманіе на Ниду?

— Сперва почувствовалъ, а потомъ ви-жу. И онъ старается подчинить ее своей волѣ. Я мѣшаю и не даю ему быть съ мной наединѣ. Юстинѣ чувствуетъ его злую силу. Сперва она была совсѣмъ у него въ подчи-неніи, теперь сопротивляется. Идѣть борьба. Онъ не брезгуетъ наѣбъ. Вотъ я получила такое письмо. Смотри!

Алеша подбѣжалъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, изъ него портфель и досталъ сложенную бумажку.

Михаилъ развернулъ ее, увидѣлъ стран-ный символіческій снажъ и прочелъ вслухъ:

— «Вѣль и вашъ союзникъ»... Кто же у тебѣ союзники? а?

— Я, Ніда и еще одинъ. Ты знаешь: сѣйчай полковникъ Широ, — саркастично отвѣтилъ Алеша.

Михаилъ кивнулъ и предположилъ:

— «Бездонная пропасть можетъ ока-заться ближе, чѣмъ вы думаете. Итакъ... Хорошо это слушать! «остерегайтесь, чтобы не оступиться. Sapienti sat!»

Михаилъ бросилъ бумагу на столъ и широко улыбнулся.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тридцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азаревъ, В. В. Борисовъ, Н. П. Гибдичъ, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайлова, Е. А. Ильинъ, В. И. Екирбичъ-Даничко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Солдатъ и др.

XII.

Михаилъ Беренниковъ бросилъ бумажку на столъ и широко улыбнулся Алешѣ.

— Это прямо списано изъ книжки Натъ Пинкертонъ за 10 копѣекъ. Что за чушь?

— Тебѣ кажется это чушью, а это угроза и настоящая, — серьезно отвѣтилъ Алеша. — Сперва и я такъ подумалъ. Слогъ дунацкій, но это сдѣлано нарочно. Это не такъ глупо, Миша. Я скажу тебѣ, что меня на-дняхъ чуть не искалечилъ автомобиль. Я успѣхъ отскочить и упасть. Случай! Послѣ этого меня чуть не убили желѣзной полосой.

— Это какъ?

— Я шелъ, меня обогналъ рабочій съ желѣзной полосой на плечѣ и вдругъ круто повеялся. Полоса почти прошибла алимо моего лица. Онъ не разсчитывалъ и сдѣлалъ линій шагъ. Если бы я не увидалъ его чоки съ выражениемъ досады, я бы принялъ это то же за случайность.

Михаилъ показалъ головою.

— И ты чумаешь, что это все Лемэть?

— Я вѣрень. И... можетъ быть это и странно — исторію съ Бяленицкимъ я включаю сюда же. Это патутина. Иногда я чувствую себя, какъ затравленный; я потерялъ способность работать...

— Темна вода во облацахъ, — сказалъ Михаилъ.

— Все темно... все мутъ...

Голосъ Алени прервался. Глаза его за-круглились, лицо отразило ужась.

Михаилъ передвинулъ на софѣ и положилъ руку на плечо брата.

— Глупости! Успокойся! Будемъ опять жить вмѣстѣ, займемся пушкой, а попутно разоблачимъ этого шарлатана. Ніяя будеть твоей женой, никто ея не обидить. И все это преувеличено. Салонъ Маріи дѣлаетъ свое дѣло и разстраиваетъ вѣтъ нервы. А теперь одѣвайся снова и идемъ обѣдѣть. Я — голоденъ.

Алеша оправился и, встряхнувшись, сказълъ:

— Идемъ! только не думай, что это раз-строенные нервы. Это борьба, борьба за нервами, за честь, за счастье, а можетъ быть, — окончить онъ, — и за жизнь.

— Будемъ бороться вмѣстѣ, — просто сказълъ Михаилъ, — а теперь идемъ! — И онъ всталъ и потянулся за пиджакомъ и жилетомъ.

Алеша снова ушелъ за драпировку.

Черезъ полчаса они выходили.

— Приготовьте мнѣ компактъ, — сказълъ Михаилъ человѣку, стоявшему въ коридорѣ, — посыльный привезетъ чемоданъ, поставьте его у меня и затопите печку. Я люблю тепло!

— Будетъ сдѣлано.

Друзья вышли. До ресторана Дочона надо было пройти чѣсколько саженей.

Алеша вдругъ толкнулъ брата.

— Видѣши, — шепотомъ сказълъ онъ, указывая на идущаго съ беспечнымъ видомъ на вѣтру имъ господина въ котелѣ и пальто съ воротникомъ «подъ бобра».

— Вижу.

— Этотъ человѣкъ слѣдитъ за мною. Ихъ двое. То ли полиція, то ли по найму Лемэть, но я окружены шпионами, — сказълъ Алеша

XIII.

ВДОВАЯ НЕВѢСТА.

Сергѣй Сергеевичъ Лучининъ, прошагъ положенные два часа послѣ обѣда, выпилъ стаканъ воды, которую привозили ему изъ Царскаго Села, закурилъ сигару и сѣлъ къ письменному столу, когда къ нему въ кабинетъ быстрой походкой вошла сестра Клавдія Сергеевича.

Лицо ея отражало тревогу и рѣпністъ, глаза горѣли, грудь тяжело поднималась.

— Сережа! — началь она и опустилась въ кресло.

Лучининъ вынулъ сигару изо рта и съ беспокойствомъ взглянулъ на сестру. Онъ никогда не видѣлъ ея такой разстроенной. Даже, когда они получили извѣстіе о трагической смерти Бяленицкаго.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ заботливо.

— Онъ живъ. Его видѣлъ Михаилъ Даниловичъ! — порывисто произнесла она, — я сейчасъ отъ нихъ.

Лучининъ сразу же понялъ.

— Кто живъ? Какой Михаилъ Даниловичъ?

— Ахъ, Беренниковъ! Братъ Алеша! Отъ Ѣздали, вернулся и въ дорогѣ, въ Челябинскъ видѣлъ Марка.

— Бяленицкаго?

— Ну, да! Видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Лучининъ откинулся къ спинѣ кресла и уставился на сестру. Она въ свою очередь смотрѣла на него съ тревогой и нетерпѣніемъ.

— Бяленицкаго, — повторилъ Лучининъ, — да это бредъ! У насъ дѣло, наше разграбили, а онъ въ Челябинскѣ! Докторъ опредѣлилъ его смерть отъ паралича сердца, а онъ воскресъ и очутился въ Челябинскѣ! Люди сошли съ ума!

— Ты слушай, слушай! — Клавдія приложила руки къ груди. — Ты ушелъ спать, а меня по телефону вызвала Юстина. Я побѣхала. У нихъ Алеша и Алеша передать разсказать брату. Вѣдь, Михаилъ Даниловичъ былъ съ нимъ товарищемъ. Не могъ не узнатъ. Только сѣть говорить, что Маркъ былъ како-то странный. Будто не свой.

Онъ любилъ сестру съ нѣжностью отца. Она была на 15 лѣтъ моложе его и, рано осиротѣвъ, воспитывалась подъ его руководствомъ.

— Ничего, — сказълъ Лучининъ, беря снова въ ротъ сигару и приходя въ себя. — Ровноничего. Если бы я не зналъ Марка, можемъ бы предположить симуляцію. Самъ се-бя ограбилъ, самъ себѣ умертвилъ, стѣлы замѣлъ и упѣръ. Въ сложности у него было тысячу 120. Монѣтъ денегъ 60 тысячи, твоихъ 20, — по здѣмъ ему это дѣлать, когда мы могли заработать на поставкѣ вѣрныхъ 300 тысячъ. Ерунда. Бредъ!

— Но онъ живъ? — вспомнила Клавдія, — и его надо найти. Ты послушай бы, что говорилъ Алеша. Маркъ послѣднее время былъ болѣй, странный. Съ нимъ что-то дѣлалось. Ты замѣчала? Алеша рассказы-валъ, какимъ онъ его встрѣтилъ. Вѣдь это одинъ ужасъ! И смерть. Это не была смерть. Викторъ выдумалъ или не разо-бралъ. И вотъ онъ лежалъ и очнулся. А падъ нимъ чужая воля. И онъ пошелъ. Отъ и сейчасъ во снѣ... Его надо искать, искать, искать!

Пожалуйста, позови къ намъ Михаила Даниловича. Мы все разузнаемъ. Я побѣду его искать сама!

Лучининъ махнулъ руковою.

— Ну, это и безъ тебѣ можно, но все это такой сумбуръ! Чужая воля. Кому онъ нуженъ, для чего?

— Мы не знаемъ.

— И чѣмъ не знаетъ? Все это бредъ,

— Но позови Михаила Даниловича!

— Это можно. Я позову Алѣксѣю Даниловичу и попрошу. Хоть завтра.

— Ионятно, завтра.

Клавдія, видимо, успокоилась.

— Я знаю, что онъ живъ, — заговорила она. — когда ты припесъ страшно вѣсть, я была у Юстины. Я люблю ее. Она странная. И она сказала мнѣ, чтобы я не тревожилась, что онъ найдется. Послѣ говорили про его смерть, а я не вѣрила. И вотъ, онъ живъ!

— Если живъ, то онъ долженъ вернуться.

— Нѣтъ. Тутъ странное. Его найти надо. Я увѣрена, что онъ боленъ.

— Хорошо, подумаемъ.

Клавдія кивнула.

— Ты знаешь, я люблю его. Я готова сама наказать его. Теперь онъ представляется мнѣ такимъ несчастнымъ, — и на глазахъ ея показались слезы.

— Хорошо, Клавдія, мы все сдѣлаемъ, — ласково сказълъ Лучининъ, — теперь распорядись чаемъ.

Онъ любилъ сестру съ нѣжностью отца. Она была на 15 лѣтъ моложе его и, рано осиротѣвъ, воспитывалась подъ его руководствомъ.

— Ничего, — сказълъ Лучининъ, беря снова въ ротъ сигару и приходя въ себя.

— Ровноничего. Если бы я не зналъ Марка, можемъ бы предположить симуляцію. Самъ се-бя ограбилъ, самъ себѣ умертвилъ, стѣлы замѣлъ и упѣръ. Въ сложности у него было

тысячу 120. Монѣтъ денегъ 60 тысячи, твоихъ 20, — по здѣмъ ему это дѣлать, когда мы могли заработать на поставкѣ вѣрныхъ 300 тысячъ. Ерунда. Бредъ!

— И хорошо сдѣлала. У нихъ, вѣрно, опять сеансъ?

— Сеансъ и лекція на время разстроились. Лемэть засѣвъ сношенія съ Царскимъ Селомъ, — и Клавдія уже улыбнулась.

— Будетъ вліятельнымъ, какъ Распутинъ, — сказълъ Лучининъ.

Клавдія кивнула брату и вышла.

Лучининъ остался одинъ, пододвинулъ къ себѣ толстую тетрадь съ чертежами и схемами, хотѣлъ заняться, и не могъ.

Какъ онъ разъяснялъ, какъ онъ изо-
новился, чего онъ не зналъ! Передъ Клавдіей оживѣлъ и древній Римъ, и снова возвраждались. Оживали камни. Бы первый разъ передъ ней раскрылись красота и величие искусства и она попытала гармонію лѣни, уловила звуки въ величавыхъ постройкахъ и краски, линіи, контуры зданий, музыка и планетная система для нея слились въ одну гармонію и великие твор-
цы стали богами.

Беренниковъ, очевидно, не выдумалъ встѣрѣ. Что, дѣйствительно, необычно.

Можетъ быть, онъ уѣхалъ отъ сестры, отъ женитьбы? Но при этой мысли краска

бросилась въ лицо Лучинина и онъ тотчасъ отогналъ ее, какъ нальную.

Словно упомянутый сонъ были для Клавдіи прогулки съ Бяленицкимъ. Стихи Данте и Петарка, флорентійскія леген-
ды, страшные разсказы о Дордже, индиви-
дюзіи... и самъ Бяленицкій съ преображен-
нымъ свѣтлымъ лицомъ съ голубыми гла-

зами, которые загорались и сяли салфи-
рами уже не казался ей рыцаремъ пе-
чаль-
ного образа, а чѣмъ-то совсѣмъ особы-
ннымъ, нездѣшнимъ и она подумала ему, полюбила...

Часы звонко пробили 11 разъ. Въ ка-
бинетъ вошла горничная и сказала:

— Барышня просить вѣстъ чай кушать!

— Иду!

Она всталъ, взялъ папиросный ящикъ, зажигалку и пошелъ въ столовую.

— Клавдія, — сказълъ онъ, — я не буду откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Заниматься не стану, а пойду въ инженер-
ный клубъ. Если Михаилъ Даниловичъ не захворалъ, то онъ тамъ — и я все узнаю.

— Счастливо тебѣ, — сказълъ Клавдія, — я переживаю и сомнѣнія, и увѣренность, и страхъ, и радость. Сегодня вело Данте лѣчъ у меня въ спальнѣ. Миѣ жутко.

Лутининъ покачалъ головою.

— Стыдно. Предоставь эти нелѣпые страхи Юстины и Нидіи. Вспомни, что ты со мной и на волковъ, и на медведя охоти-
лась.

— То не то...

Да! то не то... Клавдія сидѣла въ своемъ уютномъ будуарѣ съ кускомъ тонкаго по-
лотна въ рукахъ, съ нитками и иголькой; рука ея искусно дѣлала стежокъ за стеж-
комъ и на тонкомъ полотнѣ вырисовывалась хитрый узоръ, а зысли Клавдія бѣжали быстрымъ чередой и создавали картины, яр-
кія, такъ въ кинематографѣ.

Тонкая фигура съ притопнѣтыми плечами, длинное узкое лицо, длинные обиные усы, длинная жидкая борода. Совсѣмъ «ры-
царь пе-
чаль-
ного образа» — и какъ она весело мѣялась, когда братъ представилъ ей этого Бяленицкаго въ садѣ отеля на берегу Комо!.. Послѣ они путешествовали вмѣстѣ по Италии. Братъ заботился объ Ѣѣде, от-
ляхъ, прогулкамъ, а Бяленицкій весь пре-
образился и Клавдія упивалась бѣздами съ нимъ. «Марфа и Марія» шутливо, звала она брата и Бяленицкаго.

Прочла, вздрогнула и перечитала снова.

— «Найдете Б., если любите и не жа-
лѣтъ денегъ. Завтра, Александрийскій теа-
тръ. Все узнаете»...

— Даша, кто припесъ письмо? Пись-
момъ?

— Будто свой человѣкъ. Такой будто, — отвѣтила Даша изъ другой комнаты и вошла, — сказълъ «экстра», даъ и ушелъ. Барышня, вѣдь худо? Я — вѣдь...

Даша кинулась иза-за стаканчика воды, Клавдія уже оправилась.

зами, которые загорались и сяли салфи-
рами уже не казался ей рыцаремъ пе-
чаль-
ного образа, а чѣмъ-то совсѣмъ особы-
ннымъ, нездѣшнимъ и она подумала ему, полюбила...

Да! въ этой книжкѣ, вотъ тутъ, былъ сказанъ ей волшебныя слова. Она была полна счастья, братъ сидѣлъ, привесъ бутылку и они втроемъ сѣдѣли долго — все трое радостные...

Клавдія встѣкнула иглу въ тонкую ткань и не вынула. Прогизка упала изъ ея руки и она сидѣла недвижно, устремивъ взоръ передъ собою...

И представился ей ея женихъ съ ра-
стеряніемъ взгляда, блѣднымъ лицомъ блуждающимъ гдѣ-то вдали, чешній не-
ясныхъ мыслей... Быть можетъ, онъ со-
шелъ съума! Ужасъ!.. Она застыла.

— Барышня! — раздѣлся осторожный отвѣтъ и горничная Даша вошла въ ком-
нату.

Клавдія вздрогнула.

— Это ты? да, дѣлай постель и сегодня лягъ у меня на диванѣ.

— Письмо. Фамъ, барышни, — сказълъ Даша и Клавдія увидѣла въ ея руки кон-
вертъ.

— Дѣлай постель!

Даша прошла въ спальнѣ. Клавдія разбрѣзала пожнициами конвертъ, вынула листъ бумаги и быстро прочла странное письмо.

Прочла, вздрогнула и перечитала снова.

— «Найдете Б., если любите и не жа-
лѣтъ денегъ. Завтра, Александрийскій теа-
тръ. Все узнаете»...

— Будто свой человѣкъ. Такой будто, — отвѣтила Даша изъ другой комнаты и вошла, — сказълъ «экстра», даъ и ушелъ. Барышня, вѣдь худо? Я — вѣдь...

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тридцати авторовъ: А. З. Амфитеатръ, А. Т. Азанциевъ, В. З. Бодровъ, П. Н. Гнѣдичъ, А. С. Гризъ, А. Е. Заринъ, А. А. Ильинъ, Е. А. Нигроцъ, В. И. Ескрекъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Соллогубъ и др.

ХIII. ВѢЧЕРЪ ЧУДЕСЪ.

Лучининъ угадалъ. Михаилъ Даниловичъ пообѣдалъ съ братомъ у Донона, вернулся въ свое новое жилище, выспался и, зная, что Адеша ушелъ по обычаю къ Верхоплавцевымъ, отправился ужинать въ клубъ. Тамъ онъ привыкъ проводить полуночное время, Хорошій поваръ, прекрасное вино, крупная игра и кругомъ добрые знакомые.

Едва онъ вошелъ въ вестибюль, какъ дружеская атмосфера охватила его сразу. Старый Ефремъ особенно радостно распахнулъ дверь, служители торопливо бросились принять отъ него шубу и шапку.

— Давно не видать васъ было! — сказалъ съ улыбкою швейцарь и крикнулъ: — въ лѣвый край вѣшай, въ теплый уголъ.

— Въ поѣздѣ былъ, Ефремъ. Всю Сибирь объѣхалъ.

— Ну, это значитъ по дѣлу, а я, упаси Богъ, думалъ — хотите.

Беренниковъ кивнулъ и сталъ подниматься по широкой лѣстницѣ. Съ площадки до него уже доносился гулъ голосовъ изъ игорного зала и смѣхъ изъ столовой. Онъ остановился передъ зеркаломъ и привычнымъ жестомъ оправилъ бороду.

— Беренниковъ, здравствуйте! Давно пріѣхали?

Беренниковъ обернулся и пожалъ привѣтную руку.

— Сегодня только. Іздѣль отличио.

Инженеръ Полянскій, въ растянутомъ сюртукѣ и жилеткѣ, съ растрепанными волосами и суровымъ лицомъ, кивнулъ и сказалъ:

— Опять проигрался въ пухъ и перья. Нѣть ли у васъ сотни-другой?

— Пожалуйста!

Беренниковъ вынулъ бумажникъ. Полянскаго всѣ знали, какъ безумного игрока. Онъ иногда въ одну ночь выигрывалъ 100, 150 тысячъ и проигрывалъ ихъ въ сѣдующую. Его огромные заработки всѣ шли на игру, и пріятели смеялись, говоря, что онъ не можетъ скопить денегъ, чтобы купить приличные часы.

— Метка у этого чорта изумительная. И выдержка, — сказалъ Полянскій, бера отъ Беренникова деньги.

— У кого?

— У этого Лемэма. И выдержка. Дѣтали раздавалъ сплошь, тысячу 70, а потомъ на третій отыгрался. Три комплекта и по два куша.

Михаилъ Даниловичъ даже вздрогнулъ. Снова этотъ человѣкъ!

— Лемэмъ? Какъ онъ къ намъ попалъ?

— Дѣлѣи недѣли назадъ, какъ баллотировался. Нынѣшняя знаменитость. Вы его знаете?

— Сегодня у Верхоплавцевыхъ видѣлъ.

— Пойду отбиваться.

Полянскій засунулъ руку за поясъ брюкъ и вошелъ въ игорную залу.

— Вы! Михаилъ Даниловичъ! Вернулись? Радъ!

Изъ столовой вышелъ и подкатился, какъ шаръ, докторъ Ольшанскій. Онъ былъ круглый и толстый, на короткихъ ногахъ, съ короткими руками и огромной головой.

Беренниковъ съ радостнымъ чувствомъ пожалъ его руку. Доктора всѣ любили. Онъ не игралъ въ карты, но каждый вечеръ проводилъ въ клубѣ, любя поѣсть, выпить и поболтать.

— Идемъ ужинать!

— Нѣть, я пойду на игру посмотретьъ. У насъ новые члены.

— Два шарлатана, Лемэмъ и Демидцевъ. Одинъ поѣсть и разытываетъ чудака, другой магъ и волшебникъ. Оба здѣсь. Приходите къ моему столу и слушайтесь моего совета: поѣту ни рубля взаймы. Онъ у всѣхъ занимаетъ. Потомъ кудесника ни одной ставки! Рѣбъ Егуда говорить... онъ засмѣялся и ушелъ въ столовую.

Беренниковъ вошелъ въ игорный залъ, дружески пожалъ руки направо и налево.

Обычная атмосфера азарта охватила его. Игра велась за шестью столами, но всѣ игроки окружали, главнымъ образомъ, одинъ столъ, толпясь, толкаясь и со средоточеннымъ вниманіемъ сѣдѣя за игрой. Беренниковъ подошелъ тоже.

— Опять два куша! — сказалъ кто-то, отѣдяя отъ пачки денегъ дѣй ассигнаціи и готовясь ихъ кинуть.

— Дѣлайте игру до заметки! — раздался крикливый голосъ. Къ столу потянулись руки съ деньгами.

— Снова? — крикнулъ тотъ же голосъ.

— Изъ тысячи троихъ. Пятьсотъ на пивали.

— Игра сдѣлана.

Беренниковъ протолкался къ столу и успѣлъ сдѣлать ставку. Примо передъ нимъ сидѣлъ Лемэмъ съ безстрастнымъ, недвижимымъ лицомъ и медленно, методически раздавалъ карты.

Рядомъ съ нимъ, придерживая руками груду денегъ, сидѣлъ еврей съ толстыми губами и маленькими глазами, которые словно провѣряли каждую упавшую карту.

Лемэмъ раздалъ по три карты и отложилъ въ сторону колоду.

— Шесть очковъ, восемь, четыре...

Лемэмъ раскрылъ свои карты.

Еврей съ толстыми губами взглянулъ и сразу покраснѣлъ отъ волненія. Вокругъ стола раздался радостный гулъ.

— Три! биты! комплекѣтъ!

— Господи, не берите денегъ! Все по порядку! — закричалъ еврей, вскакавъ, и только Лемэмъ оставался съ тѣмъ же недвижимымъ, безстрастнымъ лицомъ и сидѣлъ спокойно, пока еврей расплачивался его деньгами.

Беренниковъ сплатилъ 600 рублей.

— Тысячу 15 стдаѣль, — сказалъ сопѣтъ.

— Я кончилъ! — произнесъ Лемэмъ и поклонился карты.

Игроки отхлынули и окружили другіе столы. Плача Беренникова вскочилъ чѣм-то, рука. Онъ отскочилъ и уѣхѣлъ Лучининъ. Они дружески поздоровались.

— Не играете? — спросилъ Лучининъ.

— Кончилъ.

— Пойдемте въ библиотеку за пару часовъ, а потомъ ужинать, — и онъ взялъ Беренникова подъ руку.

Они вошли въ большую, слабо освещенную комнату и сѣли въ глубокія красные кресла передъ каминомъ. Высокія спинки креселъ закрывали ихъ.

— Снова? — крикнулъ тотъ же голосъ.

— Игра сдѣлана.

Едва они сѣли, какъ въ комнату кто-то вошелъ, и голосъ лажея пронесъ:

— Изволите обождать. Сейчасъ приглашу.

Беренниковъ заглянулъ. Но комнатѣ безлюдей ходилъ высокій, полныи мужчины съ сѣдою бородой. Онъ что-то бормоталъ и вытирая платкомъ голову.

Въ комнату быстро вошелъ толстогубый еврей и подошелъ къ посѣтителю.

— Вы за профессоромъ? Да?

— Явите божескую милость! Умираю, дыханья нѣть. Мать говорить, чтобы безпремѣнно...

— Ну, я не знаю. Я ему скажу. Автомобиль есть?

— Какъ приказыали.

— Ну, и 1.200 рублей?

— Чего тутъ говорить. Одна дочь.

— Ну, и миъ 200. Миъ сейчасъ. Я тогда ему скажу.

— Будьте милостивы.

— Ну, ну!...

Онъ ушелъ, а посѣтитель глубоко вздохнулъ и снова стала беспокойно ходить по комнатѣ.

— Это практика Лемэма. Недурно, — что поточе скажешь Лучининъ.

Беренниковъ кивнулъ.

Позыналишь шаги, и тотчасъ раздался мозгій тревожный голосъ:

— Мусю Лемэмъ! Г. профессоръ! Ужъ, пожалуйста... умираетъ...

— А докторовъ звали? — раздался металлический голосъ Лемэма.

— Никого теперь. Только вы. Бога ради. Одна она у насъ.

— Автомобиль? Дешевы?

— Пожалуйста. Все, какъ приказанъ.

— Въ послѣдний разъ....

— Благодѣтель!...

Посыпались шаги, хлопнула дверь, комната опустѣла.

— Шарлатанъ! — сказалъ Беренниковъ.

— Не совсѣмъ, — отвѣтилъ Лучининъ, рассказывая про чудеса исцѣленія. Популярность его растетъ. Кунцы докторъ оставилъ. Знаете, — вѣра твоя спасетъ тебя... Сильнѣе всякаго лекарства. А я вѣсь, батенька, изъ-за сестры обезпокоилъ. Говорить, вы видѣли Марка Леонидовича. Расскажите, пожалуйста.

— Видѣлъ, — сказалъ Беренниковъ, — и теперь думаю, что все это было странно. Тогда я не зналъ всѣхъ его заключеній, но теперь, сопоставляя ихъ, думаю, что есть что-то неладное...

— А что именно?

— Да я бы сказала, что онъ ненормальный. Показался миъ страннымъ, но я и обратилъ вниманія, а теперь ясно. За вимъ уходить нужно, присмотрѣть...

— Найти его надо, — сказала Лучининъ.

— Да! И вообще все дѣло... вы знаете, здѣсь Аленѣя запутали.

— Какъ же...

— Все это такъ сумбурно, странно. Едва я приѣхала, какъ уже у слѣдователя былъ. Путаница какая то... я считаю, что всю эту исторію надо изслѣдоватъ.

— Гелубчикъ, возьмитесъ.

— Я? — Беренниковъ пожалъ плечами, — здѣсь служить Лекокъ.

— Найдемъ Лекока.

— Я обѣ этомъ думалъ.

— И отлично. Знамѣтъ, умриши. Найдемъ Лекока, будемъ расслѣдовать дѣло и искать Биленинскаго.

— Я готовъ ради братъ.

— Отлично! Идемъ, тѣмъ умриши.

Они вышли изъ библиотеки и прошли въ столовую...

А. З. 1913.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романь тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азгурова, В. Ф. Боденевицъ, С. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайловъ, Е. А. Ниградзой, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Солзуба и др.

XXLIV.

НЕ СОВСЪМЪ ОБЫКНОВЕННОЕ ВНУШЕНИЕ.

Въ столовой громко раздавались голоса и смѣхъ. Слышите всѣхъ звѣнѣть голосъ доктора Ольшанскаго и выкрикивать голосъ долготуба еврея.

Если Гитцельманъ, Бориса Максимовича, не знать всѣи Петроградъ, то Гитцельманъ знать всѣи Петроградъ и особенно всѣхъ выдающихся людей по богатству, влиянию, положенію или временной популяризаціи. И не то, чтобы онъ знать ить, но онъ все знать о нихъ, добывая эти сѣдѣнія самыи кружными путями. Когда онъ идетъ по Левскому, то съ обворожительной улыбкой воихъ толстыхъ губъ, поинтию снимая шапку широкими, разгнѣвистыми жестами, сколько не смущаешь, если не получать дѣлъ.

Въ клубъ онъ попадъ давно и быстро вспоминаетъ въ немъ, хотя всѣ настолющіе штроки призывали его арапомъ. Несмотря на это, едва загораживая особенно крупнай штра, какъ Гитцельманъ уже сидѣть за столомъ въ качестве расчѣтчика.

Теперь онъ, горячъ и брызгая слюною, расхваливать изумительныи дарованыи Лемэма, а докторъ Ольшанскій, скпя и негоду, бранился. Докторъ оставилъ свой столъ, и круглый, съ огромной головой, на короткихъ ложкахъ, съ салфеткой, засунутои уломъ за воротникъ, съ вилкой въ

рукахъ, стоять передъ столомъ Гитцельмана, который махалъ и ногами, и вилкой, жевалъ, проглатывалъ, пить изъ стакана и, не умокалъ, говорилъ.

Сидѣвшіе за другими столами иногда вставали рецлки и всѣ весело смигались. Разгорячить Ольшанскаго и вызвать его изъ споръ было какъ бы опереднмъ развлечениемъ въ клубѣ.

— Ну, и вы его советъ не знаете, а говорите, — кричалъ Гитцельманъ, — онъ дѣлаетъ чудеса, да! И каждому, у кого голова на плечахъ, лучше, если его вылечить какой-нибудь шарлатанъ, чѣмъ умортить профессоръ или началь Ольшанскій! Такъ я говорю?

— Чушь! — визгливо закричалъ докторъ, — онъ вредный шарлатанъ потому, что онъ же и создаетъ болѣзни. Да, да! На почѣ истерій. Шарлатанъ потому, что онъ ничего не знаетъ, и потому, что пользуется вашими услугами, Гитцельманъ! Да, да! Вы ему доставляете клиентовъ.

— Ну и что же? — Гитцельманъ отрѣзать кусокъ мяса, отправилъ его въ ротъ и, зевая, за шкѣру, продолжалъ: — Я не скрываю этого и беру процентъ. Это вѣдь есть тифъ, туберкулезъ есть туберкулезъ. Ихъ надо изумить. Знать ить физиологическое вліяніе, свойство, симптомы, течение: знать профилактику, терапію...

— Каковъ гусь! А! — закричалъ Ольшанскій и увидѣлъ Беренниковъ и Лучининъ.

— А я знаю болѣюшихъ людей и не

знаю болѣюшихъ, — и онъ сталъ есть подавленную ему рыбку.

— И ложите наложениемъ руки?

— Наскаки, винушеніе, наложениемъ руки.

Замкнутый и недоступный Лемэма въ клубной столовой оказывался разговорчивъ и, видимо, старался быть прятннымъ. Даже красные губы его улыбались, хотя лицо оставалось неподвижнымъ.

— Онь же дѣлаетъ чудеса! — убѣжденно сказали Гитцельманъ, обращаясь ко всѣмъ.

— А вы покажите чудо, профессоръ, — проговорилъ лѣниво Пельштейнъ отъ своего стола.

— Чудесъ ить, — отвѣтилъ Лемэма, — вотъ разъ счѣсть за чудо, что докторъ содовой водой до-пѣна напился.

Лемэма встали отъ стола и шутливо сказали:

— Я? — отвѣтился Ольшанскій, — я и отъ водки пить не бывалъ.

— А по комнатѣ не пройдете, — и Лемэма улыбнулся одиними губами, смотря на доктора.

— А ну! — смыгнувшись сказали Лучининъ.

Ольшанскій сердито качнула большой головой.

— Я скажу вамъ, Лемэма... — торописто сказали онъ, готовясь встать, и вдругъ замолчали, внезапно покраснѣвъ.

Вѣдь видѣли, какъ онъ сѣдѣть попытку подняться со стула и опять опуститься.

— Вотъ видите? — усмѣхнулся Лемэма, — ну, попытайтесь?

Глаза доктора сверкнули гнѣвомъ.

— Это вы дѣмъ дурачъ, — сказали онъ и быстро встали, но, едва обѣ отошли, — Я не скрываю этого и беру процентъ. Это вѣдь есть тифъ, туберкулезъ есть туберкулезъ. Ихъ надо изумить. Знать ить физиологическое вліяніе, свойство, симптомы, течение: знать профилактику, терапію...

Кругомъ раздался смѣхъ.

И то, докторъ, отъ содовой захмелѣ.

— Я говорю, онь дѣлаетъ чудеса! — закричалъ Гитцельманъ.

— Пустяки. Это все показалось доктору, — съ усмѣшкой сказали Лемэма.

Докторъ оправился. Онь дошелъ до своего стола и съ раздраженіемъ произнесъ:

— Это забарано для дамскихъ салоновъ. Простое винушеніе.

Лучининъ взглянула на Беренникова и тихо сказала:

— Не совсъмъ обыкновенно.

— Да, — согласился Беренниковъ, — занятно.

— Но и жутко. Я не хотѣлъ бы иметь его врагомъ.

Беренниковъ сдвинулъ брови. Въ это мгновеніе онъ подумалъ объ Аленѣ.

Лемэма встали отъ стола и шутливо сказали:

— Чудеса! Для меня ить ить, но для неѣбрующихъ и тажихъ рабовладѣтель, какъ докторъ, ить сколько угодно. Вотъ бутылка.

Оть взять со стола пустую бутылку отъ нарката.

— Я ее купаю и она виситъ въ воздухѣ. Оть взмакнула бутылкою.

— Изумительно! Браво, профессоръ! Вы — чародѣй! — раздались изумленіе голоса.

— Я говорю! — кричалъ Гитцельманъ.

Бутылка висѣла въ воздухѣ, потомъ плавно описала дугу и опустилась въ руку Лемэма.

— Чортъ знаетъ что! — сказали Лучининъ.

Беренниковъ весело засмеялся.

— Онь держать бутылку все время въ руки за горлышко, потомъ взмакнула ею и взять ее за середину.

— Вы нарочно. Вѣдь видѣли, какъ она висѣла въ воздухѣ.

— Вѣроятно, я быть вѣ сферы его вліянія, — сказали Беренниковъ.

Лемэма улыбнулся одиними губами.

— Таль-то, докторъ. Для меня чутесь нѣть, а для часъ не оберешься. Ну, пойду сдѣлано ставку и — домой!

Онь медленно вышелъ изъ столовой.

— Шарлатанъ и ничего больше, — сердито сказали Ольшанскій, — я его еще разобѣгату!

— Человѣкъ удивительный, — сказали Лучининъ и поднялись. — Теперь домой. И вы тоже? Очищю. Знаний мы уговорились.

— Да, я займусь этимъ дѣломъ, — отвѣтила Беренниковъ. — Оно потребуетъ средствъ.

— Расходы моя, — быстро сказали Лучининъ.

Беренниковъ замѣялся.

— Таль лучше.

Они поклали руки смущенному Ольшанскому и вышли изъ столовой.

Внезапу, когда они одѣвались, швейцарь передалъ Беренникову конвертъ.

— Письмо вамъ.

— Мѣ?

Беренниковъ съ удивленіемъ разорвалъ конвертъ, выпустилъ письмо и прочелъ.

— Чортъ знаетъ что. Поглядѣй! — сказали Лучинину.

Тотъ прочелъ:

— «Не совсъмъ выѣзжавшися во вѣ сное дѣло». Что за чушь? Отъ кого? И что это за бутафорія — адамова голова въ треугольнике, и пара носточки!

— Вечеръ чудесъ, — сказали Беренниковъ, — отвѣтила, это вѣ сяю съ моей бѣсѣдой. Братъ получить подобную записку, и — позовите... Ну, да, съ совершеніемъ таинъ же символическое знакомъ!»

Онь сложилъ бумажку и спряталъ ее.

— А кто принесъ? — спросилъ онь швейцара.

— Вродѣ, какъ мосильный.

А. Заринъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амритенго, А. Т. Авербухъ, З. З. Бодицкій, И. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайлова, Е. А. Нагрѣдскій, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологубъ и др.

XLV.

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ.

Часы на думской караульне гулко пробили 4 раза, когда изъ подъѣзда клуба на Невскій вышелъ Лемэмъ въ сопровождении Гитцельмана и пьяного Демидцева.

Онъ успѣлъ проиграть свои 25 рублей, занятые у Лемэма и двѣsti у другихъ, полузнакомыхъ, напиться пьянымъ у чужихъ столовъ, и теперь, запустивъ руки въ карманы рижаго пальто, выставилъ впередъ опущенную голову, словно готовясь ударить лбомъ въ стѣну, онъ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Часы пробили четыре,
Тара-тыре, въ монастырѣ...

А! это только начало. Это будеть великая поэза! тыра-тыре... Лемэмъ, я не хочу ити къ Бубенцовой. Она похожа на студень, посыпанный лимбургскимъ сырьемъ. Тыфу! я хочу почевать съ вами, Лемэмъ. Да! я научу васъ...—и онъ ухватился за рукавъ пальто Лемэма. Лемэмъ отмахнулся и брезгливо сказалъ:

— Гитцельманъ, уберите куда-нибудь эту свинью.

Демидцевъ отлетѣлъ и, чтобы удержаться на ногахъ, обнялъ фонарь. Лемэмъ свернулся за угломъ и быстро скрылся.

— О, скандалія!—зашипѣлъ Демидцевъ, держась за фонарь,—Лемэшка недостойно развязать ремешка на моей сандаліи! Человѣкъ, собакъ уловляющій, пойдемъ къ Бубенцовой. Гитцельманъ это, вѣдь, собаколовъ. Я видать ихъ въ Вильгѣ. Ты—уловитель собакъ! Я напишу поэзу.

— Ну, пишите себѣ поэзу, а я пошель,—съ усмѣшкой сказаѣлъ Гитцельманъ и поспѣшилъ по Невскому.

— Стой!—Демидцевъ оттолкнулся отъ столба, сѣдѣлая скакечъ и грохнулся на пальму.

Лемэмъ тѣмъ временемъ уже входилъ въ свой номеръ, состоящий изъ передней и двухъ роскошно меблированныхъ комнатъ.

Онъ открылъ свѣтъ, снялъ шубу и шапку и прошелъ въ первую комнату, представляющую кабинетъ и гостиную. Огромное зеркало до потолка, стоящее въ углу, отразило его стройную гибкую фигуру и блѣдное, недвижное лицо. За его спиной, словно сѣясь, отразился желтый скелетъ, стоящий въ противоположномъ углу надъ кушеткою съ краснымъ фонаремъ въ протянутой рукѣ.

Лемэмъ подошелъ къ столу и освободилъ карманы. Онъ вынулъ часы съ цѣпичкой, кошелекъ, монетницу, бумажникъ и, нако-

нецъ, небрежно сложенный ассигнаціи, которыя были насованы во всѣ карманы.

Затѣмъ онъ перешелъ въ смежную комнату и вернулся изъ нея босой, въ длинной до пять ночныхъ фланелевой рубашкѣ голубого цвѣта, и въ этой рубашкѣ съ блѣднымъ недвижнымъ лицомъ, алыми губами и черными сдвинутыми бровями онъ казался какой-то мистической фигурой. Но его никто не видѣлъ, кромѣ желтаго скелета, который обнажилъ свои огромные зубы и такъ же застылъ съ улыбкою смерти, какъ лицо холода.

Лемэмъ подошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него фотографіческій портретъ, женскую перчатку, и вдругъ лицо его дрогнуло, измѣнилось, и посторонний зритель не рѣшился бы сказать сразу,стало оно прекраснѣе или страшнѣе.

Краска появилась на блѣдныхъ щекахъ, глаза вспыхнули и загорѣлись, губы раздвинулись и обнажили блѣлые сверкающіе зубы. Глаза его впивались въ портретъ, который онъ держалъ передъ собою и рука его нервно вѣдрагивала.

Онъ медленно, глубоко вдохнулъ и подошелъ къ мягкой кушеткѣ, на которую легъ, выгинувъ ноги и свободно откинувшись на пружинный подспинникъ. Скелетъ стоялъ за его головою и въ протянутой желтой руцѣ держалъ свой фонарь.

Лемэмъ повернулся выключатель, и комната погрузилась въ темноту; Лемэмъ повернулся другой выключатель, и фонарь въ руцѣ скелета засвѣтился и краснымъ свѣтомъ облилъ Лемэма.

Онъ трижды глубоко вдохнулъ, вѣялъ

воздухъ всей грудью и медленно выпускалъ его, потомъ взялъ въ руку женскую карточку, той же рукой взялъ фотографію и устроилъ на нее пристальный, неподвижный взглядъ. Художественная фотографія въ нѣжныхъ тонахъ сеіи передавала, какъ живымъ, лицо Нидіи съ неуловимымъ задоромъ въ изгибѣ губъ, во взглѣдѣ слегка прищуренныхъ глазъ, съ ямочками на щекахъ...

Лемэмъ смотрѣлъ на него, не отрывая глазъ, и лицо его покрывалось краской, раздвигались красный, чувственныя губы, на высокомъ блѣдномъ чѣлѣ напрягались жилы, а изъ глазъ, казалось, искали души...

И раздвинулись стѣны, исчезла комната.

Тихо, неслышно раскрылась заперта дверь подъѣзда. Тихо, неслышно раскрылась дверь квартиры. Вотъ безмолвная передняя съ асептическими вѣнзелями и чулкой огромнаго недѣгіи; вотъ безмолвная гостиная, дальне... вѣль, столомъ, и спальня гостиная; будуръ... измѣво...

Грудь Лемэма вѣдруюше глубоко и ровно; глаза недвижно неустанно смотрѣли на фотографію, а лицо уже горѣло, пытало и изѣтъ красныхъ губъ, казалось, точила кровь.

Смѣюційся скелетъ въ подгрюнущей руцѣ держалъ свой красный фонарь и безглазными впадинами бездунно созерцалъ прошедшее и грядущее...

А. Заринъ

(Продолженіе сеіи дусти).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверченко, В. Э. Бонч-Осмъянъ, И. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Награда, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

Нидія спала крѣпкимъ, предутреннимъ сномъ. Ея прекрасное, разгоряченное лицо лежало щекою на подложенной руцѣ. Откинутое одѣяло обнажало полное, округлое плечо и часть груди; другая рука протянулась вдоль тѣла и на голубомъ одѣяльѣ казалась словно выточенной изъ кости... Грудь дышала спокойно и ровно, губы улыбались, словно грезился Нидіи радостный сонъ...

Вдругъ она безпокойно дрогнула и метнулась на костели. На счастливомъ лицѣ отразился испугъ, улыбающимся губы раскрылись для крика. Она вся задрожала и приподнялась на локтѣ, внеряя испуганный взглядъ въ ночную темноту.

Онъ!.. Въ темнотѣ ясно выдѣлилось его блѣдное лицо съ горячими, словно уголья, глазами, съ красными губами, искривленными недвижной улыбкой... Сонъ или явъ?.. ближе, ближе... тянутся къ ней его руки. Она въ нѣмомъ ужасѣ отодвинулась къ самой стѣнѣ и безмолвную тишину прорѣзала слабый призывающий крикъ...

Юстина не спала. Что-то томило и волновало ее. Какие-то голоса въ спорѣ звучали въ ея ушахъ, мелькали образы, томили предчувствія. Алеша... Лемэмъ... женщина съ черными глазами... чортова дюжина, чортова дюжина... красный свѣтъ рѣзаль зѣніе... беззвучно смеялся страшный скелетъ. Юстина встала съ постели и тихо двинулась. Ей свѣта не надо. Она пройдетъ къ сестрѣ и съ ней ляжетъ. И Юстина опушью вошла въ общую ихъ гостиную, будуаръ и вдругъ остановилась, какъ пригвожденная, застывъ отъ ужаса.

Онъ!.. Внутреннимъ взоромъ, проникая

темноту ночи, прорѣзая невидимый эфиръ, она увидѣла медленно скользящую фигуру Лемема. Вотъ онъ перешелъ комнату, вотъ подошелъ къ комнатѣ Нидіи и скрылся... И тотчасъ раздался крикъ Нидіи.

Юстина бросилась впередъ.

— Онъ! онъ! — кричала Нидія, — боюсь!

— Гони! — крикомъ отвѣтила Юстина, — Алеша! гдѣ ты!..

И опять взоръ Юстины увидѣлъ вдругъ явившагося Алешу и искаженное злобою лицо Лемема. Блѣднѣсть его лица, распыхивается въ темнотѣ, исчезло, и стоять Алеша съ широко раскрытыми глазами...

Юстина, вся дрожа, обнимала бьющуюся въ истерикѣ Нидію.

Заспанныя Даша вѣжала въ комнату и открыла свѣтъ.

— Съ Нидой дурно! — испуганно проговорила Марія Евстафьевна, толкая мужа, — встань пожалуйста и вызови доктора.

— Дурно? почему?..

— Ахъ, Боже, у насъ у всѣхъ не канаты, а нервы...

Верхоплавцевъ сердито встали и надѣль халатъ.

— Духовидцы, — сказали онъ ворчливо, иди къ себѣ въ кабинетъ къ телефону...

Лемэмъ вскрикнулъ, какъ отъ боли, и далеко отъ себя отбросилъ портретъ и перчатку. Онъ всталъ и лицо его исказилось неподѣльной злобою. Онъ быстро перемѣнилъ свѣтъ, прошелъ въ свою спальню, торопливо вынулъ изъ ящика угольного стола слесарный зажимъ, досталъ желѣзную полоску, напильникъ и сѣлъ къ столу.

Прошло мгновеніе, и онъ привинтилъ зажимъ, зажалъ въ пемъ желѣзо и съ злобной усмѣшкой сталъ водить по немъ напильни-

комъ. Острый противный визгъ наполнилъ тишину.

Лемэмъ казался безумнымъ. Онъ вожмѣшь напильникъ, желѣзо скрипѣло и визжало и глаза Лемема метали молнии, а губы кривились злой усмѣшкою...

XLVI. ПАУТИНА.

Это была безобразная, комарная ночь. Алеша всталъ съ постели совсѣмъ разбитый, охваченный смутной тревогой. Ночью онъ проснулся отъ совершенного яспаго оприка. Кто-то позвалъ его по имени такимъ крикомъ, какимъ зовутъ на помощь.

А потому эта галлюцинація слуха!

Алеша даже вздрогнулъ. Словно кто-то у самаго уха скобилъ скребкомъ по желѣзу. Пять минутъ, десять, полчаса... Можно сойти съ ума. И Алеша метался. Зарывался съ головою въ подушку, затыкалъ уши и только подъ утро забылся тревожнымъ сномъ.

Онъ всталъ съ постели совсѣмъ разбитый, спросилъ себѣ кофе, развернуль газету и не могъ ея читать, несмотря на то, что всѣ переживали жуткие и тревожные дни.

Смутная тревога охватывала Алешу сильный и сильный. Что-то тянуло его къ Верхоплавцевымъ, чтобы увидѣть Нидію и поговорить съ нею. Онъ поглядѣлъ на часы. Стрѣлки показывали только 10. Раньше двѣнадцати явиться неудобно, да и въ двѣнадцать рано. Въ два часа ему надо быть на полигонѣ для испытания новыхъ лафетовъ. Часть, полтора можно провести съ мицей, а пока...

Онъ выпилъ два стакана крѣпкаго кофе и немного освѣжился. Въ дверь стукнули, дверь раскрылась, и въ комнату вошелъ Михаиль въ туфляхъ, въ тужуркѣ поверхъшелковой рубашки, бодрый, свѣжий, веселый, какъ будто онъ лѣгъ не въ пятомъ часу утра, а въ нормальное время.

— Налей и мицѣ кофе, да покрѣпче, — сказали онъ, — опускаясь въ кресло подъ стола, — деньги у тебя есть? я выигралъ

вчера 900 рублей и могу съ тобой подѣлиться. Что ты такой смѣлый?

— Я плохо спалъ. Нѣтъ, спасибо, сей-часъ депегъ не нужно. Я мало трачу, много получаю.

— А я наоборотъ, — засмѣялся Михаиль, — для меня всегда мало денегъ. Когда ты ведешь хозяйство, жить удобѣе.

— Мицѣ жалко вашей квартиры, — сказали Алеша.

— И мицѣ. Когда займемся пушкой? Я въ дорогѣ дѣлалъ вычислениѣ. Если мы сумѣмъ осуществить нашъ проектъ детально, пушка сможетъ бросить снаряды на 150 верстъ! Ты понимаешь эту штуку! А?

Алеша покачалъ головой.

— Мы поработаемъ, меня занимаетъ эта задача, но лично я противъ такихъ чудовищныхъ орудій. Для чего они? Приѣхать почти невозможный, потому что цѣль надо искать вычислениемъ, снарядъ будетъ стоить уйму денегъ, и въ результатаѣ гигантское сооруженіе пригодно много, если на 100 выстрѣловъ.

— Да! Но какой эффектъ!

— Только и есть. Я считаю 12 — 15 верстъ предѣломъ дальнѣйности, еще лучше 7 верстъ, а самое идеальное — 3-4.

— Тебѣ не дадутъ подойти.

— Чепуха. Проще погаданія обратно пропорциональное расстояніе. Другое дѣло крѣпостное орудіе съ стрѣльбою по квадратамъ. Тамъ хоть 20, хоть 100 верстъ, но при арміи или на судахъ — палѣтность.

— Все таки работать будемъ.

— Я не отказываюсь, хотя теперь голова у меня идти врутомъ съ стими исторіями.

— Съ исторіями Знаешь, у кого я выигралъ деньги?

Алеша отрицательно качнулъ головою.

— У Лемема. Онъ членъ нашего клуба! И Михаиль засмѣялся, а Алеша вздрогнулъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азербайджанъ, В. Ф. Бодановскаго, В. П. Гайдичъ, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Некрасовичъ-Даниченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XLVII.

Опять этот Лемэмъ! — Алеша Беренниковъ, почти вздрогнувъ, — это мое прошлѣе! Въ послѣднее время я зацаюсь задачей прожить день безъ упоминанія о немъ и всегда кто-нибудь назоветъ его именемъ. Недавно за съсѣдними столицами у Донаца все время, пока я обѣдалъ, говорили о немъ. Испортили мнѣ обѣдъ.

Михаилъ засмѣялся.

— Скажу больше. Вчера былъ, такъ сказать, вечеръ Лемема. Затѣмъ я говорилъ съ Лучининымъ, начальникомъ поиски Балашинскаго и въ заключеніе при выходѣ изъ клуба получила нѣкоторыя тайныя письмена съ предупрежденіемъ или угрозою, шутъ ихъ знаетъ. Ну, а теперь я одѣвалась и ёду. Что ты? Оканчиваешь?

Михаилъ загасилъ папиросу и поднялся, а Алеша, дѣйствительно, словно окаменѣлъ. Глаза его стали совсѣмъ круглые, губы сложились кружечкомъ и лицо покраснѣло.

— Но этого нельзѧ таѣмъ!.. паконецъ, произнесъ онъ, — смотри, и тебя вплетаютъ въ эту чортову игру!

— Ну, и поиграемъ! — весело отвѣтилъ Михаилъ, — я люблю спорть. Ты гдѣ сегодня и когда увидимся?

Алеша покачалъ головою, медленно приходя въ себѣ.

— Я сейчасъ къ Верхоплавцевымъ...

— Онъ еще сидитъ, а онъ читаетъ газеты и составляется распорядокъ днѧ, — это его утреннее занятие. А потому?

— Потому, на полигонъ.

— Испытывать лафетъ Дюпора?..

Алеша даже подрыгнула.

— Это секретъ! Откуда ты это знаешь?

Михаилъ уже промокъ расхохотался.

— Объ этомъ секретѣ я слыхалъ вчера въ поѣздѣ во время завтрака. Мы говорили даже, сколько дано и сколько обѣщано за премію. Берегись брачовать.

— У насъ комиссія.

— Въ которой ты одинъ ничего не получишь.

Алеша пахмурялся.

— Это все злобныя сплетни.

— Пустай. Ну, а съ полигона?

— Домой.

— Значить, вмѣстѣ обѣдаемъ. Я сей-часъ въ нашу контору, оттуда завтракать. Вероятно, въ отель-де-Франсъ; потомъ къ Лучининымъ и тоже домой. Я тебѣ, а ты меня подожди!

Михаилъ ушелъ, Алеша принялся за свой туалетъ.

Она онъ вошелъ въ переднюю Верхоплавцевыхъ, какъ его охватило какое-то смущеніе безпокойство. Тревожное чувство отражалось и на лицѣ горничной.

— Что проснулись, встали? — спросилъ Алеша, снимая шаль.

— У насъ безпокойство, Алесьѣ Даниловичъ, — отвѣтила горничная, — барышни ночью проснулись, кричали. Вродѣ, какъ припадокъ. Докторъ пріѣзжалъ.

— Съ кѣмъ припадокъ?

— Съ обѣими, а главное съ Нидіей Ефставьевной. Очень худо было.

— А теперь?

— Нили кофе. Я доложу про васъ.

Алеша вошелъ въ залъ и безпокойно сталъ ходить по огромному ковру; остановился у акваріума и посмотрѣлъ на красивую оттененно-шероу вуаль, которая, уткнувшись носомъ въ стекло, плавно развивала въ водѣ свой пѣжинъ, тюленью квѣсть. По-

томъ подошла къ негру съ фонаремъ въ руку и повернула выключатель — разъ, два.

Свѣтъ вспыхнулъ и угасъ.

Въ эту минуту его окликнула горничная, и онъ осторожно прошелъ въ гостиную будуаръ сестеръ.

— Ахъ, Алеша, что у насъ было! — тихо сказала Юстина.

— Мы... я... сошла съ ума, — сказала Нидія, слабо улыбаясь.

Она нѣжно поцѣловала руки сестрамъ и осторожно сѣѣ на пшеничкій пушъ.

Юстина налила въ чашку кофе.

— Пейте и слушайте.

Нидія, смущаясь и сѣѣсь падъ собою, рассказала про свою странную галлюцинацію. Юстина вдумчиво кивала головою и передала, что она видѣла.

Алеша слушать, глаза его становились совсѣмъ круглыми, а въ головѣ царилъ совершенній сумбуръ. Онъ замолкли, и онъ спросилъ:

— Что сказалъ докторъ?

— Пустое. Прописалъ валерьяну, бромъ и теплые ванны съ солью. Говорить, нервы.

Алеша вспыхнула.

— Съ этими Леменскими, сеансами, мѣдіумами, дѣйствительно, можно съ ума сойти, а не только разстроить нервы. Надо все это бросить, окончательно. Тутъ Марія Ефставьевна мѣдіума пригласила. Быть съ ними. Нидочка, милая, оставьте это занятіе, займитесь музыкой, соберемся въ театръ. Ей Богу! И вы, Юстина.

Юстина сидѣла блѣдная, съ полузакрытыми глазами и тихо сказала:

— Я вижу много, много тревоги. Будетъ борьба. Да, Алеша, себя берегите.

Нидія улыбнулась Алешѣ.

— Я послушаю васъ.

Въ комнату вошелъ самъ Верхоплавцевъ, и, поздоровавшись съ Алешей, заговорилъ.

— Вотъ, изволь любоваться. Ночью визжали, всѣхъ взбудоражили, сейчасъ на себя не похожи. Мури пластомъ лежить — и все изъ-за этого духовидца. Я понимаю, поверчъ отвѣтъ въ поточь покертился сама, а

вѣдь у нихъ — безуміе! Лекція, сеансы, демонстраціи, вызовы духовъ, заклинанія. Тыфу! А затѣмъ сумасшедшая ночь. А отчего у тебя утомленный видъ?

Алеша рассказалъ про свою слуховую галлюцинацію.

— Такъ, — рѣшилъ Верхоплавцевъ, — читать сегодня рѣчь Аквиста? Прочти!

Алеша посмотѣлъ на часы и торопливо всталъ. По полигона юзда добрый часъ.

— А завтрашнѣй?

— Мы никогда.

— Пріѣзжайте вечеромъ съ братомъ. Мы одиѣ...

Алеша поцѣловалъ руки сестрамъ, пожалъ руку Верхоплавцева и ушелъ, торопясь на службу.

Сестры позавтракали одиѣ.

— Я утомилась и лягу, — сказала Юстина, а Нидія перешла въ залъ и сѣѣ къ роялю. Пальцы ея слегка трогали клавиши. Вдругъ какая-то неудержимая сила заставила ее подняться. Ей внезапно захотѣлось выйти изъ дома по какому-то неотложному дѣлу.

Она прошла къ себѣ, торопливо одѣлась и вышла. Никто не замѣтилъ ея ухода, только рыба въ акваріумѣ смотрѣла на нее глупыми глазами черезъ стеклянную стѣнку и махала своимъ изогнутымъ хвостомъ...

Михаилъ Даниловичъ сидѣлъ въ уютной приемной отель де Франсъ, ожидая своихъ компаньоновъ, чтобы вмѣстѣ позавтракать. Онъ сидѣлъ у круглого стола за трельяжемъ въ мягкомъ пижайномъ креслѣ. Съ своего места онъ видѣлъ раскрытую дверь и за нею престорный вестибюль съ широкой лѣстницей, уставленной растеніями, ведущею въ комнаты отеля.

И вдругъ — на верхней площадкѣ лѣстницы онъ увидѣлъ Лемема.

А. Зарина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Рокань тридцать авторов: А. В. Амфитеатров, А. Т. Азаренко, В. Ф. Бадановский, Е. Д. Гайдич, А. С. Гриз, А. Е. Зарин, А. А. Ильинова, Е. А. Нагородской, В. И. Есмирович-Даниченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Солигуба и др.

XLVII.

Вдруг на верхней площадке лестницы, Михаил Береникович увидел Лемэма. Безстрастное лицо его показалось Береникову скептически. Губы его улыбались. Онь медленно спускался с лестницы, смотря передь собою, и Береникович несколько прослыхил его взгляд. Проглядеть, подогнуть и быстро подняться, словно ось тончка пружины.

Разгорячные мысли вихрем закрутились в его голове.

Должен, не должен... не его дело... не это такъ неизретно... и думь... если бы увидел Алеши... нѣтъ, должен...

И онь съ яѣсконко шаговъ перешелъ приемную, вышелъ въ вестибюль, на мгновеніе, мимоедемъ, увидѣлъ перекинувшееся злобою лицо Лемэма и подошелъ къ Нидѣ.

Она вонзилъ съ вѣстѣбюль и стояла съ недоумѣвающимъ, растеряннымъ выражениемъ лица.

Толстый, изящный портье подошелъ къ ней, но Михаилъ Даниловичъ былъ уже подъ Нидѣ и таскалъ, башечными голосомъ говорилъ:

— Нидѣ Евстафьевна, здравствуйте! Какъ вы сюда пошли? Вотъ неожиданно!

Она протянула ему руку, глядя на него растерянно и съ недоумѣніемъ. Берениковъ почему-то вспомнилъ встрѣчу съ Бяленецкимъ. У того было такое же выраженіе.

— Счастливая встрѣча. Я только что собирался уходить и съ радостью провожу васъ. Нѣтъ! — сказали онь портье.

Порттье кивнулъ швейцару у вѣтвики и тутъ уже несъ шубу, шапку и галоши.

Берениковъ быстро одѣлся.

— Крупинина знаешь?

— Какъ же Михаилъ Даниловичъ!

— Скажи, что я просилъ подождать полчаса, — и онь подать руку Нидѣ, — ёдемъ. Нидѣ Евстафьевна!

Нидѣ послушно взяла его подъ руку и они вышли.

Онъ подозрѣвалъ лихача.

— Пройдемъ по набережной и на Мойку! Рысать бѣжать размашистою рысью, и легкія санки, казалось, летѣли. Легкій морозный воздухъ билъ въ лицо и охлаждалъ голову. Лихачъ промчалъ по набережной до Лѣтнаго сада, повернулся и понесся по набережной къ Николаевскому мосту.

Безмолвная Нидѣ, казалось, привыкала къ себѣ. Она взглянула на Береникова и восхитилась:

— Михаилъ Даниловичъ! Почему мы съ вами, куда ёдемъ?

Онъ засмѣялся.

— Встрѣтились и я предложилъ прокатиться. Погода отличная. Дойдемъ до моста и я завезу васъ домой.

— Какъ странно. Я сидѣла дома за роялемъ и вдругъ сейчасъ катаюсь съ вами. Разскажи Алеши. Со мной творятся чудеса.

Берениковъ съ волненіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы не помните, какъ одѣлись и вышли?

— Въ этоѣто и чудо, — башечно засыпалась Нидѣ, — словно лунатикъ, а теперь день и солнце.

— А сейчасъ вы уже все сознаете?

Она кивнула.

— Все!

— Я провожу васъ домой и вы уже си-куда не выходите, — сказали серьезно Берениковъ, — понимаете — никакуда!

— Почему?

— Потому что у васъ разстроены нервы

и потому, что къ вамъ собирается прѣѣхать Алеши.

— Хорошо. Я хотѣла только прѣѣхать къ Широ.

— Это слѣпой полковникъ? Ну, вы поѣдете къ нему съ Алеши.

Онъ бережно высадилъ ее у подъѣзда и довелъ до самыхъ дверей.

— Что же вы не зайдете къ намъ? Марія разсердится.

— У меня свиданье. Я еще надѣюсь вѣмъ!

Дверь отворили. Берениковъ сопрѣлъ внизъ, сѣлъ въ сани, вѣлькоѣхать назадъ, въ отель «Де-Франсъ».

Трезвый умъ его быть склоненъ сбить съ своего обычнаго пути логическихъ, стройныхъ мыслей, правильныхъ пословицъ и прямыхъ выражений.

То, что онъ видѣлъ, уже не подлежало сомнѣнію. Алеши прѣль въ своихъ опаснѣяхъ, и этиѣ фокусники и наѣтъ, и сидѣть, и стрампентъ.

Береникову вспомнился разскѣзъ про одного гипнотизера, который силою внушенія увлекъ и погубилъ девушки изъ хорошей, уважаемой семьи.

То же повторяется и теперь. Съ этимъ надо бороться, но какъ?..

XLVIII.

ВОЛШЕБНЫЙ КРИСТАЛЪ.

Михаилъ Даниловичъ даже испугался того дѣйствія, которое его разскѣзъ произвелъ на Алеши. Алеши сначала словно налился кровью и глаза его совсѣмъ заструились, а потомъ побѣдѣли, какъ бумага. Онъ заложилъ вышиль стекланы шары, схватился за голову руками и облюпился на столь.

— Что же дѣлать? Что дѣлать? — проговорилъ онъ глухо съ отчаяніемъ.

— Беречь ее. Вѣдь, помимо крайней пакости, у нея можетъ открыться такое червное разстройство, которое близкоѣхъ пакшательству. И кончить эти осажды.

— Кончить! — съ горечью воскликнула Алеши. — Марія сѣла на нихъ, привидѣло

въ сѣйтѣ и ни за что не откажется. Для нея это погоня и средство удерживать характеръ своихъ четвероевъ. Она равнодушна, Юстина уже почти болѣла. Что дѣлать? Говорить, уберечь. Я ее сторожить не могу; разскѣзъ обѣ этомъ — невозможнѣ. Облѣгаться съ ними, побить, убить, сдѣлать скандалъ. Михаилъ машинально рукою.

— Глупости. Испортить себѣ карьеру, ослаждить Нидѣ и ничего не достичешь. Нужно бороться и осторожно.

Алеши вдругъ подняла голову. Лицо его оживилось и она быстро вѣстѣ.

— Куда?

— Я сейчасъ позвоню Широ и, если сѣдь дома, пройду къ нему. Онъ поможетъ. Я ему вѣрю.

— Что же, попробуй! Ехъ къ нему хотѣла и Нидѣ.

— Да, да! Я сейчасъ.

Алеши ушѣть говорить по телефону.

Михаилъ зашаталъ за обѣдь, закурилъ папиросу и стала смотрѣть чо сторожить. Столики освободились и занимались. Женѣ не спѣшила, но быстро и ловко, скользили между столиками, подавали, убирали, прислуживали; почтенный метръ и отель, въ безукоризненномъ фракѣ, съ машо въ рукахъ, спокойно ходилъ по залу, зоркоѣхъ взглѣдомъ сѣдѣлъ за прислугою и претерпѣтительно встрѣчалъ гостей.

Вошли двое и заняли столикъ за спиной Береникова. Онъ обратилъ вниманіе на ихъ лицо. Одинъ быть толстый, невысокаго роста съ обрѣзаннымъ лицомъ шапки и обжоры, другой отрошаго роста, съ лицомъ рабочинки, при чѣмъ крючковатый носъ его былъ такъ пригожъ къ губѣ, что для него, видимо, лизнуть носъ языкомъ не составило бы затрудненія.

Они зашатали обѣдь и продолжали вѣтный разговоръ.

А. Заринъ.

(Продолженіе сѣдѣтъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романь тринацати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверсиги, З. Э. Боденевицъ, Г. П. Гидача, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагородской, В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Лемэмъ, пользуясь своей оккультной силой, устѣль путемъ внушенія нарушить по-
кой Нидіи и, быть можетъ, она стала бы его жертвой, если бы не встрѣтился съ нею
брать Алеша. Онъ и Широ вступаютъ въ борьбу съ Лемемомъ. Въ то же время
брать Михаилъ съ Лучининымъ ищутъ Баленникаго, рѣшивъ раскрыть тайну похи-
щенія у него денегъ.

XLIX.

Беренниковъ поневолѣ долженъ быть
слушать, что говорили за его спиной об-
разумій толстакъ и великанъ съ лицомъ
разбойника.

— И что онъ теперь дѣлаетъ? — спро-
силъ великанъ хрипѣль голосомъ.

— Обратился въ ссыпаную поилію и
ждетъ, — отвѣтилъ пискливо толстакъ, — на
280 тысячъ... и все лучшіе камни.

— Въ ссыпаной поиліи пишутъ бумаги и
откликанія, а каменки уже въ Швеціи. Да!
А господа артисты живутъ себѣ и смыются.
Можетъ быть, тутъ сидѣть. Да! Если бы онъ
обратился ко мнѣ...

— Ну, и ты бы ничего не сдѣлалъ

— Я?

— Ты хорѣшо знаешь шутеровъ и ара-
шотовъ.

— Всѣхъ мазуриковъ. Да! Погоди, я не-
премѣнно открою бюро. Я же напишу
убѣйцу Зарѣчной. А кражу есть клядовой,
кто открыть?.. Ты скажи этому Дюбу. А?
Десять процентовъ, два — тебѣ.

— Что же...

Лакай подалъ имъ первое блюдо и они
замолчали.

Алеша вернулся и сказалъ:

— Онъ дома и я ўду.

— Отлично, а я домой и въ клубъ.

Алеша ушелъ.

Беренниковъ всталъ и рѣшительно подо-
шелъ къ господину разбойничаго вида.

— Простили меня, — сказалъ онъ твердо,
— я нечаянно услыхалъ часть вашего раз-
говара и, насколько понялъ, вы — дедѣкъ

— Ну, не таращи глаза, — засмѣялся
толстакъ, — дедѣкъ это значить — сы-
щиковъ.

Великанъ улыбнулся, отчего юноша его
сдѣлалъ попытку совсѣмъ защемить его
губу.

— Совершенно такъ. По призванью.

— Если позволите, я бы хотѣлъ обрати-
ться къ вашимъ услугамъ.

— Буду радъ, до двѣнадцати дома, — и
съ этими словами великанъ сунулъ руку
въ карманъ сюртука, вынулъ визитную кар-
ту и подалъ Беренникову.

— Благодарю васъ. Я приѣду завтра.
Великанъ поклонился.

Беренниковъ поспѣлъ домой. Онъ угово-
рился съ Лучининымъ снова встрѣтиться
въ клубѣ, гдѣ онъ разскажетъ о встрѣтѣ
Клавдіи съ услужливымъ незнакомцемъ...

Алеша въ первый разъ былъ у Широ, но
Нидія такъ подробно описала свое поѣзде-
ніе, что Алеша узналъ комнаты, кабинетъ,
словеса бывалъ здѣсь часто и запросто.

— Сгущаются тучи, — сказалъ Широ, по-
жимая руку Алеші и указывая на мягкое
кресло у круглого стола, опускаясь въ дру-
гое кресло. Движенія его были такъ убѣ-
ренны и спокойны, что трудно было догада-
ться обѣ его слѣпотѣ.

Алеша сѣлъ и отвѣтилъ:

— Да, да. Творится необычайное и нуж-
ны ваши совѣты, ваша помощь, Павелъ Ва-
сильевичъ. Мы бессильны.

— Въ чёмъ же дѣло? — мягко улыбаясь,
спросилъ Широ.

Алеша началъ разскѣзть со своей голов-
ной боли, описать тревожное безнокойство,
свое поѣзденіе Верхоплавцевыхъ, галлюци-
націи Нидіи съ Юстиной и, наконецъ, переда-
лъ разскѣзть брата и его впечатлѣнія.

— Я никому бы другому не разскѣзть
всего этого, такъ все фантастично и нелѣ-
по, но вамъ говорю. Вы поймете и помо-
жете.

Широ молчалъ. Онъ сидѣлъ съ серые-
нъмъ сосредоточеннымъ лицомъ, сложивъ
руки, и медленно вращалъ большиe пальцы
одинъ вокругъ другого. Потомъ онъ кив-
нулъ и заговорилъ:

— Ничего фантастичнаго и ничего нелѣ-
паго, а много, много злого и чернаго. Это
все Лемэмъ. Онъ обладаетъ большой силой,
но отъ нея и погибнетъ, потому что все для
себя, для низкихъ темныхъ цѣлей, ради
взкаго эгоизма, удовлетворенія низкихъ
страстей — плотское вождѣніе, жажда власти,
алчность къ деньгамъ. Ни одного духов-
наго порыва. Это — темная сила...

Онъ помолчалъ и заговорилъ снова:

— Ничего фантастического. Всѣ эти явле-
нія отмѣнены и отчасти изучены въ рабо-
тахъ лондонскаго общества психическихъ
исследованій. Особеніо этого рода явле-
нія — прижизненные призраки и таинстватія.
Да! А затѣмъ есть научныe работы Борен-
гейма, Рише о внушеніи на разстояніи. О,
мы совершили огромный кругъ и возвра-
щаемся къ времени Свиденборга, Нострада-
муса! Да, мы сѣмѣли надѣть философскимъ
камнемъ и обращеніемъ въ золото иныхъ
металловъ. Нашли 64 элемента, атомистич-
ескую теорію, а теперъ? Открыты Юри,
опыты Рамзая, работы Колли, Паттерсона,
Томсона — и мы узнаемъ чудеса о ради, ура-
ній, це-ли, является новая теорія электро-
новъ, и мы опять приходимъ къ единству

вещества и возможности обращенія одного
тѣла въ другое. Да! Мы читали, какъ про-
глупую сказку, о заклинаніяхъ надѣть воско-
вымъ слѣпками съ частицами вещества то-
го, надѣть кѣмъ дѣлаютъ заклинанія. Брали
волосы, ногти... смѣялись надѣть вынутые
слѣдомъ... и что же? Рише переносить
субстанцію въ стаканъ съ водою. Колеть
воду и человѣкъ чувствуетъ уколъ. Борен-
геймъ приводить примѣръ, точь въ точь, по-
добный случаю съ вами. Кузнецъ въ злобѣ
на врага въ полночѣ ковалъ у себя полосу
и удары молота отдавались въ головѣ его
врага. Это одинъ изъ видовъ внушенія.

Алеша вздрогнулъ.

— Это онъ?! Эти адскіе звуки...

— Я не говорю: навѣрно. Возможно.
Онъ беретъ полоску желѣза, ножикъ и скоб-
лить его пальчикомъ.

Алеша почувствовалъ смутный страхъ.

— Случай съ Нидіей и Юстиной — это
прямо телепатическій опытъ. Собствено съ
Нидіей. Онъ создаетъ иллюзію, создаетъ со
всей силой своей воли и она его видѣть.
Да, такіе случаи даже обыденны! Я страдаю
и всей душой переношусь къ близкимъ,
прощаюсь съ ними. И что же? Они меня ви-
дѣть. У меня предсмертное напряженіе силъ,
а у него такъ развита волевая энергія, что
онъ можетъ вызвать это явленіе по же-
ланию. Юстина — первна. Онъ нѣсколько разъ
ее гипнотизировалъ. Она — сенестикъ и въ
этотъ разъ она перехватила посылаемые
имъ токи такъ, какъ можно перехватить
волны, посылаемыя радио-телефрафомъ...
Нѣть ничего фантастичнаго. Что касается
вызыва Нидіи къ себѣ, послѣ такой ночи,
когда воля совсѣмъ ослаблена, — это пустя-
ки. Это вы сдѣлаете. Да, да! Все просто, но
и страшно...

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азриянъ, В. З. Бочковскаго
И. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской,
В. Н. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Л.

— Вы поможете намъ, Павель Васильевич,—молничишъ голосомъ произнесъ Алеша.

Широ кивнула.

— Сила противъ силы. Я буду молиться и черпать силу въ сознаніи, что преслѣдую свѣтлыхъ щѣли, что борюсь со зломъ. Да, я помогу вамъ. Я обѣщаю Надію Евстафьевну, хотя не знаю, не думалъ, что Лемемъ найдетъ такъ далеко.

— А что намъ дѣлать? Какъ сгладить Надію?

Широ отвѣтила не сразу. Онь сидѣть неподвижно, выпрямившись и склонивши веерами глазами смотрѣть прямо передъ собою. Алеша съ чувствомъ какогото суевѣрнаго почтенія глядѣть на него, и въ головѣ его въ хаотическомъ беспорядкѣ пронеслись мысли: Лемемъ и лафетъ Дюпира, генеральскіе мундирѣ и юркая фигура еврея, склонившагося, какъ отъ корчи, при каждомъ выстрѣльѣ, Надія, какіято чары... нелѣпость, бредъ, и въ то же время ясная опасность. Шарлатанство и сила... И этотъ Широ, и тотъ пророкъ...

Широ заговорила ровнымъ голосомъ.

— Нужна борьба. Воля противъ воли. Когда вы услышите странный шумъ, этотъ визгъ измѣльника, лягьте на спину,—если вы лежите; сидите спокойно, если еще не легли. Напрягите всю свою волю и скажите себѣ съ твердостью: «Я знаю источникъ этихъ звуковъ, и они не беспокоятъ меня»... А потомъ устремите свое вниманіе на Лемема. Да... Представьте его... И скажите ему: «Перестань. Я знаю твою игру...». На-

прятите всю волю... Если не поможетъ, уйдите изъ дома, прогуляйтесь, найдите общество... Это борьба. Укрѣпляйте волю...

Алеша нетерпѣливо мотнула головою.

— А Надія? Съ ней?

— Тутъ вы бессильны. Я посыщу Надію Евстафьевну и Юстину Евстафьевну. Я буду говорить съ ними. Я уже обѣщалъ, и хотя я никогда не вступалъ въ борьбу, теперь-domъ-сясь съ нимъ силами. Будемъ молиться!—окончила она торжественно.

— Я вѣнъ себѣ,—заговорилъ изволновано Алеша,—я ничего не понимаю. Все такъ удивительно... Вѣнъ законовъ... Я хочу сказать, вѣнъ законовъ моего мышленья. Мы надѣемся только на вѣсъ. Вотъ теперь, сейчасъ, что съ нею? Каждое мгновеніе какакто неясная угроза.

— Что съ нею?—Широ встала съ кресла.—Вы сейчасъ это узнаете. Да, да!

Онь, словно зрячій, подошла къ письменному столу, выкинула ящикъ, и вернулась назадъ съ коробочкой въ рукахъ.

— Вотъ, сейчасъ!—Онь вынула изъ кармана тужурки черный футляр и положила его на столъ, свернувъ комкомъ; потомъ вынула изъ коробочки крошечную колбу, наполненную чѣмто чернымъ, и кашающаюся стеклянныемъ, чернымъ шарикомъ. Онь уложила ее въ платокъ, словно въ гнѣзда, и сказала Алешѣ:

— Это—волниебный кристалль. Не улыбайтесь...

Алеша и не думать улыбаться. Онь глядѣть то на колбу, то на Широ, и чувствовала неизѣяснимыя волненія.

— Теперь,—сказалъ Широ,—поворни-

те, пожалуйста, все выключатели, чтобы только въ люстру горѣла одна лампочка.

Алеша повиновался. Онь загасила свѣтъ на письменномъ столѣ, нашѣла у приголоки выключатель для люстры и повернула разъ,—изъ пяти лампъ угласло три; она повернула еще разъ,—и остался свѣтъ одной лампы.

— Такъ, сказала Широ, словно все видѣла,—теперь сядьте къ столу и смотрите на приголокъ такъ, чтобы въ немъ отразился свѣтъ лампы. Когда прикосновитесь, скажите мнѣ.

Алеша сѣлъ. Сначала свѣтъ какъто не улавливался, но Алеша мнѣяла направлѣніе взгляда и, наконецъ, на черномъ шарикѣ словно засвѣтился яркій огонекъ.

— Нашель,—сказала она.

— Сидите неподвижно и смотрите на свѣщающуюся точку — и въ то же время Широ положила широкую руку на шею Алеши.

— Смотрите...

Алеша смотрѣла. На его глазахъ выступили слезы и затуманили взоръ; потомъ слезы скатились, взоръ прояснился и крошечная свѣщающаяся точка словно расширилась, обратилась въ блѣдный свѣщающейся кругъ, какъ бы экранъ...

Алеша смотрѣла. Въ комнатѣ было такъ тихо, что можно было слышать слабое дыханіе Широ. Съ улицы донесся окрикъ и стало еще тише въ комнатѣ.

Алеша смотрѣла и вдругъ увидѣла гостиную Верхоплавцевыхъ,—коверь, люстру, акваріумъ, негра, въ руки котораго свѣтился фонарь...

Вошла Надія и сѣла къ роялю... подняла крышку и стала играть. Лицо ея блѣдно, но спокойно... Вошла, словно пыльца, Марія Евстафьевна и сѣдѣмъ за нею Юстина. Надія перестала играть и встала. Изъ прихожей поднялись дамы. Алеша узнала Бубенцову... все заволоклось, какъ туманомъ.

Алеша откинулся. Широ сидѣть въ кресль, держа руки на колѣняхъ.

— Вотъ вы видѣли Надію Евстафьевну. Никакой тревоги,—сказалъ она.

Алеша взрѣгнула и пробормотала:

— Это такъ удивительно...

— Кажется удивительнымъ,—поправилъ Широ;—50 лѣтъ назадъ никто бы не повѣрилъ, что мы можемъ говорить другъ съ другомъ за 1.000 верстъ, а теперъ дѣти знаютъ телефонъ. Что мы можемъ передавать сообщенія прямо по воздуху, что можемъ сохранить голосъ и музыку въ звукахъ, а не звукахъ; что передъ нами живутъ движенья, позы, мимика и мы ихъ будемъ воспроизводить по желанію. А теперъ говорять, какъ о простыхъ вещахъ—о радио, о граммофонѣ, о кинематографѣ. Такъ движется прогрессъ... Ничему не удивляйтесь!. Наполеонъ смылся надъ пароходомъ; Гютенстѣнъ сказали, что только сумасшедший можетъ предложить освѣщать улицы и жилища газомъ... тысяча примѣровъ!—и Широ поднялась и стала бережно укладывать въ коробочку волшебный кристалль.

Алеша поднялся тоже.

— Я успокоился. Если вы съ нами, я не буду бояться за Надію.

— Съ Божьей помощью мы его побѣдимъ, — отвѣтила Широ, провожая Алешу до порога своего кабинета и пожимая ему руку широкой теплой рукою.—Не падайте духомъ!..

И Алеша ушелъ отъ Широ ободренный и успокоенный.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. З. Бочиновскаго
Д. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской,
В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

II.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.

Въ самомъ углу у выхода на переднюю площадку сидѣлъ Лемемъ. Въ деревенской избѣ трамвайный вагонъ трамвая было душно отъ сперта воздуха, но Лемемъ сидѣлъ съ поднятымъ воротникомъ, въ надвижной до бровей шапкѣ и ни другъ и ни врагъ не смогъ бы разглядѣть его лицо и признать его.

Трамвай перѣѣхалъ Троицкій мостъ и катился дальше. Пассажиры дышали на покрытые инеемъ стекла и старались разглядѣть путь, чтобы не пропустить своей остановки. Лемемъ сидѣлъ недвижно, плотно втиснувшись въ уголъ, а потомъ быстroppоднялся, легко раздвинулъ скученныхъ у двери людей и сошелъ, едва остановился вагонъ.

Первый прошелъ, онъ остановился у подъѣзда двухэтажнаго дома, отперъ дверь своимъ ключомъ и неслышно вошелъ въ трѣснину вестюбиль, слабо освѣщенный дежурной десятисвѣтевой лампочкой.

Появя отъ двери поднималась узкая лѣстница, покрытая краснымъ сукномъ.

Наконецъ въ стѣнѣ чернѣла маленькая дверь.

Лемемъ открылъ ее своимъ ключомъ, скользнувъ въ нее, закрылъ и въ темнотѣ свободно прошелъ черезъ маленькую теплую переднюю.

Войдя въ комнагу, онъ повернулся выключатель, и слабый светъ освѣтилъ уютную гостиную, заставленную мягкою мебелью, убранную избрами и зѣбринными шкірами. Широкий низкій опиоманъ бытъ покрытъ шкірой промадиано бѣлого медвѣдя; у изножья стѣла съ покрытіемъ до склона раскинулась шкіра огрумного тигра и линція полоза съ ощеренными зубами сверкала желтыми стеклянными глазами.

Лемемъ небрежно бросилъ шапку и шубу на бѣлый мыѣкъ медвѣдя и прошелъ въ переднюю комнату, посрединѣ которой стояла двухспальная кровать, покрытая тонкимъ шелковымъ одѣяломъ.

Здѣсь онъ сбросилъ свой смокингъ, жилетъ, крахмальную пубашку и надѣлъ сѣрую блузу, а поверхъ нея кожаную куртку, сунулъ въ карманъ браунишъ, на-

дѣлъ теплый карпузъ, снова перешелъ въ гостиную, прошелъ черезъ темную столовую, бемольную сѣни, открылъ дверь и вышелъ въ садъ. Старыя деревья были покрыты снѣгомъ и ихъ отягченныя вѣтви казались прозрачными воссияющими лапами.

Лемемъ быстро прошелъ къ одиночному столицу кроночечному філантропу въ три окна и стукнувъ въ оконце.

Въ ту же минуту растворилась дверь и онъ вошелъ въ сѣнѣ.

Его встрѣтилъ изорванный, широкоплечій мужчина, какъ и онъ, въ кожаной курткѣ, съ трубкой упрямымъ лицомъ, испорченнымъ осиной.

— Все припомнить? — спросилъ его Лемемъ.

— Какъ всегда, — отвѣтилъ тотъ.

— Иди съ калинѣй и жди. Входиць спрашивай. Только четверо.

— А слова?

— Спроси, кого надо? Отѣбѣ: зѣвериця ченверга. Всѣхъ въ лицо знаешь. Примутъ, калинѣй запри и спусти собаку. Иди!

Человѣкъ молча надѣлъ на голову теплую шапку и вышелъ. Лемемъ прошелъ въ комнагу и опустился на диванъ. Просторная комната была ярко освѣщена лѣстной лампами; въ углу ся тонался огромный паминъ и громадный шольнь, охваченный пламенемъ разжигали жизнелюбие тепло. Стѣны комнаты были украшены разѣѣшанными оружиемъ, оленями и рогами и упражненіями головами лосей. Постѣнамъ стояли широкіе диваны, по угламъ — круглые столы, а посрединѣ столъ, окруженный дубовыми стульями и установленный бутылками, и рюмками, спасанками и блюдами съ разной юдой и закуской. Стояли и лѣкы, и бальсы, и копченый сигъ, и замѣненія осетрина; страстибургскій широгъ и соленые грибы, и селедка.

Лемемъ полулежа на диванѣ и равнодушно смотрѣлъ на горящія въ каминѣ дрова, трескъ которыхъ нарушалъ безмолвную тишину.

Прошло съ полчаса, когда послышалась скрипъ снѣга подъ ногами, тошнота щуръ у крыши, а затѣмъ стукъ двери, голоса и глухой, отрывистый лай собаки.

Лемемъ повернулся лицо къ двери и не довольно нахмурился.

— Всѣ сразу! Какая неосторожность.

— Случай, совершенный случай. Каждый хотѣлъ быть точно въ десять часовъ. Здравствуйте, хозяинъ! — проговорилъ беспечный, веселый голосомъ изящно одѣтый, вымытый, вычищенный, розовый, яловъ Стешановичъ Позерь.

Кто не знаетъ Позера? По крайней мѣрѣ, онъ думаетъ, что его всѣ знаютъ. Красивый, элегантный блондинъ, съ розовыемъ лицомъ и головою, круглою какъ шаръ и голою, какъ юлько, онъ состоялъ личнымъ секретаремъ при банкире Корболовъ и несмѣннымъ адъютантомъ при его женѣ.

— Случай, совершенный случай, — повторилъ онъ и сѣлъ на другой конецъ дивана, поджавъ щодь себя лѣвую ногу.

— Совершенно вѣрно. Хотѣли быть точными, — подтвердилъ, здороваюсь съ Лемемъ высокій броненѣтъ, лицо втораго раза перестыкали дѣвѣ черныхъ срешихшихъ бровей и линія тонкихъ, закрученныхъ стрѣлками усють, между которыми выдѣгдалась тонкій и острый носъ. Это былъ — Валерьянъ Александровичъ Дружининъ, биржевой игрокъ завсегдатай частныхъ театровъ, клубныхъ маскарадовъ, бѣговъ и скачекъ.

Онъ досталъ толстый портсигаръ, закурилъ и сѣлъ на стуль, положивъ нога на ногу.

Толстый, рыхлый, словно отекшій, Константина Николаевича Кручу и высокій съ длинными усами, курчавыми сѣдыми волосами и горбатымъ носомъ, трекъ. Распопадуло поздоровались молча и молча сѣли.

— Погодимъ, поговоримъ и разойдемся. Я сегодня усталъ, — сказалъ Лемемъ, вставая и пересаживаясь къ столу и въ этомъ человѣкѣ никто не призывалъ бы того замкнутаго, таинственнаго Лемема, который поражалъ умы въ салонѣ Верхоплавцевой, пѣняясь дамъ, увлекалъ Сутугину и интересовалъ даже Царское Село.

Онъ налилъ себѣ рюмку водки и быстро выпилъ, жадно затускывая икрою, которую захватилъ столовой ложкой.

— Ядъ для меня, а иногда разрѣшаю, — усмѣхнулся онъ.

— Пить умереть, не пить умереть, — выпивая свою рюмку, сказалъ Позерь, а Кручу успѣлъ выпить уже три и, наливая четвертую, говорилъ:

— Меня дѣвушка учила — никогда не

будь пьяницей, а пить можешь. Бери съ мене примѣръ, больше четверти въ день себѣ не дозволяю...

— Можно пить, есть и говорить. Кручу! — сказалъ Лемемъ, — пить и дѣлай свои соображенія.

Кручу положилъ себѣ на тарелку рыбы, налилъ стаканъ вина и заговорилъ:

— Съ Савельевой дѣло кончено. За свой шансъ она уплатила 15 тысячъ и я внесъ ихъ Позеру.

— Есть, — отозвался Позерь.

— Съ тайнымъ соѣтникомъ тоже налаживается. Онъ теперь понимаетъ, что шансъ извѣстна его переписка и разгадалъ шифръ. Пока еще топорщится и торгуется, но черезъ недѣлю сдастся. Я его на всѣ четыре ноги подковалъ. Не уйдеть.

— Сколько назначено? — спросилъ Лемемъ.

— Двадцать пять, — тотчасъ отвѣтилъ Позерь.

Лемемъ вопросительно взглянулъ на Дружинина. Тотъ послѣднѣю проглотилъ кусокъ ветчины и отвѣтилъ:

— Деньги есть.

— Тогда уступать не надо.

— И не уступлю. Теперь еще Лутина и Кротова.

— Что Лутина?

— Кажется не согласится.

— Гитцельманъ тодится?

— О, да! я его держу въ черномъ тѣлѣ, но изъ него выйдеть толькъ. Онъ и наглый, и наглый и искательный. Приѣхитъ — не оторвешь.

Лемемъ зевнулъ.

— Онь мінъ пациентовъ достаетъ.

— Онь все можетъ. Еще одно слово и я кончу, — сказалъ Кручу. — Навертывается человѣкъ одинъ. Очень подходящій. Я хочу его взять.

— Ты берешь, твое дѣло. Онъ будетъ знать одного тебя.

— Ну, естественно.

— У тебя сколько?

— Сейчасъ трое. Онъ будетъ четвертый.

— Кто такой?

— Кустовинъ. Зовутъ Аѳанасій Прокофьевичъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романь тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрозвъ, А. Т. Азэрзенъ, В. Э. Бояновскаго
Л. П. Гедича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской,
В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

III.

Обходительный, проныра. Окончилъ Киевскій университетъ и былъ записанъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ при киевской палатѣ. Обманулъ двухъ клиентовъ, продалъ одного и былъ исключенъ изъ сословія. Прѣѣхалъ въ Петроградъ, издавалъ журналъ «Альковныя тайны» и былъ высланъ. Уѣхалъ въ Москву, тамъ служилъ въ полиціи, потомъ вернулся сюда, и служилъ въ охранѣ. Это въ 905 году, а теперь частнымъ повѣреннымъ. На всѣ руки.

— Бери,—сказалъ Лемэмъ,—пусть работаетъ. Говори ты, Аристидъ!

Грекъ Распопудо кивнулъ головою, пожалъ плечами и заговорилъ:

— А что миѣ говорить надо? Мое дѣло чистое, какъ стекло. Я даю каждый день три тысячи, и все. Народу играть идеть все больше. Стриги, какъ барашковъ. Теперь баккара завелъ. Кипимъ. И что, хозяинъ? Теперь у меня «Отдѣль тружениковъ», а еще продаютъ уставъ одного клуба. Дешево продаются. Скажешь—купить?

— Для чего?—пожалъ плечами Лемэмъ.—Этотъ работаетъ, и довольно. Не будь жаденъ. Сколько у тебя человѣкъ?

— Пять! Самые лучшіе, а когда пой-

деть король, я гастролеровъ зову. Изъ Москвы выписываю. Да!

— Сколько сдалъ?

— Всѣ ему сдаю!—сказалъ грекъ, указывая на Позера.

Тотъ кивнулъ.

— Все есть.

— Ты, Дружный!—обернулся Лемэмъ къ брюнету.

Дружный подергнулъ свои усы, вытеръ салфеткой губы, и сказалъ:

— Сперва о работѣ, потомъ о разыѣкахъ, и затѣмъ обѣ опасностяхъ...

— Опасность! Намъ грозить опасность?—шобѣдѣръ, воскликнулъ Кручу.

Лемэмъ кинулъ на него презрительный взглядъ, а Позеръ сказалъ:

— Ты, Константина, трусь, и хозяинъ долженъ тебя оштрафовать.

— Нѣть. Я только такъ,—пробормоталъ Кручу, испугавшись еще сильнѣе и торопливо, замѣтъ вытиль стаканъ мадеры.

— Помни свой призывъ. Они у меня,—тихо сказалъ Лемэмъ.

Кручу опустилъ голову и, толстый, рыхлый, казался вдругъ опустившійся опарой.

— Говори!—обратился Лемэмъ къ Дружному.

Тотъ откашлялся, закурилъ папиросу и

сталъ говорить ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. На дворѣ стояла темная ночь. Въ саду, прилегающемъ къ особняку, было темно и глухо. Одинокій флигелекъ, казалось, былъ необитаемъ, таѣ плотно были занавѣшены окна,—но если бы кто вошелъ внезапно, онъ засталь бы пятерыхъ мужичинъ, устроившихъ въ охотничемъ павильонѣ холостую пирушку.

Дружный говорилъ:

— За эти дѣвѣ недѣли только два налета, но оба удачные. Одинъ на банкирскую контору Коркина—180 тысячъ, не считая процентныхъ бумагъ. Другой на магазинъ Соболева,—на 200 тысячъ мѣховъ. Никто «не засыпался», какъ говорятъ они. Для конторы я выписывалъ специальную шифера: взялъ 50 тысячъ; на кладовую магазина налетѣлъ дѣлали свои, изъ десяти процентовъ каждый. Всѣхъ трое.

Онъ отшатъ изъ стакана и продолжалъ:

— Есть на очередь—страховая контора «Вѣрность». Они готовятъ платежи и со среды на четвергъ у нихъ будетъ въ шкафу 264 тысячи. Планъ конторы снять, слѣпки съ замковъ сдѣланы, паводчики обезпечиваются и впускъ, и стрему. Работать будетъ тотъ же гастролеръ за 40 тысячъ.

— Почему все гастролеры? Развѣ пять своихъ?

— Для вскрытия стальныхъ шкафовъ—нѣть. У нихъ свечи, приборъ по системѣ Бернардота, спиртка, спички, а у нашихъ единственная отмычка и фомки.

— Надо организовать эту часть. Подумай!

— Слушаю,—отвѣтилъ Дружной, и продолжалъ:—предлагаютъ хорошее дѣло, разгромъ дома Апраксина. Тоже все налажено, и затѣмъ дѣлъ квартиры: графа Рибопиера и Стала. У Стала коллекція золотыхъ монетъ, тысячу на сто золота, откидывая нумизматическую цѣнность... Теперь опасности...

Онъ налилъ въ стаканъ вина, отпилъ и заговорилъ:

— Дѣло съ Любугомъ заглохло. Слѣдствіе у Губанова, ищутъ въ сыскномъ и ходятъ до лавочкамъ. Брилліанты давно уже за границей и сѣда нѣть. То же и съ другими налетами. Все казенныя персидкомъ. Я приобрѣлъ въ сыскномъ своихъ людей и они меня оповѣщаются о всѣхъ дѣлахъ. Съ той стороны мы безопасны. Есть признаки опасности только по дѣлу Бяленицкаго. Если бы оно было только у Губанова,—это чепуха. Въ сыскномъ его поручили дураку Пригожему,—только забава. Но сейчасъ за него взялись Лучининъ и братъ Берениковъ,—и Богъ ихъ знаѣть, что они предпримутъ? Этотъ Берениковъ, братъ, вѣдѣлъ Бяленицкаго.

— Пустое,—сказалъ Лемэмъ,—отъ безвреденъ. У него въ памяти проблемъ. Гитцельманъ умѣеть имъ его слѣдъ. Его пайдутъ, и все вниманіе будетъ поглощено имъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Авертико, В. 9. Бодяновскаго
Л. П. Гиѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской,
В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

ЛIII.

Дружинъ кивнулъ и спросилъ:

— А. Беренниковъ? Онъ въ подозрѣніи. Лицо Лемэма исказилось злобою.

— Надо сдѣлать такъ, чтобы подозрѣніе обратилось въ увѣренность.

— А не лучше стараться загасить?— осторожно спросилъ Дружинный.

Лемэмъ сверкнулъ глазами.

— Я сказалъ. Онъ долженъ угодить въ тюрьму и на скамью подсудимыхъ. Озабочься этимъ.

— Слушаю, хозяинъ.

— Ты Яковъ!

Позоръ изящно изогнулся, вынувъ изъ кармана записную книжку, всталъ и началъ говорить, заглядывая въ нее.

— По клубу Распопдуло—за текущій мѣсяцъ поступило 90 тысячъ обычныхъ взносовъ и 35 тысячъ съ обыграемыхъ по условію изъ двадцати процентовъ. А всего 125 тысячъ. По отдѣлу Кручу: 15 тысячъ съ Саведьевской, 10 съ Адашевы и пять съ Симы. Изъ нихъ десять процентовъ агентамъ.

— Это самому Кручу,—сказалъ Распопдуло.

— Ей-Богу, агентамъ! — отозвался Кручу.

— Итого— получено 27 тысячъ.

— Очень мало,—сказалъ Лемэмъ,—изъ такихъ денегъ не стоитъ рисковать. Ты долженъ расширить дѣло, Кручу!

— Теперь перестали бояться мужья женъ, жены мужей. Шантажъ падаетъ.

— Я дамъ тебѣ дѣло.

— Остался Дружинный. Разгромъ Бяленицкаго дѣлъ 180 тысячъ и 30 тысячъ у него лично. Камни Дюбюа сейчасъ оцѣниваются въ 200 тысячъ, но цѣна растетъ и я хочу, хозяинъ, отдать ихъ за 300, хотя если ждать...

— Ждать некогда.

— Тогда 350, по конторѣ Соболева 130 тысячъ и на 200 бумагъ. Я продалъ ихъ

за 120. Всего 250 и за мѣха получено 110. Мелкихъ поступлений по кражамъ 42 тысячи. Такимъ образомъ, всего за мѣсяцъ одинъ миллионъ пятьдесятъ девять тысячъ рублей. Изъ нихъ по раскладкѣ десять процентовъ хозяину, пять—мнѣ и по десять процентовъ съ доставленныхъ суммъ хозяевамъ отѣловъ: Дружиному—91 тысяча 200 рублей, Распопдуло—12 тысячъ, Кручу—2.750 рублей, мнѣ—502 тысячи 850 рублей, хозяину 105 тысячъ 950 рублей. Эти деньги я привезъ въ чекахъ на Липинский кредитъ Московскій и Коммерческій банки.

Лицо Дружинного и Распопдуло озарилось улыбками, Кручу наступился, Лемэмъ остался безстрастно спокойнымъ.

— Осталась сумма 344 тысячи 350 рублей. Изъ нихъ десять процентовъ изъ расходовъ, оставленное для дѣлежа между сотрудниками, общее собраніе?..

— Тринадцатаго,—отозвался Лемэмъ... оповѣстите своихъ сотрудниковъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Пароль?—Лемэмъ усмѣхнулся и сказалъ,—Царское Село.

Позоръ выпустилъ изъ бумажника чеки и раздалъ ихъ присутствующимъ, послѣ чего сѣлъ и жадно выпилъ стаканъ вина. Лицо сияло отъ удовольствія, голая голова—отъ выступившаго пота.

Лемэмъ оглянулся всѣхъ и заговорилъ медленнымъ голосомъ.

— Всѣ четверо и я—это ядро нашего общества. Каждый изъ васъ имѣть двухъ сотрудниковъ—всего 8, съ вами 12 и со мной 13—чортова дюжина. Вы вольны приглашать работниковъ, случайныхъ и постоянныхъ, на жалованье, сдѣльно, изъ процентовъ, но они знаютъ только васъ, одного изъ васъ, и всѣ сношены ограничиваются только вами. Тайна, полная тайна. Въ ней сила. Я доволенъ пока всѣми; отстаетъ Кручу, но самъ за это и платится. Я отпускаю всѣхъ до 13-го, 13-го въ полночь. Кручу, ты согнись на минуту.

— Ждать некогда.

— Тогда 350, по конторѣ Соболева 130 тысячъ и на 200 бумагъ. Я продалъ ихъ

Всѣ тотчасъ поднялись и простились съ Лемэмомъ.

— Выходите по одному!—сказалъ онъ и кивнулъ Кручу, который тотчасъ пересѣлъ на ближній стуль.

— Два слова, но выслушай и пойми,—сказалъ Лемэмъ,—я знаю, что эти Беренниковы изобрѣли дальнобойное орудіе и сдѣлали всѣ вычислѣнія и чертежи. Ты долженъ ихъ скопировать, вычисленія списать или просто ихъ выкрасить. Понимаешь? Получишь 50 тысячъ и завтра на расходы дѣсять. Все, иди!

Кручу хотѣлъ что-то сказать, разинулъ ротъ, но, взглянувъ на Лемэма, тѣлько произнесъ:—Слушаю!

Онъ ушелъ. Лемэмъ устало потянулся, всталъ, надѣлъ картузъ, застегнулся и вышелъ изъ домика, направляясь къ главному флигелю.

Лицо его было безстрастно.

ЛIV.

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Онъ перешелъ въ легкій фланелевый костюмъ, вышелъ изъ своей квартиры, тщательно заперъ дверь и легкой походкой поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ. Здѣсь онъ осторожно стукнулъ континентальными пальцами въ дверь и дверь тотчасъ отворилась.

Лемэмъ шагнулъ черезъ порогъ и во кругъ его шеи обвились горячія руки, къ щекѣ прижалась щека и нѣжный голосъ со страстью и упрекомъ прошепталъ:

— Наконецъ! Пришелъ. Я ждала, два дня ждала. Измучилась.

Она обняла стройный станъ, приподняла хрупкую фигуру и легко перенесла ее въ слабо освѣщенную комнату, какъ и комната Лемэма, всю убранную мѣхами, шкурами и коврами.

Словно лунный свѣтъ струился изъ подъ вѣшилки къ потолку фонаря и при этомъ свѣтъ хрупкая, стройная фигура, окутанная, словно облакомъ, тонкой, какъ паутина тканью, казалась воздушной.

Онъ нѣжно поставилъ ее на пушнистый коверъ и, не выпуская изъ объятій, сказалъ:

— Не надо, Раиль, быть такой нервной и ревнивой. Я самъ не знаю,

какъ сложится мой день. Мы съ тобой не молодые любовники.

Женщина, которую онъ назвалъ Раилью, была прекрасна. Тонкія ноздри ея изящнаго носа раздувались и дрожали, алые губы, проткнутыя улыбкой, открывали жемчужные зубы, словно начерченные черныя брови и частыя рѣчины еще ярче выдавали красоту черныхъ большихъ глазъ, теперь полныхъ любви и ласки; бѣлый высокій лобъ вѣнчался черными густыми волосами и вся она, стройная, воздушная, трепещущая и радостная, была олицетвореніемъ любви и страсти.

Она прижалась къ Лемэму и, обнявъ его сказала:

— Сядь! Я съ тобой всегда такая. Мнѣ всегда кажется, что я узнала, полюбила тебя вчера и потеряю тебя завтра.

Они опустились на широкій оттоманъ, покрытый ковромъ съ брошенными шелковыми подушками.

Лемэмъ обнималъ женщину и черты его безстрастнаго холоднаго лица, казались, смягченными

— Ты будешь у меня до завтра? Да?

— До завтра.

Она тихо засмѣялась.

— Я словно чувствовала. У меня въ будущемъ кофейный пріоръ и твой лікарь. Я прогнала Джинну спать. Она хотѣла разказать мнѣ сказку, но я прогнала ее.

— Я усталъ сегодня.

— Ты сейчасъ ляжешь, а я буду подѣлывать тебя. Я слыхала, какъ ты вошель и вся замерла. Думала—прямо ко мнѣ, а ты вѣсѣлъ. Что ты дѣлалъ?

— Оставь. Я тѣ люблю этихъ разспровоць.

— Я знаю,—она отшатнулась отъ него и въ ея голосъ прозвучала грусть,—я тебѣ только любовница...

— Нѣтъ, и помощникъ...

— Да! Когда надо обмануть людей. Ты меня берешь, дѣлаешь меня бездушной и дурачить людей.

Голосъ ея задрожалъ и глаза сверкнули слезами обиды.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тридцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверинъ, В. Э. Бочиновская, И. П. Гнѣдчча, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Поганенко, Ф. И. Сологубъ и др.

LIV.

Лемѣмъ выпрямился и сердито взглянула на молодую женщину.

— Рахиль! — и въ его голосѣ прозвучало недовольство. Она испугалась.

— Нѣтъ, пить! Не сердись, милый. Я это такъ. Сегодня я счастлива. Я болѣлась, что ты опять съ женщиной и вся дрожала, слушала. Спустилась внизъ. Смотрила. Нѣтъ, ты былъ одинъ. У подъѣзда не было экипажа. За дверью тихо.

— Эмма! — строго сказала Лемѣмъ и брови его дрогнули, — я запрещаю тебѣ глядѣть за мною, ревновать, нарушать гармонію нашей жизни, а ты...

Она умоляюще склонила голову.

— Прости. Это выше моихъ силъ. Не могу. Нѣтъ, пить. Когда ты прѣѣхалъ съ этой коровѣй Сутугиной, когда ты приводилъ птичку, я была снокойна. Это тебѣ надо и — пустъ!.. Но я боюсь, если другъ найдется другая, если она есть. Она есть!

— Эмма!

— Вотъ я уже не Рахиль. Ты сердишься. Я права.

Она выпрямилась и глаза ея словно Ѣзыкули отнемѣ.

Она быстро обняла ее и привлекъ къ себѣ.

Она затрепетала и спрятала лицо свое въ него на плечѣ.

— Пойдемъ. Готовъ пить кофе и ложемъ. Я устала.

Онъ поднялся съ дивана и, обнявъ ее, вошелъ изъ комнаты.

Весь этажъ занимала ея квартира. Справа — большая, пышная гостиная, за нею строгая, величавая столовая съ рѣзнымъ буфетомъ, похожимъ на церковный органъ. За ней — буфетная, лоджия и кухня. Слѣва — стеклянная галлерея, обращавшая въ зимний садъ, маленькая дверь въ буфетъ и за нимъ спальня, ванная, гардеробная и тоже лоджия.

Онишли черезъ зимний садъ мимо холодныхъ пальмъ и олеандровъ и онъ сказала:

— Я скоро вывезу тебя въ сѣть и ты откроешь прѣемы.

— Опять — съ испугомъ сказала она, опять это...

— Опять. Такъ надо. Ты помнишь напѣтъ?

Она вздрогнула и покорно отвѣтила:

— Все помню. И я Эмма?

— Евгения... Женя, Джени... Евгения Павловна Руге. Какъ зовутъ тебя слуги?

— Евгения Павловна.

— А Джимма?

— О! — Рахиль засмѣялась — она зоветъ меня козой горлицей. Рахилью...

— Пусть же будетъ болтунка.

— О, она меня любить; тебѣ болтунка. Она не знаетъ русскаго языка.

— Тѣ, которые будутъ бывать здѣсь, знаютъ всѣ языки. Принески ей.

— Я ее буду прятать, — и Рахиль засмѣялась.

Они вошли въ буфетную и она оставила его, и онъ загорѣлся весь, словно охваченный пожаромъ. Все красное. Красный блюхарь изъ низкой мягкой мебели, красные ковры, красная постель, красная матерія, покрывающая стѣны и потолокъ, и въ красномъ отблескѣ блѣдно-матовое лицо Рахиль съ черными глазами и черными волосами, бѣлымъ, какъ кинецъ, обнаженнымъ плечи и руки — казались еще выразительнѣе, еще прекраснѣе.

Лемѣмъ вздрогнула и покорно обняла Рахиль.

— Иди, ложись, милый, — сказала она.

Они вошли въ роскошную спальню, посреди которой стояла широкая, широкая кровать.

Лемѣмъ опустился на диванъ.

Рахиль подняла стулъ, на которомъ стояли кофейный сервизъ, тонкія рюмки и высокая оплетенная бутылка, подложила спиртъ подъ кофейникомъ и сѣла на колѣнья Лемѣму.

Онъ обнялъ ее и они молчали. И было странно лицо Лемѣма. Казалось, онъ смылъ маску и оставилъ ее внизу, за запертой дверью. Глаза ею свѣтились лакировкой мечтательностью, лубы скользили въ улыбку и на блѣдныхъ щекахъ развертывалась румянецъ.

— Ней и пижемъ! И вынынъ съ тобой одну рюмку. Вотъ такъ. Понѣмѣй меня.

Она поднялась къ нему лицо и засмѣялась. Выпила ложерь, отхлебнула кофе и заговорила:

— Вотъ если бы всегда мы такъ жили съ тобою. Если бы не было тайнъ, не было

обмановъ, если бы мы жили всегда на одинъ мѣстѣ и никогда бы не разлучались, не притворялись чужими...

— Оставь, Рахиль, — остановилъ ее Лемѣмъ, — будемъ любить другъ друга. Ты знаешь, я стремлюсь къ власти, къ богатству. Я хочу быть сильнымъ, такъ царемъ, и ты всегда будешь со мною. Помнишь, — и его голова дрогнула, — я называлъ тебя дѣлить мою долю и обѣщать тебѣ и блескъ, и власть, и богатство. Мы на дорогѣ.

— Я не знаю ихъ. Ты мое богатство, моя жизнь и я каждый день боюсь потерять тебя и дѣркнуть. Я устану и откажусь, и разрушу всѣ твои планы!

Глупая, — мягко усмѣхнулась Лемѣмъ, — мы проносишь вѣтъ-соль-часовъ и ты всегда ихъ отравляешь.

— Всегда, всегда! — она отодвинулась и глаза ея засверкали, — я для тебя погибка. Когда надо, я склоню орудіе и, Богъ знаетъ, какъ ты преслѣдуешь. Когда надо, я твоя любовница. И никогда, никогда никогда! тваринка. Я ничего не знаю. Ничего.

Лемѣмъ рѣзко оттолкнулъ Рахиль и всталъ.

— Безумная! Ты всегда полна яду.

Она откинулась отъ толика и скочила на ноги, яростная, сжимая кулаки, сорвавъ глазами.

— Теперь безумная! Толкнешь, ударить! Значить, правда? Глупый... я же осталась ни передъ чѣмъ. Я погублю себѣ, тебя, но и эту девчонку! Я не побоюсь шума. Я пойду къ нимъ, къ этимъ Верхоплавцамъ. Ты удивлена, что я знаю ихъ. Ты думаешь, отъ меня есть тайны.

Онъ остановился передъ нею и разнородные чувства боролись въ немъ. Лицо его окаменѣло, глаза смотрѣли пронзительно сурово.

Вдругъ онъ протянулъ руку къ властнымъ голосомъ сказавъ:

— Спи!

Рахиль пошатнулась и закрыла глаза. Онъ успѣлъ ее подхватить и бережно положить на диванъ.

— Ты меня слышишь? — спросилъ онъ, наклонясь надъ нею.

— Да, — отвѣтила она тихо.

— Ты должна забыть Нидію, девушку съ голубыми глазами, должна забыть Верхоплавцевъ. Ты забыла ихъ. Они исчезли изъ твоей памяти. Ты меня любишь?

— Люблю.

— Ты не знаешь ревности?

— Нѣтъ.

— Ты моя раба?....

— Раба....

Онъ выпрямился и провелъ рукой по вѣнчному лбу. Потомъ раздѣлъся и легъ въ постель.

— Ты проснешься, и словно ничего не было, — проговорилъ онъ, и черезъ мгновеніе громко и властно сказавъ:

— Проснись!

Рахиль вздохнула, раскрыла глаза и поднялась съ дивана. Лицо ея выразило сначала удивленіе, потомъ озарилось улыбкой.

— Ты уже легъ и не допилъ кофе. Я помѣдамъ тебѣ.

— Нѣтъ. Иди!

— Милый мой, ты усталъ сегодня.

— Да. Иди скорѣе.

Она засмѣялась и сбросила каштъ. Лемѣмъ протянулъ руку къ изголовью и загасилъ свѣтъ.

— Иди!

— Я здѣсь....

А. Зарина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Комментарии

Коллективный оккультно-фантастический роман «Чертова дюжина», печатавшийся в 1918 г. на страницах газеты «Петроградский голос», обещал стать одним из самых ярких событий в истории русского романа-буриме — но в ход событий вмешалась большая история...

Культурная летопись красного Петрограда летних месяцев 1918 г. читается как мартиролог. Каждая неделя приносила известия о закрытии всех новых газет и журналов: «Русская мысль», «Жизнь для всех», «Наш путь», «Дело народа», «Ежемесячный журнал», «Новая жизнь», «Новый сатирикон», «Наш век» («Новая речь»)...

В начале августа вышел и последний номер газеты «Петроградский голос»; газета издавалась с 1864 г. под названием «Петербургский листок», с 1914 г. — как «Петроградский листок», а затем «Петроградский вестник».

С конца 1916 г. редактором газеты стал прозаик, фельетонист, пародист и литературный критик А. А. Измайлов (1873-1921). Под его руководством недавняя бульварная газета превратилась в «живой, интересный и опрятный по направлению литературный орган» (А. Кауфман); к сотрудничеству были привлечены известные писатели и «в 1918 году «Петроградский голос» оставался одной из немногих уцелевших газет, предоставляющей свои страницы бедствующим литераторам»¹.

Видимо, именно у Измайлова зародилась мысль о «романе 13 авторов». О подготовительных этапах можно узнать из переписки Измайлова с Ф. К. Сологубом. Так, 20 апреля (3 мая) 1918 г. Измайлов пишет:

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» намерена приступить в очень непродолжительном времени к печатанию романа, коллективно написанного группой лучших современных писателей. Многие из них (как А. В. Амфитеатров, В. И. Немирович-Данченко) уже выразили согласие дать ряд глав, вступая последовательно в повествование предшественника.

Редакция имеет честь покорно просить Вас принять участие в этом деле. По изъявлению Вашего принципиального согласия, позвольте беспокоить вас прошу приехать на предварительное (единственное) совещание с собратьями по работе.

Не откажите в любезности нам сообщить о вашем согласии. (Тел. 641-69 и 132-24).

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности,

Всегда Ваш

А. Измайлов².

¹ Кауфман А. Памяти Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 13; Александров А. «Пусть Бог смируется над Вами, над нами, над несчастной Россией...»: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 года // Наше наследие. 2016. № 116 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11606.php>); см. также Александров А. С. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

² Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: переписка с А.А.Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 180. Далее: Переписка.

Сологуб, скромничая, ответил 23 апреля: «Конечно, я согласен, и надеюсь, что вы истолковали мое молчание как знак согласия. Боюсь, что мое сопствование с такими блестящими мастерами литературных импровизаций, как Амфитеатров и Немирович, будет неудачным, но попробую»³.

В номере 73 «Петроградского голоса» от 4 мая (21 апреля) Измайлов опубликовал свою заметку-анонс «Роман тринадцати!»⁴, приведенную нами в качестве предисловия, и объявление о скором начале публикации романа. Ориентиром, как можно судить по этой заметке, для Измайлова служил коллективный авантюристо-фантастический роман «Три буквы», печатавшийся на протяжении 1911 г. в «Синем журнале» — благо и сам он принимал в этом романе самое деятельное участие. Измайлов мечтал о «просто живом, интересном и литературном» произведении и твердо обещал читателям, что в «Романе тринадцати» они «несомненно» не найдут «Распутина, Сухомлинова, полковника Полковникова⁵ и взятия Зимнего дворца», а также и прочей «набившей оскомины» политики.

В письме от 9 мая Сологуб был приглашен в редакцию «для обмена мнений по “Роману 13-ти” и сообщения Ваших личных по сему поводу соображений. Так как совещание в полном составе предполагается единственным, то редакция убедительно просит Вас не отказаться в приезде»⁶. Затем Сологуб получил рукопись первых четырех глав, написанных Амфитеатровым — и вскоре Измайлов прислал маститому писателю отчаянное письмо:

Дорогой Федор Кузьмич,

Покорная просьба вернуть оригинал Амфитеатрова — необходимо его сдать в набор.

Очень обеспокоен и за Вашу часть. Необходимо с 1-го июня начинать!

Смилуйтесь, дорогой Федор Кузьмич!

Ваш искренно

А. Изм⁷.

Роман «Чертова дюжина» был благополучно начат в № 95 «Петроградского голоса» от 1 июня (19 мая). Вначале обещалось участие А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнедича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Бояновского, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др. Однако уже в № 100 редакция без каких-либо объяснений сообщила, что Куприн «выбыл» из числа участников; через некоторое время в их списке появилось имя Е. А. Нагродской.

Произошла с романом и неприятность иного рода — после интригующего оккультного зачина Амфитеатрова и Сологуба поднаторевшие в расхожей журнальной беллетристике Немирович-Данченко, Гнедич и Потапенко круто развернули повествование в сторону злободневности, то есть как раз того, от чего совсем недавно откращивался Измайлов. На страницах «Чертовой дюжине» замелькали тени «старца» Распутина и прибли-

³ Переписка, с. 281.

⁴ Петроградский голос. 1918. 4 мая (21 апреля). С. 2.

⁵ Г. П. Полковников (1883-1918) — военный деятель, главнокомандующий Петроградским военным округом в сентябре-октябре 1917 года. В марте 1918 г. был арестован в Задонской степи и расстрелян по приговору революционного трибунала.

⁶ Переписка, с. 283.

⁷ Переписка, с. 283.

женных ко двору сановников и аристократов, зазвучали проникновенные речи князя-подвижника из мастерской Достоевского и «патриотические» стечения... Зловещий искуситель, загадочный и демонический Лемэм, предстал чуть ли не аллегорией большевиков. «Провозвестники новых вер, странники по неведомым мирам, но с берлинскою подорожною, — говорит о нем профессор Четвергов. — Они под шумок, весьма основательно творят здесь свое изменническое дело».

Не слишком спасла положение и наметившаяся оккультная дуэль между Лемэмом и слепым отставным полковником Шпро, наделенным «внутренним зрением духа» и способностью распознавать темные силы. Сологуб недаром недоумевал, попутно отмечая в письме к Измайлову несуразицы и противоречия текста:

Получил, наконец, номера «Петроградского голоса» с начала июня. Спасибо за посылку их. К сожалению, нашел в них два повода для огорчения. Первый, выход из числа <авторов> нашего романа А. И. Куприна. Да еще без объявления причин. Совершенно непонятное происшествие. Мне кажется, что А. И. Куприну следовало бы или не давать своего согласия, или же уже исполнить свое обещание. А то что же может подумать читатель? Куприну не понравилось, что пишет Сологуб? Или с кем-нибудь другим он не хочет быть вместе? Но надеюсь, что вы, как редактор, которому, стало быть, это наиболее огорчительно, примете это, как одну из тех неизбежных неприятностей, которые вы заранее предвидели. Вопрос: после моих глав роман слишком круто поворачивает в другую сторону. Даже не видно, сколько же дней прошло от рассказанных событий. Любопытство читателя хорошо помучить день, два, три, — а затем неудовлетворенное любопытство переходит в досаду и равнодушие. Кроме того, у внимательного читателя является вопрос: когда же все это было? Баронесса уехала за границу к родным (она — немка), затем и барон уезжает на Варшавский вокзал. Четвергов говорит, что война продолжается 30 месяцев, стало быть, его лекция происходит после 19 января 1917 года. Ряд недоумений: как же ехать за границу через Варшавский вокзал в 1917 году? Как же ни ползуком не отразилось в романе это тревожное время? Или, может быть, между первыми годами и появлением Четвергова прошло не меньше трех лет? Боюсь, что если в последующем будут такие же несогласованности, то роман покажется очень пестрым. Во всяком случае, его надо довести до конца. Если в течение работы у Вас будет предвидеться заминка, я всегда буду готов написать одну или несколько глав, стоит Вам только написать мне об этом заблаговременно⁸.

Беллетрист А. С. Лазарев-Грузинский в письме к Измайлову, тем временем, сетовал на недостаток занимательности:

Как плохо наши знаменитости пишут «Чертову дюжину»! Дарю Вам экспромт: «Чертова дюжина» / Пишется дюжинно...» Когда придет Ваш черед сечься (Вы не заметили, что каждый из авторов начинает так робко, как будто не вступает на путь великих замыслов и творчества, а именно идет ложиться под лозы?), опишите Распутина, спиритов, ту мохнатую животину, о которой<й> Вы рассказали <...> у Вас это выходило так интересно. Еще я очень люблю читать у Вас об антиквариях и букинистах. Думаю, что и из этого можно к «Чертовой дюжине» притупить. Главный недостаток романа — отсутствие действия (все толкуются на одном месте) и «безынтересность». Хотя бы одна глава заинтересовала: — А что будет дальше? У Амфитеатрова это было»⁹.

⁸ Переписка, с. 285-286.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 174, л. 71 об. Цит. по: Переписка, с. 286-187.

Развязней всех поступил с романом плодовитый и полубульварный А. Е. Зарин, написавший 17 из 54 опубликованных глав. Под его пером «Чертова дюжина» выродилась в банальную уголовщину, роман пропах явственным антисемитским душком, а дьяволический Лемэм превратился в заурядного главаря шайки бандитов и шантажистов, разве что наделенного гипнотическими способностями.

Роман, таким образом, начал вырождаться задолго до финала. Пятьдесят четвертая глава в исполнении Зарина, напечатанная в № 147 «Петроградского голоса» от 3 августа 1918 г., стала последней. Последним был и номер газеты, постоянно подвергавшейся нападкам и оштрафованной властями. Как писал Измайлов В. В. Розанову,

Ваш фельетон пришел на другой день после закрытия буржуазной печати. Закрыты и мы после штрафа в 5 тысяч. Все это нам просто непосильно; мы изнурены пожаром, стихиями, общую бедностью, при которой газета — вредная роскошь. На издательстве огромные долги. Рабочие и сотрудники хотят ликвидировать предприятие и уже сделали к этому шаги. Я — безработный, как и все кругом¹⁰.

С. III.

---

¹⁰ Письмо от 11 августа 1918 г. См. Переписка В. В. Розанова и А. А. Измайлова (1918). Публ. и comment. А. С. Александрова // Наше наследие. 2016. № 116.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.